

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2020 № 1 (25)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Журнал размещён на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Журнал входит в Международную базу данных DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva, Ph.D, Ass.prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Elena G. Elina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Stanislaw Gajda, Ph.D, Prof. (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>

Olena I. Goroshko, Ph.D, Prof. (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>

Vladimir I. Karasik, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Robin Lakoff, Ph.D, Prof. (Berkeley, USA)

Tat'yana V. Larina, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Eleonora Lassan, Ph.D, Prof. (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Valentina A. Maslova, Ph.D, Prof. (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>

Mei Huang, Ph.D, Prof. (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>

Arto Mustajoki, Ph.D, Prof. (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>

Boris Y. Norman, Ph.D, Prof. (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Natalia V. Orlova, Ph.D, Prof. (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Bert Peeters, Ph.D, Prof. (Canberra, Australia), <https://orcid.org/0000-0001-8422-4156>

Valeri V. Prozorov, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Renate Rathmayr, Ph.D, Prof. (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D, Prof. (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

Vladimir A. Salimovsky, Ph.D, Prof. (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

Olga B. Sirotina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D, Prof. (Krasnoyarsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-0171-596X>

Tat'yana I. Steksova, Ph.D, Prof. (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Zifa K. Temirgazina, Ph.D, Prof. (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Maria Yelenevskaya, Ph.D, Prof. (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- Т. Г. Рабенко**
Кемерово, Россия
- Инвариантные и варианты признаки жанров
естественной письменной речи (на материале жанров
«личный дневник», «личное письмо», «личная записка») 6

Исследования отдельных жанров

- А. А. Алимджанов**
Санкт-Петербург, Россия
- Диалогические жанры Белого дома 15

Жанры в художественном творчестве

- С. Ю. Павлова**
Саратов, Россия
- О соотношении понятий «жанр автобиографии»,
«автобиографический дискурс», «автобиографизм»:
литературоведческий аспект 22
- Н. М. Орлова**
Саратов, Россия
- Библия и малые литературные жанры: русские поговорки
и цитаты 29
- С. Г. Воркачев**
Краснодар, Россия
- Национальный гимн как жанр патриотического дискурса 36
- Б. Ю. Норман**
Минск, Беларусь
Екатеринбург, Россия
- Поэтика наивной любви (на материале кустарных
фотооткрыток СССР 1950-х годов) 44

Интернет-жанры

- Ю. В. Крылов,**
Т. И. Стеклова
Новосибирск, Россия
- Новые жанры интернет-коммуникации (на примере
демотиватора и мема) 53
- В. В. Дементьев**
Саратов, Россия
- Онлайн-тесты в новостном браузере: лингвистические
и речежанровые характеристики 62

Рецензии. Обзоры. Хроника

- Н. В. Орлова**
Омск, Россия
- Совокупность жанров как система: Рецензия
на монографию М. А. Кантуровой, Т. И. Стекловой
«Производность и вариативность речевых жанров»
(Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2019. 128 с.) 79

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Tatyana G. Rabenko**
Kemerovo, Russia The Genres of Natural Writing “Personal Diary”, “Personal Letter”, “Personal Note”: Invariant and Variant 6

Studies of Individual Genres

- Abduaziz A. Alimdjanov**
Saint-Petersburg, Russia Dialogical Genres of the White House 15

Genres in Art

- Svetlana Yu. Pavlova**
Saratov, Russia On the Correlation of the Concepts of “Autobiography Genre”, “Autobiographical Discourse”, “Autobiographism”: Literary Aspect 22
- Nadezhda M. Orlova**
Saratov, Russia Bible and Small Literary Genres: Russian Proverbs, Sayings, and Quotations 29
- Sergey G. Vorkachev**
Krasnodar, Russia National Hymn as Patriotic Discourse Genre 36
- Boris Ju. Norman**
Minsk, Belarus
Ekaterinburg, Russia Poetics of Naive Love (Based on Soviet Handicraft Photo Postcards of the 1950s) 44

Internet Genres

- Yuri V. Krylov,**
Tatiana I. Steksova
Novosibirsk, Russia New Genres of Internet Communication (Based on Demotivators and Memes) 53
- Vadim V. Dementyev**
Saratov, Russia Online Tests in the News Browser: Linguistic and Speech Genre Characteristics 62

Reviews. Chronicle

- Natalia V. Orlova**
Omsk, Russia The Set of Genres as a System: Review of the Monograph by M. A. Kanturova, T. I. Steksova “Productivity and Variability of Speech Genres” (Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2019. 128 p.) 79

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'42

ББК 83.3(2)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>

Т. Г. Рабенко
Кемерово, Россия

Tatyana G. Rabenko
Kemerovo, Russia

Инвариантные и вариантыные признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка»)

The Genres of Natural Writing “Personal Diary”, “Personal Letter”, “Personal Note”: Invariant and Variant

В статье обосновывается возможность рассмотрения речевого жанра с позиций лингвистической вариантологии и его описания посредством оппозиции инвариант ~ варианты. Предлагаемая модель речевого жанра представляет данную единицу как совокупность жанровых образований (вариантов), которые при выявлении инвариантных свойств жанра обнаруживают вариантыные признаки как следствие модификации этих жанровых реализаций. Эвристические возможности предлагаемой методики описания речежанровой вариативности демонстрируются на материале речевых жанров естественной письменной речи. В ходе исследования создается вариантологическая модель речевых жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка», которая включает вариантыные реализации жанрового инварианта, располагающиеся в разных зонах жанрового пространства естественной письменной речи. Речевые произведения, находящиеся в ядерной зоне жанрового поля (дневник, письмо, записка в их рукописном воплощении), характеризуются тетраединством их формальной организации (формы), функционального предназначения (функции), тематико-стилистического воплощения (значение) и субстрата (материального носителя знака). Тяготеют к периферии жанровые реализации, возникающие вследствие модификации определенных жанровых признаков: адресата (интернет-дневник; письмо в редакцию; письмо, представленное в художественной и документальной литературе), референтной соотнесенности и функционально-целевого параметра (жанровые варианты, реализуемые в художественном произведении), субстрата (интернет-дневник, электронное письмо, SMS). Детерминированное модификацией субстрата изменение функционально-целевого и формально-семиотического воплощения речевого произведения приводит к появлению речевых реализаций, которые при сохранении жанрового имени инварианта обнаруживают признаки иных жанровых образований, что оказывает центробежное воздействие на жанровое пространство, увлекая речевые произведения за границы жанра.

The article proves the possibility of researching the written speech genre from the perspective of linguistic variant studies and their description by means of the opposition ‘invariant ~ variants’. The proposed model of speech genre represents this unit as a set of genre formations (variants), which, when examining the invariant properties of the genre, reveal variant features as a result of the modification of these genre realizations. The author demonstrates the heuristic possibilities of the proposed method of description of speech-genre variability on the basis of speech genres of natural written speech. The research makes it possible to create a variantologic model of the speech genres “personal diary”, “personal letter”, “personal note”, which includes variant implementations of the genre invariant located in different zones of the natural writing genre space. Speech products located in the nuclear zone of the genre field (a handwritten diary, letter, note) are characterized by a tetra-unity of their formal organization (form), functional purpose (function), thematic-stylistic embodiment (meaning) and substrate (material carrier of the sign). Those genre implementations that arise as a result of the modification of certain genre properties lean toward the periphery: the addressee (online diary; letter to the editor; a letter in fiction and non-fiction), reference correlation, and a functional-target parameter (genre variants realized in fiction), substrate (online diary, email letter, SMS). The change in the functional-target and formal-semiotic embodiment of the speech product, determined by the modification of the substrate, leads to the appearance of speech realizations, which, while preserving the genre name of the invariant, reveal signs of other genre formations, which has a centrifugal effect on the genre space, taking speech works beyond the boundaries of the genre.

Ключевые слова: вариативность, вариант, инвариант, речевой жанр, личный дневник, личное письмо, личная записка.

Keywords: variability, variant, invariant, speech genre, personal diary, personal letter, personal note.

Сведения об авторе: Рабенко Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

E-mail: tat.rabenko@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

About the author: Rabenko Tatyana Gennadyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Stylistics and Rhetoric Department.

Place of employment: Kemerovo State University.

E-mail: tat.rabenko@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

Введение

В настоящей статье развивается положение о возможном изучении речевого жанра в парадигме лингвистической вариантологии (примеры исследований речевого жанра в аспекте вариантологии см. [1–3]). Предлагаемая в статье модель описания речевого жанра посредством вариантно-инвариантного метода вписывает эту единицу в контекст вариантоцентрической концепции языка (С. Н. Трубецкой, В. М. Солнцев, В. Н. Ярцева и др.) и позволяет представить речевой жанр как совокупность жанровых образований (вариантов, вариаций), которые при обнаружении инвариантных свойств жанра выявляют варианты признаки как следствие модификации этих жанровых реализаций. В свете разрабатываемой в настоящем исследовании теории речевого жанра представляется в виде двухуровневой единицы, реализуемой на когнитивном и языковом уровнях. На когнитивном уровне речевой жанр представлен как ментальная схема – инвариант, который формируется в результате типизации коммуникативных ситуаций, сопряженных с речевым жанром и влияющих на процесс текстообразования. Речевые модификации жанрового инварианта, называемые вариантами и вариациями речевого жанра, репрезентируются в виде набора жанрово-релевантных признаков на когнитивном и языковом уровнях. В итоге каждый вариант и каждая вариация речевого жанра моделируется признаками инвариантными (жанрообразующими), сохраняющимися при всех актуализациях данной единицы в речи, и вариантными (модифицированными), обусловленными коммуникативно-прагматическими условиями реализации жанра [4 : 28].

Разграничение вариантов и вариаций речевого жанра определяется варьированием его околядерных (варианты) и периферийных (вариации) признаков. Под вариантами речевого жанра подразумеваются регулярно воспроизводимые модификации одного и того же речевого жанра, которые при сохранении

жанрообразующих признаков, неодинаковых у разных речевых жанров, различаются околядерными признаками: типом адресата, характером взаимоотношений автора и адресата, а в случае электронно-опосредованной коммуникации – субстратом (материальным носителем знака). В свою очередь, под вариациями речевого жанра понимаются такие разновидности жанра, которые при сохранении инвариантных (ядерных) и околядерных свойств жанра обнаруживают различия на уровне периферийных признаков жанра [Там же].

Исходя из логики предпринимаемого исследования, воссоздание вариантологической модели речевого жанра начинается с описания рукописного варианта жанра, максимально отражающего признаки инварианта, затем исследуются варианты жанров, представленные в электронно-опосредованной, художественной и деловой коммуникации. В итоге выявляются инвариантные и варианты признаки речевого жанра. В основе описания фактологического материала лежит коммуникативно-семиотическая модель, разработанная Н. Б. Лебедевой [5 : 295].

1. Личный дневник: инвариантные и варианты признаки жанра

Вариантный ряд дневникового жанра включает а) рукописный дневник, б) интернет-дневник, в) дневник как часть или форму повествования художественного произведения, г) опубликованный дневник выдающейся личности.

Жанровой доминантой дневника является признак автоадресатности. Он детерминирует остальные характеристики жанра, прежде всего, его функционально-целевой параметр. Для дневникового жанра важна аутокогнитивно-социализационная функция (С. Б. Борисов, М. Ю. Михеев, Е. Е. Чурилова), предполагающая посредством более или менее регулярной фиксации каждодневных дел, текущих событий систематизацию внутренней жизни автора, возможность самопознания: «Сегодня был са-

*мый ужасный день в этом году, а может быть самый ужасный день в моей жизни. Не знаю! Сначала сам факт, потом ощущения*¹. Дневник выступает в качестве средства организации рефлексии, эмоциональной саморегуляции, способа проработки значимых проблем возраста: (из дневника 16-летней девушки) «19 августа 2006 г. Все люди – сволочи! Я разочаровалась в мире! Мне так плохо! Так хочу кому-нибудь открыться! Но никто не хочет слушать мой бред!!! Я не могу справиться со своими эмоциями, чувствами и мыслями! Не получается! Никто на свете, кроме тебя (обращение к дневнику. – Т. Р.), не знает, сколько я держу в себе!» (о функциях дневникового жанра см. [6, 7].

Автоадресатный характер дневниковых записей детерминирует центрирование информации вокруг субъекта повествования – автора дневника. Это приводит к конструированию Я-образа, происходящему в дневнике как «эго-тексте» [6] – тексте, написанном с субъективной, авторской точки зрения: «Что-то мне так грустно?!<...> я не могу смириться с тем, что на дворе уже осень, что я уже учусь в 10 классе, что надо забыть про лето, Костю и всех остальных»; тексте для себя и тексте о самом себе, то есть имеющим своим объектом обстоятельства жизни самого автора – некие события, значимые соответственно социально-демографическому статусу, возрасту, полу автора: школьные и институтские друзья; отношения с родителями, детьми; ошибки и проступки; а также представления личности о собственных атрибутах и собственной жизни во всем ее многообразии: «... я заметила, что в дневнике я пишу не обо всем, а только о том, что меня по истине волнует». Автоадресатность дневниковых записей предопределяет владельческое отношение к дневнику («что хочу, то и пишу»), что объясняет интимность повествования («Ведь тут я пишу только о себе и только для себя – так чего же мне стесняться?»), возможную небрежность ведения дневника, незаконченность в изложении материала.

При онтологической автокоммуникативности дневникового жанра в тексте дневника обнаруживается несколько адресатов.

1. Автор, который субстанционально совпадает с адресатом и является одновременно повествователем (биографическим). В отсутствии фикционального повествователя заключается важнейший структурный признак, отличающий рукописный вариант дневника от художественного. Как следствие, в руко-

писном дневнике невозможна смена «точки зрения» – типичное свойство художественного текста, сближающее жанр дневника с нехудожественными жанрами – публицистикой, научной литературой [8].

2. Косвенный адресат в одной из его презентаций.

А) потенциальный читатель (родные, друзья, некое абстрактное лицо): «25.09.98 Этот дневник я пишу не только для себя, но и для людей, которые может быть когда-нибудь его прочтут. Я буду бесконечно рада, если они подчеркнут очень много полезного из моей жизни, выводов, наблюдений, можно сказать моего опыта». Фигура косвенного адресата оказывается в определенном смысле «ключевой для жанра дневника»: «[...] бессознательно, если он (автор дневника. – Т. Р.) хочет потом сам читать собственный дневник, то не может не представить на своем месте другого, хотя бы на мгновение» [9 : 290]. Подобно рукописному варианту, художественный дневник наряду с непосредственным адресатом – автором дневниковых записей (героем, якобы написавшим дневник) – имеет косвенного адресата – потенциального читателя. К примеру, в дневнике Печорина, наряду с изначально присутствующим в дневниковых записях субъектом автоадресации (самого автора – персонажа, якобы ведущего дневник), появляется косвенный адресат – «вероятная» дама, на восприятие которой при возможном чтении его записей Печорин начинает ориентироваться при их написании: «Что если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщине?».

Б) сам дневник как «виртуальный» собеседник, которому можно поведать сокровенное: «20 июня 2006 г. Как хорошо, что есть у меня такой друг, как ты, который никогда ни за что не осудит, никому ничего не расскажет».

Потенциальная ориентация на читателя, намеченная в рукописном варианте дневника, в полной мере реализуется в интернет-дневнике. В отличие от рукописного варианта, интернет-дневник – «текст полиадресный, принципиально ориентированный на множество читателей» [8], что коррелирует с общей установкой интернет-жанров «на более свободную и непосредственную коммуникативность» [10 : 123]. Установка на публичность является доминантным свойством интернет-дневника, обусловленным возможностью новых технологий «легко и быстро поделиться своими мыслями и чувствами с неограниченным числом людей [...] предъявить этому множеству людей свой текст как свидетель-

¹Здесь и далее используются архивные материалы Лаборатории естественной письменной речи КемГУ. В архивных материалах сохранена авторская орфография и пунктуация.

ство своего индивидуального бытия» [10 : 10]: «Хочется что-нибудь написать, чтобы потом это кто-нибудь прочитал. Хочется сказать, чтобы кто-то услышал. Хочется подумать, чтобы кто-нибудь понял. Хочется спрятаться, чтобы кто-то нашел:»².

Включение дневника в сферу интернет-коммуникации способствует появлению жанровых образований (литературных, «творческих» дневников; афористических дневников; дневников-проектов и др.), сохраняющих жанровое имя, но почти утративших сущностные характеристики жанра (автоадресацию, интимность и др.). Среди признаков жанра, ассоциирующихся в быденном сознании с дневником и позволяющих традиционно номинировать эти жанровые формы, установка автора на личную сублимацию, информативно-оценочная интенция, сопряженная, в частности, с отбором вербального (афоризмы) и визуального (картинок, фотографий) материала. В итоге под одним и тем же жанровым именем («дневник») выступают разные, по сути, виды (жанры) интернет-коммуникации [11 : 73]. Полагаем, что в данном случае мы имеем дело с проявлением обозначенной Ю. Н. Тыняновым «склонности называть жанры по второстепенным результативным признакам» [12 : 273], но только не в диахроническом аспекте, о чем пишет Ю. Н. Тынянов, а в аспекте синхронном, функциональном. Речь идет об омонимии жанровых номинаций: обозначении одним и тем же жанровым именем разных жанров, совмещающих признаки различных жанровых образований.

Принципиально меняется специфика дневникового жанра при его включении в художественное произведение. Сохраняя, подобно интернет-дневнику, инвариантные свойства жанра (автоадресацию, исповедальность, подневный характер записей и др.), художественный вариант дневника, став частью эстетической реальности, характеризуется нереперентностью, обусловленной тотальной фикциональностью художественной реальности (К. А. Долинин, В. И. Заика, Н. Н. Михайлов, С. С. Николаичева, Н. А. Николина). Как следствие фикциональности эстетической реальности в «художественном» дневнике обнаруживается более сложная, нежели в рукописном варианте, автор-адресатная организация, обнаруживающая два уровня воплощения: 1) на одном уровне реальный автор-писатель и реальный читатель, которые вступают в коммуникативное взаимодействие на страницах художественного произведения; 2) на другом уровне вымышленные субъекты. В их числе и автор дневниковых записей, который яв-

ляется элементом эстетической реальности, изображается автором (биографическим) так же, как и другие элементы художественной модели.

Варьирование дневникового жанра на уровне автора и адресата осуществляется в дневнике, располагающемся в пространстве документальной литературы. Сюда включаются дневники выдающихся личностей, изначально или впоследствии осмысленные как произведения, предполагающие опубликование. В «документальном» дневнике сохраняются элементы автоадресации. Однако в случае авторского намерения опубликовать дневниковые записи меняется изначальная установка традиционного дневника на интимность, скрытость, ведение записей исключительно для себя. Публикация дневника нарушает границы жанра, ибо с ориентацией на читателя такой дневник выходит за пределы автоадресации. Ориентация на читателя и, в итоге, выход за границы автоадресации сближает данный вариант дневника с интернет-дневником, однако автор последнего может вступить в непосредственный диалог со своим читателем.

Помимо обозначенных вариантов дневника, вариантологическая модель дневникового жанра включает вариации, появление которых детерминировано варьированием периферийных признаков жанра, к примеру, касающихся формально-семиотического воплощения личного дневника (включение в рукописный дневник, помимо собственно дневниковых записей, рисунков, схем, спонтанно-рефлекторных записей и др.), коммуникативной стратегии автора (экстравертивный дневник, где широко охватываются различные жизненные явления – от семейно-бытовых до международных, интравертивный дневник, в котором «духовный взор» автора устремляется внутрь себя [13 : 71]).

II. Личное письмо: инвариантные и вариантные признаки жанра

Вариантный ряд эпистолярного жанра содержит а) бумажное письмо, б) электронное письмо, в) письмо как часть или форму повествования художественного произведения, г) письмо в газету.

В ситуации создания личного письма автор выступает как частное лицо, носитель определенной социально-демографической роли (муж, жена, родитель и т. д.), в отличие от ситуации письменного обращения в газету (или инстанцию), где автор выступает с позиции его социально-правового статуса

²https://journals.ru/journals_comments.php?id=883633.

как лицо, социально заданное, детерминированное временем. Личностность, эгоцентризм становится сюжетобразующей стороной эпистолярного жанра: в центре повествования находится личность автора, которая занимает все пространство эпистолярного текста: (из письма 20-летней девушки своей подруге) *«Светка вышла замуж. Какая она глупая! Я только представляю, что она будет жить с ним всю жизнь? Аж мне страшно становится. Неужели я тоже сделаю когда-нибудь такую глупость? Замужество вызывает у меня лишь отвращение»*. «Вписанность» автора в эпистолярный текст определяет субъективный характер обозначенного жанра. Субъективность заложена в замысле автора, в планировании текста, в отборе материала и его расположении: (из письма дочери-студентки к матери) *«Жизнь у меня всё еще хорошая, всем на удивление. С девочками с комнаты (тьфу, чтоб не сглазить) всё нормально. Вообще развеселая общежитская жизнь»*.

Эпистолярный жанр обладает свойством альтерадресации. Доминирующим для личного письма типом адресата является частное лицо, с которым автор находится в родственных либо дружеских отношениях: (из письма молодого человека любимой девушке) *«Знаешь, сяду тебе писать, воображаю тебя такой благосклонно слушающей, нет охлаждающих знаков, бровей, молчков, лей да лей»*.

Обнаруживается вариативность речевого поведения автора, обусловленная типом адресата. Данная вариативность способствует возникновению вариаций эпистолярного жанра: семейного письма, дружеского письма, любовного письма. Подобная вариативность проявляется в выборе обращения, дозированном использовании стилистически маркированной лексики, применении сокращений. Например, из писем молодой женщины к различным типам адресата: (родителям) *Здравствуйте, папа и мама!*; (подруге) *Валюха, привет!*; (сестре) *Любчик, здравствуй! Любок, смело выходи замуж; Привет, сестра! На факультете дали мне кликуху. Ни фига!*; (мужу) *Милый мой, здравствуй!*

В личном письме с его персональной адресатностью диктумно-модусное содержание составляет информация о личностно и семейно значимых вещах («домашность» материала). Обобщенную тему личного письма можно определить как «частная жизнь автора, представленная с позиции самого автора». Акцент делается на повседневном, которое, порой, предстает на фоне времени, на фоне общественно-политических, хозяйственных событий страны, региона, поэтому содержа-

тельно-фактуальная информация составляет смысловую доминанту жанра, в котором важна документальность написанного: (из письма родителей дочери-студентке) *«Зима у нас была жестокая. Померзла картошка у людей и у нас. На базаре доходит до 80 коп. килограмм. Наживаются на нас торгошники. Мясо сильно подорожало. Что дальше будет? Куда идем?»*.

Жанровая модификация на уровне адресата приводит к возникновению жанра «письмо в редакцию». Со смещением эпистолярной формы в сферу публичной коммуникации усложняется система адресации. Обнаруживается три типа адресата.

1. Массовый адресат, существование которого предопределено массовым характером коммуникации, где разворачивается общение читателя с газетой. Ориентированность на массового адресата – основное отличие писем читателей в газету от остальных вариантов эпистолярных текстов (частной переписки, деловой корреспонденции и др.).

2. Формальный адресат, редактор газеты (сотрудники редакции, редакция), в которую направляется письмо.

3. Целевой адресат. Лицо, к которому в действительности обращено речевое намерение автора письма и которое упоминается в тексте письма: *«Уважаемая редакция! Я, Киреева Мария Николаевна. Я прошу у вас помощи через вашу газету чтоб моя информация дошла до губернатора»*.

Прибегая к эпистолярной форме, автор стремится не только информировать читателей о значимых для общества проблемах и о взглядах самого автора на данную проблему, но и убедить адресата в необходимости определенного отношения к излагаемым фактам и в необходимости определенного поведения: *«Убедительная просьба помочь в решении нашей проблемы. По улице где был сквер разворотили газон. Куда бы мы не обращались»*.

Жанр «письмо в редакцию» функционирует в коммуникативной ситуации, которая по различным признакам сопрягается с несколькими ситуациями языкового общения: сферой деловой документации и деловой корреспонденции, частной перепиской, коммуникацией, обеспечиваемой средствами массовой информации. Подобный синкретизм данного варианта эпистолярного жанра отражается на его языковом воплощении, осуществляемом за счет элементов официально-делового, публицистического, разговорного стилей, просторечия.

Модификация субстрата детерминирует возникновение нового варианта эпистолярного письма – электронного письма, для которого (как и для других электронно-опосредован-

ных жанровых вариантов) признак субстрата является доминантным, определяющим его жанровую природу как варианта (об особой роли субстрата для жанровой идентификации речевого произведения см. [14 : 38]). Отсюда специфика этого жанрового образования, обнаруживаемая со стороны канала общения (опосредованность электронным/цифровым сигналом), структуры знака (гипертекстуальность, интерфейсная архитектура представления информации, мультимедийность), адресата (возможность рассылки одного и того послания нескольким адресатам), графико-пространственного параметра (стандартизованность внешней формы текста). Автор вынужден проявлять собственную индивидуальность в создании эпистолярного текста, считаясь с возможностями технического средства интернет-коммуникации (выбор места для текста, объем сообщения, количество доступных шрифтов и цветов). В целом степень индивидуальности электронного письма ниже по сравнению с рукописным вариантом. В электронном письме нарастает тенденция к диалогизации, подкрепленная в личной переписке усилением эмоционально-экспрессивной стороны с помощью акронимов, псевдографики («смайликов»), что призвано создать иллюзию одновременности говорения и действия и, как следствие, искомый эффект присутствия: «О-о-о, так рада тебя слышать» (из электронного письма).

III. Личная записка: инвариантные и варианты признаки жанра

Вариантный ряд обозначенного жанра включает: а) рукописную записку, б) смс-общение, в) записку как часть эстетической реальности.

Жанрообразующими признаками личной записки являются вписанность в ситуацию, актуальность создаваемого сообщения, как правило, недолговечность записки, небольшой объем написанного и небольшой размер субстрата [15, 16]. Данные признаки удерживают варианты и вариации личной записки в пределах речевого жанра. Рассмотрение обозначенного эпистолярного жанра осуществляется в рамках коммуникативной ситуации создания записки, то есть микроситуации, специфику которой определяют следующие свойства: 1) актуальность проблемы, заявленной в записке и тем самым являющейся мотиватором эпистолярной коммуникации; 2) условия коммуникации: а) невозможность устного общения ввиду наличия каких-либо коммуникативных помех, к примеру, внаходимости одного из участников коммуникации, запрета на устную коммуникацию, конфиденциального или

официального характера отношений между коммуникантами; б) единство хронотопа, в котором находятся коммуниканты. Однако записка может быть передана через некоего посредника, послана по почте (что сближает ее с жанром письма).

Обозначенная микроситуация – ситуация написания записки – как и создание всякого речевого жанра, включается в социокультурный контекст (макроситуацию), который вбирает в себя фоновые знания, форму осмысления действительности, связанную с оценением события, и детерминируется общекультурным контекстом [17] – традиционно выработанными в культуре шаблонами письменной передачи информации, зависящими от конкретных условий общения и личностей коммуникантов. Макроситуация как ситуация взаимодействия коммуникантов, относящаяся к их общему прошлому, не является актуальной, но актуализируется микроситуацией. В отличие от письма, записка в большей степени формируется общим миром чувства-мысли адресанта и адресата, одинаковой эпистемической и аксиологической модальностью, значимостью одних и тех же обстоятельств. Дело скорее не в том, что в записке у двух коммуникантов больше общих (фоновых) знаний, а в том, что в данном хронотопе они стали актуальными. Проявленность фоновых знаний коммуникантов в рамках некоего хронотопа детерминирована актуальностью записки. Данное качество записки определяет некоторые лингвистические особенности жанра. Содержание записки обычно кратко, имена коммуникантов порой опускаются; развернутое рассуждение заменяется одним-двумя словами, выполняющими роль намека, к примеру «Звонил. Приедет».

Варьирование исследуемого жанра осуществляется на уровне адресата. С ориентацией записки на определенный тип адресата, характер межличностных отношений коммуникантов происходит дифференциация жанра на частно-личную и служебную записку. Тип адресата детерминирует выбор языковых средств, большую или меньшую последовательность в реализации трехчастной композиции жанра. Появление вариаций жанра сопрягается с коммуникативно-целевым параметром и выделением эпистол, связанных с реализацией информативной, эмотивной, конативной и пр. целей. Записки, создаваемые с мнемонической целью и предполагающие совпадение автора и адресата, сближаются с автоадресатными жанрами (к примеру, записками в ежедневнике): *Выпить оmez* (записка-стикер на холодильнике).

Модификация записки на уровне субстрата приводит к возникновению нового варианта

жанра – SMS (Л. Н. Мешкова, Е. С. Сироткина, Л. Ю. Щипицина). Электронный субстрат является жанровой доминантой SMS-сообщения и, как следствие, определяет характер речевой деятельности, стратегии порождения текста. Электронный носитель информации позволяет избежать непосредственного общения с адресатом, предоставляет возможность рассылки одной и той же информации нескольким адресатам, предопределяет необходимость контролировать объем текста ввиду ограничений, диктуемых форматом электронного носителя. С учетом последней возникает задача – передать содержание посредством минимума знаков. Компрессия текста, являясь одним из частотных (детерминированных субстратом) признаком SMS, проявляется посредством использования транслита (*Privetik! Sdala*), техники консонантного письма (*Prv,ty vobwage?*); написания текста без пробелов (*СКОЛЬКОМОЖНОШАТАТЬСЯ*); пропуска пунктуационных знаков и необязательных элементов (*Может завтра пересечемся кофе польем*). В рамках общей тенденции сближения текстов электронных сообщений с устно-разговорной речью (ввиду непосредственности, спонтанности, эмоциональной насыщенности электронной коммуникации) и, как следствие, более или менее реального предположения о появлении новой формы речи – «письменной формы устной речи», «спонтанной письменной речи», «письменной формы разговорной речи» (С. В. Андреева, Т. В. Демидова, А. В. Костина, О. Е. Павловская) намечается тенденция к трансформации письменного текста в его классическом варианте, который в электронно-опосредованной коммуникации приобретает признаки устной речи.

Личная записка как элемент эстетической реальности при сохранении инвариантных свойств жанра – вписанность в ситуацию, актуальность информации, небольшой объем субстрата и содержания – обнаруживает принципиально новые характеристики (фикциональность, эстетическая функция), отличающие ее от других вариантов жанра (но сближающие с «художественными» вариантами дневника и письма) и, тем самым, предопределяющие ее бытование как отдельного жанрового варианта.

Заключение

Заявленный в настоящем исследовании подход к описанию жанров естественной письменной речи, синтезирующий теоретико-методологические положения лингвистической вариантологии и генристики, позволяет пред-

ставить жанровое пространство данного вида письменно-речевой деятельности как образование, характеризующееся разной степенью дискретизации объектов. В дискретных зонах располагаются речевые жанры, точнее варианты речевых жанров, структурированные жанрообразующими признаками. Последние, являясь жанровыми маркерами, способствуют жанровой идентификации речевого произведения. Данные признаки отражают характеристики жанрового инварианта, который, вбирая наиболее повторяющиеся, типичные свойства, допускает множественную вариативность их реализации. В итоге жанровая идентификация речевого произведения осуществляется не только с опорой на типизированные внутритекстовые критерии, но и с учетом когнитивных структур, которые, находясь за пределами языка и составляя основу жанрового инварианта, детерминируют лингвистические показатели жанра.

В континуальной области жанрового поля размещаются репрезентации речевых жанров, моделируемые переменными (периферийными) признаками, модифицируемыми под воздействием коммуникативно-прагматических условий реализации жанра: типа адресата, характера взаимодействия автора и адресата, при электронно-опосредованной коммуникации типа субстрата.

В итоге вариантологическая модель речевого жанра включает жанровые репрезентации, располагающиеся в разных зонах жанрового пространства. Рукописный вариант жанра, максимально отражающий свойства жанрового инварианта, располагается в области ядра. Остальные реализации жанра, возникающие вследствие модификации субстрата (жанровые варианты электронно-опосредованной коммуникации), адресата (письмо в редакцию, письмо как часть эстетической реальности), референтной соотнесенности и функционально-целевого параметра («художественные» варианты жанра), тяготеют к периферии.

Таким образом, проведенное исследование, осуществляя идею рассмотрения речевого жанра как единицы, обладающей, подобно всем другим единицам языковой системы, свойством вариативности, вписывает эту единицу в контекст вариантоцентрической концепции языка и представляет жанровую вариативность как частное проявление лингвистической вариативности, как процесс модификации жанра под влиянием коммуникативно-прагматических условий его реализации.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-412-420005 р_а «Концептуально-ценностный анализ эпистолярного и мемуарного наследия жителей Кузбасса» (2020–2023)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 81–88.
2. Стеклова Т. И., Крылов Ю. В. Новая жизнь старого жанра: к проблеме вариативности жанра (на материале лозунга и слогана) // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 179–188. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-179-188>
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные проблемы современной речи // Вопр. языкознания. 2015. № 6. С. 78–104.
4. Рабенко Т. Г. Русский речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личный дневник»): монография. Кемерово: КемГУ, 2018. 171 с.
5. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры // Антропотекст–1: сб. статей / отв. ред. Л. Г. Ким. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 295–303.
6. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX вв.). М.: Водолей Publishers, 2007. 264 с.
7. Рабенко Т. Г. Вариативное функционирование речевого жанра (на материале жанра личного дневника) // Сиб. филол. журн. 2018. № 1. С. 250–260. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/62/17>
8. Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (дата обращения: 01. 09. 2017).
9. Кобрин К. Р. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 3(61). С. 288–295.
10. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты). М.: Изд-во РУДН, 2008. 300 с.
11. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М.: «1989.ru», 2006. 193 с.
12. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 270–281.
13. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М.: Флинта: Наука, 2003. 208 с.
14. Лебедева Н. Б. К соотношению жанров реальной и виртуальной письменной коммуникации (на примере телефонной книги в мобильнике) // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2012. № 19. С. 37–44.
15. Зырянова Е. Г. Частная записка как жанр естественной письменной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 197 с.
16. Рабенко Т. Г., Лебедева Н. Б. Речевой жанр в фокусе вариантологической модели языка (на материале речевого жанра личная записка) // Культура и текст: сетевое издание. 2018. № 1 (32). С. 144–152.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-412-420005 р_а “Conceptual and axiological analysis of Kuzbass inhabitants’ epistolary and memoir legacy” (2020–2023)).

17. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 103–112.

REFERENCES

1. Steksova T. I. Comment as a speech genre and its variability. *Speech Genres*, 2014, no. 1–2(9–10), pp. 81–88 (in Russian).
2. Steksova T. I., Krylov Yu. V. New life of the old genre: the problem of genre variability (by the material of the slogan and slogan). *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 179–188 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-179-188>
3. Demytyev V. V. “Speech genre” theory and actual processes in contemporary speaking. *Topics in the study of language*, 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).
4. Rabenko T. G. *Russkij rechevoj zhanr v paradigme lingvisticheskoj variantologii (na materiale rechevogo zhanra “lichnyj dnevnik”)* [Russian speech genre in the paradigm of linguistic variant studies (by the material of speech genre “personal diary”)]. Kemerovo, KemGU, 2018. 171 p. (in Russian).
5. Lebedeva N. B. Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak proyavlenie povsednevnoj narodnoj kul'tury [Natural written Russian speech as a manifestation of everyday folk culture]. In: L. G. Kim, ed. *Antropotekst–1: sb. statej* [Antropotekst–1: coll of art]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2006, pp. 295–303 (in Russian).
6. Mikheev M. Yu. *Dnevnik kak ehgo-tekst (Rossiya, XIX–XX vv.)* [Diary as ego-text (Russia, XIX–XX centuries)]. Moscow, Vodoley Publ., 2007. 264 p. (in Russian).
7. Rabenko T. G. Variable functioning of the speech genre (by the material of the genre of personal diary). *Siberian Journal of Philology*, 2018, iss. 1, pp. 250–260 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/62/17>
8. Zaliznyak A. A. Diary: to the definition of the genre. *New Literary Review*, 2010, no. 106. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html> (accessed 01 September 2017) (in Russian).
9. Kobrin K. R. Praise diary. *New Literary Review*, 2003, no. 61, pp. 288–295 (in Russian).
10. Trofimova G. N. *Yazykovoj vkus internet-ehpokhi v Rossii (funktsionirovanie russkogo yazyka v Internet-e: kontseptual'no-sushhnostnye dominanty)* [Language taste of the Internet era in Russia (functioning of the Russian language on the Internet: conceptual and essential dominants)]. Moscow, Izd-vo RUDN, 2008. 300 p. (in Russian).
11. Sidorova M. Yu. *Internet-lingvistika: russkij yazyk. Mezlichnostnoe obshhenie* [Internet linguistics: Russian language. Interpersonal communication]. Moscow, “1989.ru” Publ., 2006. 193 p. (in Russian).
12. Tynyanov Yu. N. O literaturnoj ehvolyutsii [On literary evolution]. In: *Tynyanov Yu. N. Poehitika. Istoriya literatury. Kino* [Poetic. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 270–281 (in Russian).
13. Egorov O. G. *Russkij literaturnyj dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra* [Russian literary journal of the

nineteenth century. History and theory of the genre]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2003. 208 p. (in Russian).

14. Lebedeva N. B. To the ratio of genres of real and virtual written communication (on the example of the phone book in the mobile phone). *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2012, no. 19, pp. 37–44 (in Russian).

15. Zyryanova E. G. *Chastnaya zapiska kak zhanr estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi* [Private note as a

genre of natural written Russian speech]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2009. 197 p. (in Russian).

16. Rabenko T. G., Lebedeva N. B. Speech genre in the focus of the variant model of language (by the material of speech genre personal note). *Culture and Text Online Edition*, 2018, no. 1(32), pp. 144–152 (in Russian).

17. Gajda St. Zhanry razgovornykh vyskazyvanij [Genres of colloquial statements]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. arts.], iss. 2. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, pp. 103–112 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рабенко Т. Г. Инвариантные и варианты признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») // *Жанры речи*. 2020. № 1 (25). С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>

For citation

Rabenco T. G. The Genres of Natural Writing “Personal Diary”, “Personal Letter”, “Personal Note”: Invariant and Variant. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 6–14 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14>

Поступила в редакцию: 20.07.2019 / Принята: 15.10.2019 / Опубликовано: 02.03.2020

Received: 20 July 2019 / Accepted: 15 October 2019 / Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.111:81'42

ББК 81.2

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-15-21>

А. А. Алимджанов
Санкт-Петербург, Россия

Abduaziz A. Alimdjano
Saint Petersburg, Russia

Диалогические жанры Белого дома

Dialogical Genres of the White House

Исследование посвящено описанию и классификации диалогических жанров современного политического дискурса США, а именно Белого дома.

Исследование проведено с применением метода классификации и описательного метода с дискурсивных позиций, с учетом использующих эти жанры социальных акторов: политиков, журналистов и аудитории. Основой классификации послужили статусы коммуникантов, количество участников, место проведения мероприятия, продолжительность коммуникации, статус информации (официальная или неофициальная).

В результате классификации выделены три класса жанров и их подвиды: 1) пресс-конференция, 2) интервью и 3) встреча с политиком.

Диалогические жанры Белого дома многочисленны, и каждый из них используется в зависимости от статуса политика: от того, с кем именно он будет говорить (журналисты или аудитория); от количества участников; от места проведения и продолжительности коммуникации; от статуса информации (официальная или неофициальная) и от др. экстралингвистических факторов, таких как внутри- и внешнеполитическая ситуация, популярность или непопулярность самого политика и т. д.

Классификация диалогических жанров Белого дома позволяет увидеть точки соприкосновения политиков с прессой и аудиторией, делящейся далее на страты, исследовать количество и качество таких встреч. Диалогические жанры предполагают, в подавляющем большинстве, вопросно-ответную форму общения, что позволяет также выявить сложные политические и социальные вопросы.

Ключевые слова: жанр, диалог, политический дискурс, Белый дом, пресс-секретарь, аудитория, журналист, политик.

The objective of the research. The research deals with the description and classification of the dialogical genres of the modern political discourse of the United States, namely of the White House.

The study was carried out using the method of classification and the descriptive method from the discourse positions, taking into account the social actors using these genres: politicians, journalists and the audience. The classification is based on the status of communicants, the number of participants, the venue of the event, the length of communication, the status of information (official or unofficial).

As a result, we singled out three classes of genres and their subgenres: 1) a press conference, 2) interview, 3) a town hall meeting.

Dialogical genres of the White House are numerous, and each of them is used depending on the status of politician: from the one with whom politician will speak (journalists or the audience); from the number of participants; from the venue and duration of communication; from the status of information (official or unofficial) and other extralinguistic factors, such as internal and external political situations, the popularity or unpopularity of the politician, etc.

Classification of the dialogical genres of the White House allows us to see the points of contact of politicians with the press and the audience, and to explore the number and quality of such meetings. Dialogical genres presuppose, in overwhelming majority, a question-answer form of communication, which also makes it possible to identify complex political and social issues.

Keywords: genre, dialogue, political discourse, White House, press secretary, audience, journalist, politician.

Сведения об авторе: Алимджанов Абдуазиз Абдихакимович, аспирант кафедры английской филологии и перевода филологического факультета. Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: alimdjanovaliz@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2950-0036>

About the author: Alimdjanovaliz Abduaziz Abdikhakimovich, PhD student of the English Philology and Translation Department of the Philology Faculty. Place of employment: Saint Petersburg State University.

E-mail: alimdjanovaliz@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2950-0036>

Введение

Политический дискурс являет собой институциональный язык, где присутствует строгая иерархия коммуникативных ролей, согласно статусу, правам и обязанностям политических акторов: политика, журналиста и аудитории. Коммуникативные роли и ситуация предполагают относительно устойчивые схемы общения, или жанры, содержание которых заранее предсказуемо. Например, определенное сочетание таких параметров, как статус коммуникантов, количество участников, место проведения мероприятия, продолжительность коммуникации, статус информации (официальная или неофициальная), позволяет «предсказывать» формат коммуникации, а в сочетании с информацией о контексте – и её содержание. Концепт *жанр* очень важен для политического дискурса, в частности потому, что в нем кроме собственных жанров часто используются и жанры других дискурсов. Недаром Петр Кэп и Урсула Окульская (Piotr Cap and Urszula Okulska) считают, что концепт *жанр* в лингвистику пришел из функциональной лингвистики, (нео)риторики, дискурс-анализа, прагматики, критического дискурс-анализа и понимается как конвенционально используемые в дискурсе устойчивые группы высказываний, за которыми стоят узнаваемые образцы, пригодные для реализации определенных социальных целей [1 : 1].

Жанр в теории текста являет собой «объективный экстралингвистический фактор текстобразования» [2 : 104]. Как пишет М. М. Бахтин, «каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [3 : 256–257].

В политическом дискурсе, кроме прочих причин, важны самопрезентация, поэтому здесь часто можно встретить отклонения от конвенциональных форм общения [4 : 12], либо «альтернативное» исполнение жанра, когда прагматическая установка автора противоречит прагматической установке текста. Например, «автор может избирать жанр текста, ориентируясь исключительно на свои личные пристрастия», когда «...пытается решить задачу повышения выразительности текста путем применения приема неожиданности» [5 : 15].

Прагматическая установка авторов изменчива, поэтому и жанр становится динамичным, склонным к «изменению, смещению, что осложняет формулировку определения того или иного жанра» [6 : 79–80]. По мнению В. И. Карасика, это прежде всего связано с «активной экспансией массово-информационного общения в повседневную жизнь людей» [7 : 238].

Об этом же пишут Кэролин Миллер и Эшли Келли (Carolyn Miller and Ashley Kelly). Они исследовали жанры, возникающие в новых СМИ (New Media Environment), под которыми они понимают цифровые медиасредства. По их мнению, жанр проходит через инновацию, возникновение и стабилизацию. Авторы убеждены, что жанры могут рассказать о социальных ценностях и мощи культуры, так как жанры являют собой динамическую сторону противостояния стабильности и изменения, а также они указывают на творческий потенциал [8 : 5].

1. Особенности диалогических жанров политического дискурса

В анализе политического дискурса выделение жанров и создание классификации представляется необходимым, так как данный процесс позволяет систематизировать дискурс и выделить важнейшие признаки. По словам А. А. Кибрика, «центральный вопрос теории жанров в том, можно ли определить тот или иной жанр в терминах языковой структуры» [9 : 22]. Отвечая на данный вопрос, исследователь пишет, что «устойчивыми морфосинтаксическими и лексическими характеристиками обладают не типы дискурсов (т. е. жанры), а типы изложения, или **типы пассажей**, т. е. фрагментов дискурса» [9 : 23]. Е. И. Шейгал, исследуя жанры политического дискурса, предполагает, что жанры можно дифференцировать по таким параметрам, как «градация институциональности, субъектно-адресатные отношения, социокультурная дифференциация, событийная локализация» [10 : 376]. С учетом этих параметров и добавив параметр «диалогичность» в качестве основного классифицирующего средства, мы попытаемся отделить диалогические жанры от монологических.

Без учета содержания, по своей форме диалог понимается как «два собеседника, попеременно выступающих в роли говорящего» [11 : 218], в отличие от монолога, где нет мены. Е. А. Гапанович дает характеристику содержания диалога: «Диалоговое общение позволяет не только раскрыть себя, сообщить что-то о себе *Другому*, но и получить новое знание о себе посредством разговора с *Другим*» [12 : 25]. Таким образом, можно сказать, что политические акторы получают о себе новое знание посредством друг друга в диалоге.

Диалогические жанры политического дискурса используются для обсуждения социально значимых событий и проектов. В диалоге участвуют, с одной стороны, политические деятели, с другой стороны, не занимающихся профессионально политической деятельностью

стью представители СМИ и/или аудитория, которая являет собой разные группы людей с различным статусом. Диалог либо иницируется политическими деятелями, либо имеет место согласно традиции. Чаще всего политический деятель отвечает на вопросы журналиста или аудитории, разъясняет свою позицию, интерпретирует какие-либо события, дает им оценку и т. д.

Главное назначение диалогических жанров в том, чтобы убедить аудиторию в чем-либо для того, чтобы получить надлежущую поддержку. Некоторые жанры «благоприятны для отражения индивидуальности говорящего» (художественные), а другие – нет (жанры, требующие стандартной формы) [3 : 256]. Хотя политические жанры требуют относительно стандартную форму, акторы хотят их использовать для самопрезентации. Такой диалог является диалогом в том смысле, что формально соблюдается мена говорящих. Можно предположить, что осуществление власти более характерно монологическим жанрам, а для борьбы за власть и её удержание чаще используются диалогические жанры.

2. Жанры Белого дома

Согласно общепризнанному мнению, политический дискурс используется для (1) борьбы за власть, (2) удержания власти и (3) осуществления власти. Борьба за власть заканчивается её приобретением, далее идет борьба за удержание власти уже в ином статусе, и, наконец, осуществление власти совершается использованием политического дискурса для выполнения поставленных задач в интересах тех или иных групп людей. Все эти три формы использования политического дискурса образуют разные формы выражения – жанры.

Согласно политической традиции, в целях создания прозрачности действий правительства и информирования о коммуникативных и некоммуникативных социально-политических действиях правительства и президента, в США каждый президент создаёт свой президентский сайт, который заполняется за период президентства актуальной информацией, до окончания срока президентства, а потом «замораживается во времени», т. е. больше не обновляется. В целях образования и исследования доступ к данным сайтам предоставляется по адресу www.archives.gov.

Проанализировав «замороженные» сайты «Белых домов» трёх последних президентов США до Д. Трампа (Б. Клинтон, Дж. Буш, и Б. Обама) и действующий сайт Д. Трампа, мы выделили «жанры» Белого дома. Жанровый состав в основном устойчив, встретились единичные изменения. Однако подача инфор-

мации, деление на рубрики и их расположение варьируются значительно.

Главным коммуницирующим центром Белого дома является кабинет пресс-секретаря, который непрерывно собирает и доносит информацию до президента, сотрудников Белого дома и журналистов. Эффективность процесса обеспечивается жанровыми формами подачи информации. Однако жанры функционально ограничены. Как полагает Л. Г. Фещенко, имеет место «исчерпаемость жанровых ресурсов», которые можно применить к определенному информационному поводу [11 : 244–245].

В Белом доме при классификации придерживаются деятельностного подхода, т. е. тексты представляют собой результаты определенных действий политических деятелей, вне зависимости от характера жанра. Наиболее показательно, на наш взгляд, представлена классификация текстов и скриптов под рубрикой *From the Press Office* на сайте Белого дома Б. Обамы <https://obamawhitehouse.archives.gov/>:

- *Your Weekly Address* (Еженедельное обращение президента),
- *Speeches & Remarks* (Речи и комментарии),
- *Press Briefings* (Пресс-брифинги),
- *Statements & Releases* (Заявления и релизы),
- *White House Schedule* (Расписание Белого дома),
- *Presidential Actions* (Действия президента),
- *Legislation* (Законодательство),
- *Nominations & Appointments* (Объявления и назначения),
- *Disclosures* (Сообщения) (*здесь и далее перевод автора статьи.* – А. А.).

Диалогические жанры в подавляющем своем большинстве расположены в рубрике *Speeches & Remarks* и *Press Briefings*.

Проанализировав материалы с сайтов 4 последних президентов США, мы выделили диалогические жанры, взяв за основу статус коммуникантов, количество участников, место проведения мероприятия, продолжительность коммуникации, статус информации (официальная или неофициальная):

1. *Press-availability* (политик + журналисты)
 - 1) *Press Conference* (пресс-конференция)
 - 2) *Press-availability* (мероприятие с участием СМИ)
 - 3) *Press Briefing* (политик+журналисты)
 - 1) *Press Briefing* (пресс-брифинг)
 - 2) *Press Gaggle* (неформальный брифинг)
 - 3) *Press Pool* (пресс-пул-брифинг)
 - 4) *Photo Opportunity* (брифинг во время фотографирования)

- 5) *Background Briefing* (бэк-брифинг)
2. *Interview* (интервью) (политик+журналист)
3. *Town Hall Meeting* (встреча с политиком) (политик+аудитория)

Таким образом, диалогические жанры могут быть поделены на три больших класса с учётом статуса и количества собеседников: 1) любое мероприятие с участием доступных СМИ, где право распространять информацию предоставляется всем СМИ (*Press-availability*); 2) интервью, где право получать и распространять информацию предоставляется эксклюзивно интервьюирующей организации (*Interview*), и 3) встреча аудитории с политиком (*Town hall meeting*), где политик без посредства СМИ общается с определенной группой людей.

2.1. Мероприятия с участием прессы (*Press-availability*)

В современном американском политическом дискурсе предоставление доступа СМИ к политическим деятелям и событиям называют собирательным термином «*press-availability*». Существует также одноименный жанр. Рассмотрим каждый из них.

2.1.1. Пресс-конференция (*Press Conference*)

Пресс-конференция представляет собой политическое мероприятие, куда официально приглашаются представители СМИ. Пресс-конференция проводится президентом и его администрацией, когда необходимо представить и объяснить общественности происходящие факты или заявить о намерениях. Встреча проходит в вопросно-ответной форме. Иногда в современном политическом дискурсе США пресс-конференцию называют также «*press-availability*», т. е. *мероприятие с участием прессы*, так как изначально данные два слова были синонимами. Пресс-конференция в среднем длится 20 минут.

2.1.2. Мероприятие с участием СМИ (*Press-availability*)

Мероприятие с участием прессы (*press-availability*) иногда называют также вопросы и ответы с прессой («*Questions and Answers with the press*»). Термин «*press-availability*» в узком понимании означает предоставление возможности журналистам задавать вопросы до или после мероприятия. Такая возможность предоставляется не всегда и во многом зависит от внутренней и внешне-политической ситуации в стране и политической атмосферы в Белом доме. Журналисты допускаются политическими деятелями освещать в СМИ

политическое событие, однако разрешение задавать вопросы политические деятели оставляют за собой. В данных жанрах вопросно-ответное взаимодействие зависит от воли политиков, поэтому можно предположить, что к данному жанру прибегают тогда, когда возможные вопросы полагают, будут уместными и неопасными, или же когда политики сумели сформулировать ответы на возможные неудобные вопросы.

Хотя выступления политиков привязаны к определенному событию и проблеме, журналистские вопросы часто мало связаны или не имеют отношения к этой проблеме. Журналисты больше вопросов задают об актуальных внешне- и внутривнутриполитических проблемах и часто получают ответы.

2.1.3. Пресс-брифинг (*Press Briefing*)

Пресс-брифинг в Белом доме представляет собой краткую пресс-конференцию. В зависимости от количества участников и формата встречи имеет несколько разновидностей, и в зависимости от вида, длится от 1–2 до 20 минут.

2.1.3.1. Пресс-брифинг (*Press Briefing*)

Одноименный жанр *пресс-брифинг* – аналог пресс-конференции, но в отличие от последней посвящен одному вопросу или событию и длится не более получаса. Пресс-брифинг в Белом доме представляет собой самый частотный жанр и используется для того, чтобы донести до аудитории действия и позицию президента и его администрации, их отношение к происходящим в стране и в мире событиям. В ходе пресс-брифинга разрешается использовать все записывающие устройства, включая видеокамеры. Пресс-брифинг проводится администрацией президента, обычно пресс-секретарем и иногда другими высокопоставленными чиновниками. При необходимости срочно проинформировать общественность администрация ограничивается только сообщением, не давая возможности задавать вопросы. «Иногда брифинг может быть полностью посвящен ответам на блиц-вопросы журналистов, так как презентационная часть в нем отсутствует» [14].

2.1.3.2. Неформальный брифинг (*Press Gaggle*)

В современном американском политическом дискурсе есть жаргонное обозначение пресс-брифинга – *press gaggle*, в котором запрещается использовать видеокамеру и непосредственно транслировать происходящее. В отличие от пресс-конференции или пресс-

брифинга, данный жанр представляет собой неформальный брифинг. Мероприятие возглавляет обычно пресс-секретарь президента, но бывают случаи, когда президент проводит неформальный брифинг с прессой. Хотя данный формат и считается неформальным, разрешается ссылаться на полученную информацию и использовать цитаты для публикации.

2.1.3.3. Пресс-пул (Press Pool)

В США в Белом доме пресс-пул является разновидностью жанра неформального брифинга (*press gaggle*). В пресс-пул допускается малое количество журналистов, что обуславливается спецификой обстоятельств, одно из которых – невозможность вместить всех [15]. Журналисты, попавшие в пресс-пул, являются представителями как своего издания или канала, так и многих других СМИ. В ходе встречи для этой малой группы журналистов предоставляется детальная информация случившегося или предстоящего события, полученную информацию они должны предоставить в полной мере и остальным СМИ. Иногда журналисты жалуются, что их не допускают на подобные брифинги, ссылаясь на особенности жанра, при этом руководствуясь иными мотивами [16].

2.1.3.4. Брифинг во время фотографирования (Photo Opportunity)

Особенностью данного жанра является то, что он используется во время встречи с иностранными лидерами или когда обсуждается какая-нибудь политическая инициатива, в ходе которой также проходят встречи на высшем уровне. Кроме фотографов допускается лишь избранный пул журналистов, которым позволяют задать несколько вопросов в течение 2–5 минут [17]. Вопросы в этом жанре в подавляющем большинстве связаны непосредственно с происходящим политическим событием и работой политиков [18].

Данный жанр в американских СМИ называют также «*pool spray*». Этот жанр часто использовали Б. Клинтон и Дж. Буш, однако нам не встретились скрипты под заглавием «*photo opportunity*» на сайтах Белого дома Б. Обамы (2009) и Д. Трампа (2017).

2.1.3.5. Бэк-брифинг (Background Briefing)

Бэк-брифинг представляет встречу политических деятелей с представителями СМИ в формате «не для печати» и длится не более получаса. Во время бэк-брифинга запрещено использовать аудио- и видеоаппаратуру, поэтому полученную информацию журнали-

сты применяют как фоновые знания при написании аналитических статей, создании аналитических сюжетов для телевизионных передач или для печатных изданий, сопровождающихся комментариями, поданными как плоды их собственных размышлений» [19]. Темой обычно служит произошедшее или будущее событие. Политик излагает точку зрения Белого дома, после чего отвечает на вопросы журналистов. Вопросы и ответы носят неформальный характер, поэтому могут быть заданы «неудобные» и невозможные в официальной обстановке вопросы, соответственно, ответы также могут даваться более откровенные, и даже может последовать отказ отвечать на вопрос.

2.2. Интервью (Interview)

Политическое интервью представляет собой разговор политика и журналиста. Интервью отличается от других жанров, где участвуют представители СМИ тем, что количество журналистов ограничено, традиционно участвует один журналист, хотя в виде исключения встречаются два и три. Результат данного разговора обычно эксклюзивно принадлежит тем СМИ, представитель которого общался с политиком, и текст или видео публикуется на ресурсе данного СМИ. Однако скрипты интервью, попадая на сайт Белого дома, лишаются этого права.

2.3. Встреча с политиком (Town Hall Meeting)

В политическом и медиа дискурсе США есть термин «*town hall meeting*». Этим термином называют такое политическое событие, когда политический деятель встречается с аудиторией, выслушивает просьбы и жалобы, отвечает на вопросы и разговаривает напрямую без посредства СМИ обо всех внутри- и внешнеполитических проблемах. СМИ лишь транслируют данное мероприятие остальной аудитории.

Формат таких «встреч» может быть разным и варьируется в основном каналом связи: иногда политик приезжает в какую-либо местность или собирает их в школе, библиотеке, церкви, на стадионе и т. д., либо общается с ними посредством онлайн видеоконференции и социальных сетей в Интернете, к примеру, в фейсбуке или твиттере [20].

Подобные собрания обычно используются политиками для установления и расширения связей со своими избирателями. Собрания и встречи могут иногда превращаться в площадку для дебатов и протестных выступлений.

Заключение

Таким образом, в современном американском политическом дискурсе, исходя из сайта Белого дома, диалогические жанры можно классифицировать по таким коррелирующим признакам, как социальные статусы и их взаимоотношения, количество коммуникантов (ограниченное/все доступное количество), формальность/неформальность коммуникации, место проведения (Белый дом/любое место), временные характеристики (длительность/краткость).

Жанры представлены двумя классами, на основе акторов коммуникации с политиком:

1) журналисты и 2) аудитория. Первая группа делится на две группы: 1) мероприятия со всей доступной прессой *Press Conference* (пресс-конференция), *Press-availability* (мероприятие с участием СМИ), *Press Briefing* (пресс-брифинг); 2) с ограниченным количеством прессы *Interview* (интервью). Вторая группа включает в себя все формы жанра *Town Hall Meeting* (встреча с политиком).

Наиболее важным, для выделения диалогических жанров в классы, оказалось направление коммуникации между акторами, а для подклассов – их количество, а также место, длительность и формат коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Analyzing genres in political communication theory: Theory and Practice / eds. P. Cap, U. Okulska. Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. 426 p.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm#4 (дата обращения: 10.08.2018).
- Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 48 с.
- Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
- Ахриева Л. М. Концепция жанра в статьях Ю. Н. Тынянова «Литературный факт» и «О литературной эволюции» // Ученые записки Петрозавод. гос. ун-та. 2014. Февраль, № 1. С. 78–80.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Emerging Genres in New Media Environments / eds. C. R. Miller, A. R. Kelly. L.: Palgrave Macmillan, 2017. 308 p.
- Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 431 с.
- Филиппов К. А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 336 с.
- Гапанович Е. А. Художественный диалог как объект исследования // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2013. Вып. 7. С. 24–29.
- Фещенко Л. Г. Жанровый потенциал информационного повода: на примере текстов СМИ // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 11. Орёл: Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2013. С. 241–248.
- Брифинг. Всероссийский специализированный журнал «Пресс-служба». URL: <http://press-service.ru/terms/145> (дата обращения: 10.08.2018).
- Press pool. Dictionary of Military and Associated Terms. 2005. US Department of Defense. URL: <https://www.thefreedictionary.com/Press+pool> (дата обращения: 10.08.2018).

- Rocheleau M. How White House press briefings usually work. The Boston Globe. URL: <https://www.bostonglobe.com/metro/2017/02/24/how-white-house-press-briefings-usually-work/X0eOY2Ln75hVQJw2l8XoVP/story.html> (дата обращения: 09.08.2018).
- Baker P. Few News Conferences, but Still Taking Questions. Nytimes.Com. URL: <https://www.nytimes.com/2010/02/04/us/politics/04memo.html> (дата обращения: 01.08.2018).
- Crowley S. The White House Spray. The Caucus. URL: <https://thecaucus.blogs.nytimes.com/2009/01/29/the-white-house-spray/> (дата обращения: 02.08.2018).
- Бэк-брифинг. Всероссийский специализированный журнал «Пресс-служба». URL: <http://press-service.ru/terms/146> (дата обращения: 10.08.2018).
- Davidson J. Obama holds first White House Twitter Town Hall. Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/local/dc-politics/white-house-tweet-conference/2011/07/06/gIQAhZtG1H_story.html?noredirect=on&utm_term=.22f0e7d791ea (дата обращения: 10.08.2018).

REFERENCES

- P. Cap, U. Okulska, eds. Analyzing genres in political communication theory: Theory and Practice. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2013. 426 p.
- Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 486 p. (in Russian).
- Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov* (The Problem of Speech Genres). Available at: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm#4 (accessed 10 August 2018) (in Russian).
- Belous N. A. *Konfliktnyi diskurs v kommunikativnom prostranstve: semanticheskie i pragmaticheskie aspekty* [Conflict discourse in communicative space: Semantic and pragmatic aspects]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2008. 48 p. (in Russian).
- Valgina N. S. *Teoriia teksta* [Text theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. 173 p. (in Russian).
- Akhrieva L. M. The concept of genre in articles of Iu.N. Tynianov “Literary fact” and “On literary evolution”. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*. 2014, February, no. 1, pp. 78–80 (in Russian).
- Karasik V. I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse].

course]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

8. C. R. Miller, A. R. Kelly, eds. *Emerging Genres in New Media Environments*. London, Palgrave Macmillan, 2017. 308 p.

9. Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive* [Discourse analysis in a cognitive perspective.]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 90 p. (in Russian).

10. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2005. 431 p. (in Russian).

11. Filippov K. A. *Lingvistika teksta: Kurs lektzii* [Linguistics of the text: Course of lectures]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. 336 p. (in Russian).

12. Gapanovich E. A. Khudozhestvennyi dialog kak ob"ekt issledovaniia [Art dialogue as an object of study]. *Lingvokul'turologia*. Ekaterinburg, 2013, iss. 7, pp. 24–29 (in Russian).

13. Feshchenko L. G. Zhanrovyi potentsial informatcionnogo povoda: na primere tekstov SMI [Genre potential of an information occasion: On the example of texts of mass-media]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Genres and types of text in scientific and media discourse: Inter-univer. coll. of sci. works], iss. 11. Orel, Orel gos. in-t iskusstv i kulturi, 2013, pp. 241–248 (in Russian).

14. Briefing (Briefing). *Vserossiiskii spetsializirovannyi zhurnal "Press-sluzhba"* (All-Russian specialized magazine

"Press Service"). Available at: <http://press-service.ru/terms/145> (accessed 10 August 2018) (in Russian).

15. Press pool. *Dictionary of Military and Associated Terms*. 2005. US Department of Defense. Available at: <https://www.thefreedictionary.com/Press+pool> (accessed 10 August 2018).

16. Rocheleau M. How White House press briefings usually work. *The Boston Globe*. Available at: <https://www.bostonglobe.com/metro/2017/02/24/how-white-house-press-briefings-usually-work/X0eOY2Ln75hVQJw2l8XoVP/story.html> (accessed 9 August 2018).

17. Baker P. Few News Conferences, but Still Taking Questions. *Nytimes.Com*. Available at: <https://www.nytimes.com/2010/02/04/us/politics/04memo.html> (accessed 1 August 2018).

18. Crowley S. The White House Spray. *The Caucus*. Available at: <https://thecaucus.blogs.nytimes.com/2009/01/29/the-white-house-spray/> (accessed 2 August 2018).

19. Bek-briefing (Back briefing). *Vserossiiskii spetsializirovannyi zhurnal "Press-sluzhba"* (All-Russian specialized magazine "Press Service"). Available at: <http://press-service.ru/terms/146> (accessed 10 August 2018) (in Russian).

20. Davidson J. Obama holds first White House Twitter Town Hall. *Washington Post*. Available at: https://www.washingtonpost.com/local/dc-politics/white-house-tweet-conference/2011/07/06/gIQAhZtG1H_story.html?noredirect=on&utm_term=.22f0e7d791ea (accessed 10 August 2018).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алимджанов А. А. Диалогические жанры Белого дома // *Жанры речи*. 2020. № 1 (25). С. 15–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-15-21>

For citation

Alimdjjanov A. A. Dialogical Genres of the White House. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 15–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-15-21>

Поступила в редакцию: 17.09.2018 / Принята: 09.01.2019 / Опубликовано: 02.03.2020

Received: 17 September 2018 / Accepted: 09 January 2019 / Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 82-312.6

ББК 83.3

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-22-28>С. Ю. Павлова
Саратов, РоссияSvetlana Yu. Pavlova
Saratov, Russia**О соотношении понятий «жанр автобиографии», «автобиографический дискурс», «автобиографизм»: литературоведческий аспект****On the Correlation of the Concepts of “Autobiography Genre”, “Autobiographical Discourse”, “Autobiographism”: Literary Aspect**

В статье рассматриваются ключевые понятия, применяемые при анализе автобиографической литературы. Констатируется отсутствие в российской и зарубежной науке терминологической четкости в их употреблении, что приводит к размыванию представлений и литературных жанрах. Анализируются определение жанра автобиографии, предложенное французским литературоведом Ф. Леженом, и полемика вокруг его концепции в западной критике 1950-х–1970-х гг., показавшая, что реальный корпус автобиографических сочинений значительно разнообразнее. Выявляются основные тенденции в номинации такого рода текстов. Из терминов, наиболее востребованных филологами и прежде всего лингвистами, характеризуется «автобиографический дискурс» и показываются границы его применения в области литературоведения. Рассматривается понятие «автобиографизм», имеющее прозрачные смысловые значения, но при этом слабо разработанное теоретиками. Формулируется его определение и утверждается продуктивность использования этого понятия применительно к художественным и документально-художественным автобиографическим текстам. В выводах утверждается, что разграничение жанра автобиографии, автобиографического дискурса и автобиографизма в процессе литературоведческого анализа необходимо для более четкой жанровой дефиниции произведения и определения его художественного своеобразия.

Ключевые слова: автобиография, автобиографический дискурс, автобиографизм, жанр, термины.

The article deals with the key concepts used in the analysis of autobiographical literature. The Russian and foreign science is acknowledged to lack the terminological precision in their application which leads to the notions and literary genres being diffused. The author analyzes the definition of the autobiography genre introduced by a French literary scholar Ph. Lejeune, as well as the polemic debate on his concept in the Western criticism of the 1950s–1970s, which revealed the fact that the real range of autobiographical works is significantly more diverse. The research shows the main trends in naming this kind of texts. The author singles out the term ‘autobiographical discourse’ as the most relevant for philologists and linguists and demonstrates the limits of its application in the sphere of literary studies. The notion of ‘autobiographism’ is looked upon as having transparent semantic meanings, but at the same time as underdeveloped by the theorists. The article gives its definition and states the effectiveness of using this concept as applied to fictional and nonfictional-fictional autobiographic texts. It is concluded that the differentiation of the autobiography genre, autobiographical discourse and autobiographism in the process of the literary analysis is necessary for a more precise definition of the genre of a literary work and identification of its artistic distinctiveness.

Keywords: autobiography, autobiographical discourse, autobiographism, genre, terms.

Сведения об авторе: Павлова Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7870-2772>

About the author: Pavlova Svetlana Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7870-2772>

Автобиографическая литература вот уже несколько десятилетий находится в фокусе внимания исследователей. В западной науке всплеск интереса к ней пришелся на 1950–1970-е гг., что отразилось в работах Э. Брюсс, Ж. Гюсдорфа, Ф. Лежена, Ж. Мея, Дж. Олни, Ж. Старобинского и др. С тех пор дискуссии о феномене автобиографии как жанре и практике, о его связи с концепциями субъективности, о текстовых, структурных разновидностях и трансформациях внутри всего корпуса автобиографических текстов не утихают.

Российские гуманитарии активно подключились к этому процессу в последние два десятилетия, когда были введены в научный оборот основные работы западных теоретиков и предложены оригинальные исследования на материале русской и зарубежной литературы (В. Д. Алташиной, Е. П. Гречаной, И. В. Кабановой, Н. А. Николиной, И. Л. Савкиной и др.). В разных странах, помимо опубликованных за эти годы многочисленных статей, коллективных сборников, монографий, диссертаций, журналов, регулярно проводятся тематические конференции и успешно функционируют сообщества по изучению автобиографических текстов.

Усиление внимания к автобиографическим произведениям стало реакцией на концептуальные изменения в постклассической философии, связанные с введением категории субъекта, зависящего от языковых и социальных практик, в противовес традиционному представлению о самоценности человеческой личности. В литературоведении, как известно, преломлением такого понимания стала концепция «смерти автора», реализованная в структуралистских и постструктуралистских методах анализа текста, не учитывающих авторскую интенциональность. Однако сама природа автобиографических сочинений предполагает их соотнесение с внетекстовой реальностью, воплощенной в фигуре биографического автора. Преодоление тенденции к его функциональной замене читателем, понимание невозможности целостно постичь смысл художественного произведения без реконструкции авторских намерений обозначились в современных литературоведческих теориях автора («*théories d'auteur*»). Эти методологические сдвиги вписываются в новый виток общегуманитарного поворота к идее человека «как некоей онтологической части исторической действительности» и автобиографическим сочинениям «в качестве важнейшего свидетельства его существования и исторических трансформаций в веках» [1 : 228].

Теория и методология исследования автобиографии как литературного жанра и автобиографических текстов в целом на сегодняшний день разработана основательно. При этом в гуманитарной науке, как российской, так и зарубежной, присутствует терминологическая разногласия в отношении произведений, не являющихся автобиографиями в строгом жанровом смысле слова в силу времени создания или формально-содержательных особенностей.

В качестве базового имеется в виду жанровое определение, предложенное в 1971 г. французским литературоведом Ф. Леженом: автобиография – это «ретроспективное повествование о себе, первостепенное значение в котором имеют события частной жизни и история становления личности рассказчика» [2 : 10]. Такое понимание было ориентировано на «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо как первый образец нового жанра и предполагало наличие важного формального критерия – автобиографического пакта. Ф. Лежен понимал под ним своеобразный зачин повествования, в котором создатель произведения устанавливает определенные отношения с читателем, гарантируя обязательную для жанра референциальность, а также совпадение автора, повествователя и героя. Это понятие ученый более детально разработал в своей следующей монографии, где новый термин был вынесен в название [3]. Спустя почти пятьдесят лет он пояснил, что пакт «часто принимает форму развернутой преамбулы, предисловия или введения, предназначенного для того, чтобы разрушить предубеждения читателя, объясняя правила игры, к которой его приглашают: итак, автобиографический пакт становится чем-то вроде микрожанра, оправдывающего не жизнь как таковую, а повествование о ней» [4 : 600].

На практике концепция французского литературоведа очень быстро приобрела как сторонников, так и оппонентов. Прежде всего, несогласие вызвало провозглашение «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо в качестве истока жанра. Полемику с Ф. Леженом начал И. Куаро. В мемуарах Франции Старого порядка он уловил «автобиографический аромат», выделил черты, отвечающие леженовскому определению, и заключил, что «“предыстория” литературного жанра – это уже его история» [5 : 945, 953]. Подверглось критике и понятие «автобиографического пакта». Так, П. де Ман обратил внимание на то, что вымышленность или референциальность произведения нельзя осознать, исходя из него самого [6 : 921]. Это наблюдение получило развитие у других современных теоретиков и закрепилось в общепризнанной констатации: «отличить “я” художественного текста от “я” настоящего» ав-

тобиографического повествования невозможно» [7 : 219], так как между автобиографией и романом, с точки зрения повествовательных приемов, нет никакой разницы.

Развернувшаяся полемика показала, что предложенное Леженом понимание жанра выступает своего рода его идеальной моделью, тогда как реальный корпус автобиографических текстов оказывается значительно разнообразнее. В плане характеристики автобиографических сочинений, не соответствующих предложенному французским ученым определению, можно выявить две тенденции. Первая предполагает применение термина «автобиография / *autobiographie* / *autobiography*» в предельно широком значении, что особенно характерно для французских исследований. Современные литературоведческие словари обязательно содержат статью «Автобиография», в которой определение охватывает широкий спектр автобиографических произведений и выходит за пределы категории жанра [8 : 53, 9 : 65]. Показательно, что во введении к новейшему французскому «Словарю автобиографии» (2017) специально поясняется, что в название вынесено понятие, выполняющее функцию гиперонима и легко идентифицируемое читателем, но при этом упрощающее описываемые литературные явления [4 : 8].

Схожим образом используется и однокоорденное прилагательное «автобиографический/ая/ое» («*autobiographique*», «*autobiographical*») в сочетании с существительным (текст, письмо, произведение, измерение, пространство и т. д.). В «Словаре автобиографии» этой производной номинации посвящена отдельная статья, в которой дается следующая характеристика: автобиографический, то есть отсылающий «ко всему, что может касаться жизни автора и его чувств, или, как минимум, ко всему, что читатель может интерпретировать как таковое» [4 : 93]. В дальнейшем, однако, автор статьи сужает такое понимание, связывая определение «автобиографический» только с разножанровыми художественными произведениями, не являющимися собственно автобиографиями, и не учитывает давно признанную теоретиками сложность в трактовке самого исходного понятия [10 : 166, 11 : 7].

Вторая тенденция заключается в том, что на сегодняшний день в отношении разного рода автобиографических текстов активно используются новые определения как обобщающего, так и конкретизирующего характера: *life-writing*, *self-narrative*, *écriture de soi*, *récit de vie*, *écriture autobiographique*, *nouvelle autobiographie*, *littérature du for privé*, *égo-littérature*, *automythobiographie*, *autofiction*, *selbstzeugnisse*, автобиографический дискурс,

автобиографизм, эгодокументы, духовная автобиография, автопсихологизм, автобиографический жанр и др. Терминологические предпочтения во многом зависят от специализации ученых-гуманитариев. В истории на первый план выходит термин «эгодокументы», в социологии и психологии – «*self-narrative*», в лингвистике – «автобиографический подстиль официально-делового стиля», «автобиографический дискурс».

Последний термин встречается и в литературоведческих работах. Его применение должно предполагать четкое самоопределение исследователей по отношению как к понятию «автобиографический», так и «дискурс». Если в отношении первого просматривается общее понимание, предопределенное уже этимологией слова (от греч. *αὐτο* – сам, *βίω* – жизнь, *γράφει* – пишу), то второе является многозначным и дискуссионным [12 : 271–299].

Наиболее универсальным среди языковедов считается определение Н. Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [13 : 136–137]. В словаре «Западное литературоведение XX века» оно конкретизируется с учетом идей М. Фуко о характерном для каждой исторической эпохи и научной дисциплины языковом коде, предопределяющем мышление и речевое поведение людей: «Дискурс интерпретируется как семиотический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик. Когда говорят о дискурсе, то в первую очередь имеют в виду специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)» [14 : 138].

Наряду с ним литературоведы активно используют и более узкое определение, введенное в практику структуралистами. Согласно их трактовке под дискурсом понимается «весь уровень речи, повествующей о событиях, в отличие от самих этих событий» [15 : 50], а его изучение строится на анализе нарративных фигур. Обозначенные позиции в изучении дискурса влияют на методологию литературоведческого анализа, фокусируя внимание исследователей либо на прагматико-идеологических аспектах произведения, либо на формально-стилистическом уровне. Тенденция к их синтезу представляется наибо-

лее оптимальной исследовательской стратегией.

Термин «автобиографический дискурс» пока не получил в науке о литературе четкого определения. Лингвисты также констатируют непостоянство и хаотичность его употребления. С. В. Волошина предлагает определять «автобиографический дискурс» как «персональный открытый монологический устный/или письменный дискурс (с возможным проявлением черт институциональных типов дискурса) с особой пространственно-временной организацией, ярко выраженным личностным началом, отсутствием повествования о будущем, постоянным соотношением настоящего и прошлого, субъективного и объективного начал, основной коммуникативной стратегией которого является самопрезентация, а основными составляющими концептосферы – «жизнь» и «память». Следует отметить, что автобиографический дискурс является автореферентным <...>» [16 : 270]. Приведенное определение имеет обобщающий характер и междисциплинарную направленность, что делает его удобным инструментом для разного рода гуманитарных штудий, связанных с автобиографическими текстами.

Применительно к литературоведению значение термина поясняет Е. И. Сарин, понимая под ним «систему разного рода высказываний автора о себе (автобиографическая информация, лично-памятные замечания и детали, жизнеописательные эпизоды и пр.)» [17 : 8]. Эта формулировка фокусирует внимание на языковой и нарративной структуре, что ограничивает возможное литературоведческое анализа, призванного рассматривать произведение в единстве его содержательно-формальных элементов.

Использование термина «автобиографический дискурс» в рамках литературоведения представляется нам недостаточным в силу самого объекта исследования – художественного произведения как эстетически организованного смыслового целого, в котором авторское «я» проявляется на разных уровнях и в разных формах. В широком поле автобиографических текстов именно художественные отличаются более сложной структурой и соотносительностью с фигурой автора. В них референциальность может быть как достаточно очевидной, то есть отсылающей к биографии автора через протагониста или конкретные эпизоды, так и скрытой, предполагающей в разной мере осознанную трансляцию этических, идеологических, психо-эмоциональных и других особенностей его личности на уровне сюжета, системы образов, композиции, стиля. Архитектоника художественного произведения делает его перекрестьем различных типов

дискурса в большей степени, чем любой другой текст. Но в своей целостности оно не сводимо ни к одному из дискурсов, в том числе к автобиографическому. В художественном произведении автобиографическое начало очень часто проявляется помимо сознательной установки автора. Следовательно, содержащаяся в термине «автобиографический дискурс» идея эксплицированной в тексте направленности рассказа на самого автора не является для художественного произведения обязательной.

Несколько иная ситуация складывается с произведениями документально-художественными, прежде всего автобиографией и мемуарами, в которых авторская установка на рассказ о своей жизни, как правило, сформулирована прямо. Это, однако, не исключает и скрытой референциальности, а также использования образных средств для выражения авторских интенций.

В целом можно констатировать, что в зарубежной и российской науке терминологический аппарат, применяемый для работы с автобиографическими текстами, не отличается четкостью, хотя при анализе конкретных произведений каждый ученый находит адекватные характеристики для их описания.

На наш взгляд, в рамках литературоведческого исследования продуктивно использовать термин «автобиографизм». Остановимся подробнее на его значениях. Еще в 1998 г. хорватская исследовательница Магдалена Медарич констатировала, что он «не является общепринятым» [18 : 5]. За прошедшие два десятилетия ситуация мало изменилась. В западном литературоведении термин встречается нечасто [19, 20]. Немногочисленные словарные определения носят самый общий характер и обнаруживают разночтения: «стремление писателя основывать свои произведения на собственной жизни» [21] или «стремление, желание писателя написать свою автобиографию» [22].

В культурном сознании носителя русского языка слово «автобиографизм» вызывает устойчивые представления и содержит отчетливую отсылку к тому человеку, который является создателем произведения. Аналогичным образом воспринимается и синонимичное слово «автобиографичность», которое встречается в словарных статьях советского периода [23 : 71, 24 : 117]. Смыслоразличительным признаком этих двух способов номинации выступает суффикс. Если слова с суффиксом -ость указывают на качественную характеристику, то суффикс -изм используется в словообразовательных моделях русского языка для обозначения направлений в искусстве, философии, науке и т. д. [25], то есть имеет ге-

нерализирующее и процессуальное значение, что нам представляется важным для характеристики самого феномена.

При всей кажущейся очевидности термин «автобиографизм» слабо разработан отечественными теоретиками. В предметном указателе авторитетного учебника В. Е. Хализева по теории литературы рубрика под названием «автобиографизм» отсылает к разнообразным упоминаниям автобиографической прозы, но сам термин не поясняется [26 : 383]. В «Лермонтовской энциклопедии» под ним понимается «преломление биографического материала в художественном творчестве» и стремление «к подлинности выражения переживаний, конкретности в передаче психологических движений и событий» [27]. В схожем ключе его трактует Т. Ф. Ефремова в «Новом словаре русского языка»: «Автобиографизм – отражение в литературном произведении сведений из жизни автора; близость героя произведения автору по взглядам, чувствам, характеру» [25].

Дополнительный смысловой нюанс вносит определение, предложенное И. П. Карповым: «<...> трансформация автором “жизненного материала” в направлении своей экзистенциальной сферы, своего эмоционального комплекса и видения человека. Такое понимание автобиографизма соответствует указанию субъекта речи на автобиографическую основу повествования. <...> Автобиографизм рассматривается как одна из форм авторской образно-словесной игры» [28 : 4]. Во всех приведенных формулировках термин «автобиографизм», во-первых, используется применительно к художественной литературе, а во-вторых, связывается с авторскими намерениями.

Задачу конкретизации способов проявления автобиографизма в тексте пытается разрешить М. Медарич, рассматривающая его как элемент художественной структуры произведения. В русскоязычном сборнике «Автоинтерпретация» она дает следующее определение: «<...> стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии; он появляется в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались как автобиографии» [18 : 5]. Исследовательница выделяет и убедительно иллюстрирует функции автобиографизма как приема на примере художественных текстов русского Серебряного века. Исходя из задач своей работы, она разделяет художественные и документально-художественные жанры. Однако такое разграничение является лишь одним из возможных исследовательских подходов. Нам представляется более продуктив-

ным снятие этой оппозиции, поскольку автобиографическое начало проявляется в текстах разной жанровой природы.

Переключки с жизнью автора, непосредственно эксплицированные в произведениях с документальной основой, более явственно отражают имманентную сущность автобиографизма, которая заключается в его референциальности. Этот важнейший аспект подчеркивает в своем определении Е. М. Болдырева, характеризуя автобиографизм «как принцип соотношения художественной и внехудожественной реальности, заключающийся в трансформации автором в собственных текстах автобиографического жизненного материала» [29 : 242]. Такое понимание позволяет использовать термин применительно не только к художественным, но и документально-художественным жанрам.

Еще одна значимая составляющая рассматриваемой категории обозначается историком Ю. П. Зарецким. Он называет автобиографизмом функционирование «автобиографических произведений в тех или иных конкретных обстоятельствах <...>, т. е. производство и потребление автобиографических смыслов в определенном историко-культурном контексте» [30 : 52]. Исследователь вкладывает в термин идеологический и прагматический смысл, важный для изучения исторических явлений. Эти факторы должны обязательно учитываться и литературоведами, однако лишь наряду с другими, собственно внутритекстовыми составляющими автобиографических произведений.

С учетом вышеизложенного мы считаем необходимым предложить трактовку термина «автобиографизм», которая может использоваться при литературоведческом анализе текстов различной жанровой природы. Автобиографизм – это совокупность содержательно-структурных и словесно-образных свойств произведения, связанных с биографией и/или личностью автора. Предложенное понимание автобиографизма как надродовой и наджанровой категории позволяет учитывать жанровую специфику произведения, рассматривать его формально-содержательные уровни и экстралитературные факторы, анализировать категории, входящие в смысловое поле авторской интенциональности и имплицитно присутствующие в тексте.

Для определения специфики автобиографизма имеет значение анализ образа протагониста и повествователя, а также соотношения между ними (наличия/отсутствия дистанции, использования приема «двойного регистра»), отбора и построения биографического материала, авторских интенций и их реализации, сознательных акцентов и умолчаний, компози-

ции и стиля. Совокупность этих свойств показывает своеобразие автобиографизма в конкретных образцах жанра, тогда как границы и способы его проявления предопределяет историко-культурный контекст. Природа автобиографического может быть выявлена лишь с учетом представлений определенной эпохи о дозволенности самого акта говорения о себе, о статусе авторов, о доминирующих жанрах, в которых проявляются автобиографические

элементы, о социальных практиках и литературных моделях, накладывающих отпечаток на способы самопрезентации.

Таким образом, терминологическое разграничение понятий «жанр “автобиография”», «автобиографический дискурс» и «автобиографизм» в процессе литературоведческого анализа необходимо для более четкой жанровой дефиниции произведения и определения его художественного своеобразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарецкий Ю. П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). С. 218–232.
2. Lejeune Ph. L'autobiographie en France. 2 éd. Paris: Armand Colin, 1998. 192 p.
3. Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. Paris: Seuil, 1975. 381 p.
4. Dictionnaire de l'autobiographie. Écriture de soi de la langue française. Paris: Honoré Champion éd., 2017. 846 p.
5. Coirault Y. Autobiographie et Mémoires (XVIIe–XVIIIe siècles) ou existence et naissance de l'autobiographie // Revue d'Histoire littéraire de la France. L'Autobiographie. 1975. № 6 (Nov.–Dec.). P. 937–956.
6. Man P. de. Autobiography as De-facement // Modern Language Notes. 1979. Vol. 94. P. 919–930.
7. Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры: в 2 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
8. Dictionnaire des termes littéraires. Paris: Honoré Champion éd., 2005. 544 p.
9. Dictionnaire de Jean-Jacques Rousseau. Paris: Honoré Champion éd., 2006. 976 p.
10. Bruss El. Autobiographical Acts: The Changing Situation of Literary Genre. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976. 184 p.
11. Olney J. Autobiography and the Cultural Moment: A Thematic, Historical, and Bibliographical Introduction // Autobiography: Essays Theoretical and Critical. N. Y.: Princeton University Press, 1980. P. 3–28.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
13. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Рос. энцикл., 1990. 687 с.
14. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. 560 с.
15. Зенкин С. Н. Введение в литературоведение: Теория литературы. М.: РГГУ, 2000. 81 с.
16. Волошина С. В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2014. № 2. С. 267–273.
17. Сарин Е. И. Автобиографический дискурс в литературе Древней Руси XI–XIII веков (жития, поучения, послания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2014. 22 с.
18. Медарич М. Автобиография/Автобиографизм // Автоинтерпретация: сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 5–32.
19. Trousselard S. De l'autoreprésentation à l'autobiographisme // Identité, langage(s) et modes de

pensée. Sainte-Étienne: l'Université de Sainte Étienne, 2004. P. 269–276.

20. Sawala W. Biopolitique et autobiographisme. Les deux malades de Franz Joseph Gall // Studia Romanica Posnaniensia. 2017. № 44 (4). P. 59–79.

21. WordSense.eu Dictionary. URL: <https://www.wordsense.eu/autobiographism/> (дата обращения: 05.07.2018).

22. Encyclopedia Universalis. fr. URL: <https://www.universalis.fr/dictionnaire/autobiographisme/> (дата обращения: 05.07.2018).

23. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1962. 1088 с.

24. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1970. 608 с.

25. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. URL: <https://www.efremova.info/word/izmy.html#.Wz79PdIzbow> (дата обращения: 01.07.2018).

26. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.

27. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/dictionary/lermontov-encyclopedia/articles/141/avtobiografizm.htm> (дата обращения: 01.07.2018).

28. Карпов И. П. Словарь авторологических терминов: пособие по курсу «Теория литературы. Поэтика». Йошкар-Ола: Марийск. гос. пед. ин-т, Лаборатория аналитической филологии, 2003. 64 с.

29. Болдырева Е. М. Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярослав. пед. вестн. 2017. № 4. С. 242–251.

30. Зарецкий Ю. П. Феномен средневековой автобиографии // История субъективности: Средневековая Европа. М.: Академ. проект; Гаудеамус, 2009. С. 9–52.

REFERENCES

1. Zareckij Yu. P. History of the subjectivity and history of the autobiography: important updates. *Neprikosnovennyj zapas*, 2012, no. 3 (83), pp. 218–232 (in Russian).
2. Lejeune Ph. *L'autobiographie en France*. 2 éd. Paris, Armand Colin, 1998. 192 p. (in French).
3. Lejeune Ph. *Le pacte autobiographique*. Paris, Seuil, 1975. 381 p. (in French).
4. Dictionnaire de l'autobiographie. *Écriture de soi de la langue française*. Paris, Honoré Champion éd., 2017. 846 p. (in French).
5. Coirault Y. *Autobiographie et Mémoires (XVIIe–XVIIIe siècles) ou existence et naissance de l'autobiographie*. *Revue d'Histoire littéraire de la France*. *L'Autobiographie*, 1975, no. 6 (Nov.–Dec.), pp. 937–956. (in French).

6. Man P. de. Autobiography as De-facement. *Modern Language Notes*, 1979, vol. 94, pp. 919–930 (in English).
7. Starobinskij Zh. *Poeziya i znanie: Istoriya literatury i kultury: v 2 t.* [Poetry and knowledge: History of literature and culture: in 2 vol.], vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2002. 496 p. (in Russian).
8. Dictionnaire des termes littéraires. Paris, Honoré Champion éd., 2005. 544 p. (in French).
9. Dictionnaire de Jean-Jacques Rousseau. Paris, Honoré Champion éd., 2006. 976 p. (in French).
10. Bruss El. *Autobiographical Acts: The Changing Situation of Literary Genre*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1976. 184 p. (in English).
11. Olney J. Autobiography and the Cultural Moment: A Thematic, Historical, and Bibliographical Introduction. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. New York, Princeton University Press, 1980, pp. 3–28 (in English).
12. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost, koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
13. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar* [Encyclopedia dictionary of linguistics]. Moscow, Rossijskaya enciklopediya Publ., 1990. 687 p. (in Russian).
14. *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: Enciklopediya* [Western literary studies of the 20th century: Encyclopedia]. Moscow, Intrada Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
15. Zenkin S. N. *Vvedenie v literaturovedenie: Teoriya literatury* [Introduction into literary studies: Theory of literature]. Moscow, RGGU, 2000. 81 p. (in Russian).
16. Voloshina S. V. Avtobiograficheskij diskurs kak obekt lingvisticheskogo analiza [Autobiographical discourse as the object of linguistic analysis]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 267–273 (in Russian).
17. Sarin E. I. *Avtobiograficheskij diskurs v literature Drevnej Rusi XI–XSh vekov (zhitiya, poucheniya, poslaniya)* [Autobiographical discourse in Ancient Rus literature of the 11–13th centuries (lives, lectures, epistles)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Orel, 2014. 22 p. (in Russian).
18. Medarich M. Avtobiografiya/Avtobiografizm [Autobiography/Autobiographism]. In: *Avtointerpretaciya: sb. st.* [Self-interpretation: coll. of art.]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1998, pp. 5–32 (in Russian).
19. Trousselard S. De l'autoreprésentation à l'autobiographisme. In: *Identité, langage(s) et modes de pensée*. Sainte-Étienne, l'Université de Sainte Étienne, 2004, pp. 269–276 (in French).
20. Sawala W. Biopolitique et autobiographisme. Les deux malades de Franz Joseph Gall. *Studia Romanica Posnaniensia*, 2017, no. 44 (4), pp. 59–79 (in French).
21. *WordSense.eu Dictionary*. Available at: <https://www.wordsense.eu/autobiographism/> (accessed 5 July 2018).
22. *Encyclopedia Universalis*. fr. Available at: <https://www.universalis.fr/dictionnaire/autobiographisme/> (accessed 5 July 2018) (in French).
23. *Kratkaya literaturnaya enciklopediya: v 9 t.* [Short encyclopedia of literature: in 9 vol. vol. 1]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1962. 1088 p. (in Russian).
24. *Bolshaya sovetskaya e'nciklopediya: v 30 t.* [Great Soviet encyclopedia: in 30 vol. vol. 1]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1970. 608 p. (in Russian).
25. Efremova T. F. *Novyj slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyj: v 2 t.* (New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation: in 2 vol.). Moscow, Russkij yazyk Publ., 2000. Available at: <https://www.efremova.info/word/izmy.html#Wz79PdIzbow> (accessed 1 July 2018) (in Russian).
26. Xalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2000. 398 p. (in Russian).
27. *Lermontovskaya enciklopediya* (The Lermontov encyclopedia). Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1981. Available at: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/dictionary/lermontov-encyclopedia/articles/141/avtobiografizm.htm> (accessed 1 July 2018) (in Russian).
28. Karpov I. P. *Slovar avtorologicheskix terminov* [Dictionary of authorological terms]. Joshkar-Ola, Marisk. gos. ped. in-t, Laboratoriya analiticheskoy filologii, 2003. 64 p. (in Russian).
29. Boldyreva E. M. Autobiographism and autobiography: self-construction and semiotization of the subject. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2017, no. 4, pp. 242–251 (in Russian).
30. Zareczkij Yu. P. Fenomen srednevekovoj avtobiografii [Phenomenon of medieval autobiography]. In: *Istoriya subektivnosti: Srednevekovaya Evropa* [History of the subjectivity: Medieval Europe]. Moscow, Akademicheskij proekt, Gaudeamus Publ., 2009, pp. 9–52 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Павлова С. Ю. О соотношении понятий «жанр автобиографии», «автобиографический дискурс», «автобиографизм»: литературоведческий аспект // *Жанры речи*. 2020. № 1 (25). С. 22–28. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-22-28>

For citation

Pavlova S. Yu. On the Correlation of the Concepts of “Autobiography Genre”, “Autobiographical Discourse”, “Autobiographism”: Literary Aspect. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 22–28 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-22-28>

Поступила в редакцию: 07.02.2019 / Принята: 12.04.2019 / Опубликовано: 02.03.2020

Received: 07 February 2019 / Accepted: 12 April 2019 / Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК [811.161.1.09-84+801.81]:27

ББК 83.3(2Рос)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-29-35>

Н. М. Орлова
Саратов, Россия

Nadezhda M. Orlova
Saratov, Russia

Библия и малые литературные жанры: русские паремии и цитаты

Bible and Small Literary Genres: Russian Proverbs, Sayings, and Quotations

Статья посвящена рассмотрению жанровых аспектов устойчивых выражений разного типа – пословиц, поговорок и цитат (афоризмов), восходящих к тексту Библии.

Выделяются два жанровых аспекта рассматриваемых явлений. Сами прецедентные тексты (в т.ч. паремии) библейского происхождения 1) являются или жанрами, или, по крайней мере, жанроподобными явлениями (возможно, фольклорными, но не обязательно) и в этом смысле имеют ряд важных структурных и содержательных признаков и образуют ряд структурных типов, 2) используются в составе ряда речевых жанров – и фольклорных, и литературных, и нехудожественных письменных, и разговорных.

Пословицы, поговорки и цитаты библейского истока органично вошли в языковую картину мира европейских народов, обогатили арсенал образно-выразительных средств и стали неотъемлемым компонентом художественной речи.

Несмотря на сложность определения их статуса как речевых и фольклорных явлений, характеристик и типологии, в когнитивной картине мира они объединены как концепты библейского истока.

Библейские языковые единицы проникали в речь и в пословичный фонд как через книги Священного Писания, так и через сборники изречений.

Указанные тексты малых фольклорных и литературных жанров находят свое место в структурно-семантической классификации в парадигме библейской прецедентности: однокомпонентные имена библейских концептов; многокомпонентные номинанты, представляющие собой ядро библейской концептосферы, содержащие в редуцированном виде фабулу множества ситуаций и конденсирующие единицы более высокого уровня (тексты, высказывания). Русский пословичный фонд включает обширный слой единиц, восходящих к библейским текстам. Наибольший интерес в аспекте связи малых фольклорных жанров и библейских выражений представляют предикативные единицы (высказывания, цитаты, паремии).

В качестве показателя генетической близости библейских высказываний и русских паремий можно назвать различные признаки, в первую очередь образно-ассоциативные и вербальные. Большинство библейских изречений трансформируется, теряя в процессе фольклоризации признаки книжного языка.

The article considers genre aspects of set phrases of different type such as proverbs, sayings and quotations (aphorisms), going back to the Bible.

The author singles out two genre aspects of the phenomena under consideration. The precedent texts (including pameias) of biblical origin themselves 1) are either genres, or at least genre-like phenomena (possibly of folklore nature, but not necessary) and in this sense have a number of important structural and substantial features and form a number of structural types, 2) are used as part of some speech genres – folklore, and literary, and non-artistic written, and conversational ones

Proverbs, sayings, and quotes of the biblical source make an integral part of the language picture of the world of European nations, enriched the arsenal of figurative and expressive means and became an indispensable component of fiction

Despite the complexity of defining their status as discourse and folklore phenomena, their characteristics and typologies, in the cognitive picture of the world they are combined as the biblical source concepts.

Biblical language units penetrated into discourse and became part of the proverbial fund both through the books of Scripture and through collections of aphorisms

These texts of small folklore and literary genres find their place in the structural and semantic classification in the paradigm of biblical precedence: single-component names of biblical concepts; multi-component nominees that represent the core of the biblical concepts, containing a reduced version of many plots and condensing units of a higher level (texts, statements). The Russian proverbial fund includes an extensive layer of units dating back to biblical texts. In the aspect of the connection of small folklore genres and biblical expressions predicative units (sayings, quotes, proverbs) are of most interest. As an indicator of the genetic proximity of biblical statements and Russian proverbs one can name various properties, primarily figurative-associative and verbal ones. Most biblical sayings are transformed, losing in the process of folklorization properties of the bookish language.

Ключевые слова: прецедентность, Библия, малые фольклорные жанры, пословицы, цитаты.

Keywords: precedence, Bible, small folklore genres, proverbs, quotations.

Сведения об авторе: Орлова Надежда Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

About the author: Orlova Nadezhda Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: nador2006@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7590-6489>

E-mail: nador2006@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7590-6489>

В предлагаемой работе осуществляется рассмотрение разножанровых малоформатных текстов библейского истока в прецедентной парадигме. Приступая к разговору о связи русского паремиологического фонда с библейским текстом, мы должны сказать о чрезвычайной сложности жанровых и теоретических характеристик паремий в кругу малых жанров фольклора, соотношения статуса паремий и речевых формул, паремий и фразеологических единиц, паремий и афоризмов нефольклорного происхождения, о бивалентности паремий как речевых и одновременно фольклорных явлений. Их свободная погруженность в речь, отсутствие строгих требований к коммуникативной ситуации (в отличие, например, от такого малого жанра, как анекдот), мобильность в сфере функционирования обуславливают выполнение ими прагматической функции трансформации блоков разнообразной культурной информации.

При всех трудностях разграничения устойчивых выражений и паремий, разнообразия типологий и терминологических обозначений (эти сложности во многом имеют объективный характер, и даже в работах последних лет подчеркивается их чрезвычайная близость) можно разделить мнение Н. Ф. Алефиренко о том, что фразеологизмы, паремии и афоризмы – это разновидности устойчивых выражений, обладающие своим набором структурных, семантических и функциональных особенностей; «в основе пословицы лежат не понятия, как у фразеологизмов, а суждения» [1: 56]. Поэтому, говоря о паремиях, структурно, семантически и генетически связанных с Библией, мы не можем обойти вниманием афоризмы и прямое цитирование.

Требуются также уточнения, связанные с классификацией концептов библейского истока, именами которых являются указанные паремии, с точки зрения их структурно-семантической специфики в парадигме библейской прецедентности. Эти номинанты могут быть однокомпонентными и многокомпонентными (фразеологизмы). Третий вид номинантов –

предикативные единицы, высказывания, цитаты, паремии [2: 24–25]; иными словами, с точки зрения когнитивистики указанные единицы также имеют много объединяющих их признаков.

Однокомпонентные имена библейских концептов чаще всего представляют собой имена собственные, в том числе такие, которые эксплицируют ситуацию в «парном» виде: *Адам и Ева, Молох, Руфь, Самсон, Голиаф, Иов, Иона, Исав и Иаков, Лия и Рахиль, Сарра и Агарь, Содом и Гоморра, Вавилон*. Примеры пополнения фонда текстов малых фольклорных жанров на основе использования этих имен немногочисленны, но отличаются яркостью и выразительностью – как в поговорках (*это не дом, а содом*), так в других малых фольклорных жанрах (ср. загадку: *гроб плывет, мертвец поет* – Иона во чреве кита).

Многокомпонентные номинанты – фразеологизованные словосочетания, ядро библейской концептосферы. Этот пласт фразеологических библеизмов неоднократно подвергался изучению в плане выявления соотносительности фразеологизмов с текстом Священного Писания, их вариативности, сопоставления универсальных фразеологических библеизмов в разных языках, а также лексикографическому описанию: *запретный плод, фиговый листок, Вавилонское столпотворение, святая святых, египетские казни, Неопалимая купина, манна небесная, золотой телец, обетованная земля, козел отпущения, корень зла, злчное место, ложь во спасение, глас вопиющего в пустыне, мерзость запустения, краеугольный камень, колосс на глиняных ногах, камень преткновения, хлеб насущный, притча во языцех, со страхом и трепетом, в поте лица*. Указанные концепты в редуцированном виде содержат фабулу ряда ситуаций или конденсируют в себе прецедентные единицы более высокого уровня (тексты, высказывания).

Третий вид номинантов – предикативные единицы (высказывания, цитаты, паремии), т. е. микротексты, занимающие в кругу биб-

лейских концептов промежуточное положение между сформированным концептом как категориальной единицей и прецедентной отсылкой. Это языковое явление представляет наибольший интерес в аспекте связи малых фольклорных жанров и библейских выражений.

Путь проникновения библейской стилистики в устную речь, а через нее и в пословичный фонд не всегда проходил через библейские книги. Бесспорно, Псалтырь, много веков бывшая первой книгой для чтения, в течение всего средневековья оставляла следы в литературной письменной и устной речи; запоминались отрывки из Ветхого Завета, входящие в Паремийник, фрагменты Евангелий и Апостольских посланий, которые также читались во время церковной службы; богатый материал давали тексты, относящиеся к учительным жанрам, сборники афоризмов-изречений, составлявшиеся в христианской Византии, на славянском юге и позднее на Руси. Таковы, например, афоризмы из Изборника Святослава 1073 года. А. В. Григорьевым [3] установлены также добиблейские источники библейских фразеологизмов.

Еще В. П. Адрианова-Перетц обращала внимание на то, что «буквальные цитаты-изречения не характерны для бытования библейских афоризмов рядом с народными по происхождению пословицами. Обычно в той или иной мере сама книжная форма перестраивается: изречение становится лаконичнее, иногда приобретает ритмичность, а порой и рифму» [4: 9].

Действительно, точные библейские цитаты сравнительно редко переходили в разряд общеупотребительных пословиц. Это, как правило, библейские афоризмы, лишённые ярко выраженной библейской стилистики, изначально имевшие простую и изящную форму и потому не нуждавшиеся в народной обработке. К пословицам можно отнести такие широко известные библейские изречения, как *око за око, зуб за зуб (Матф., 5:38), не судите, да не судимы будете (Матф., 7:1), не всякому слову верь (Сирах, 19:16), железо железо острит (Соломон, 27:17), Бог дал, Бог и взял (Иов, 1:21), всему свое время (Екклес., 3:1).*

Однако большинство библейских изречений так или иначе трансформируется, теряя в процессе фольклоризации признаки книжного языка: они сокращаются, упрощается их структура и синтаксис, происходит замена старославянизмов более современной и стилистически нейтральной лексикой, нередко появляются характерные для пословиц ритм и рифма. Если указанные трансформации незначительны, связь между библейским

и пословичным текстом представляется очевидной: *Что посеет человек, то и пожнет (Гал. 6, 7), Кто сеет скупое, тот скупое и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет (2 Кор. 9, 6), ср.: Что посеешь, то и пожнешь; Кто копает яму, тот упадет в нее, Кто роет яму, тот упадет в нее (Екклес., 10:8 Притч. 26, 27), ср.: Не рой другому яму – сам в нее попадешь; Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина (Иеремия, 31:29), ср.: Отцы клюкву ели, а у детей оскомина; Погибели предшествует гордость и падению надменность. Лучше смиряться духом с кроткими, нежели разделять добычу с гордыми (Притч. 16.18–19); ср.: Дьявол гордился, да с неба свалился.*

Показателем генетической близости библейских высказываний и русских паремий служат различные признаки, в первую очередь вербальные и образно-ассоциативные [5: 13–14]; образно-метафорическая форма пословицы представляется одним из доминирующих жанровых признаков, что всегда подчеркивалось фольклористами; в частности, В. П. Аникин отмечал: «Главный содержательный момент в пословице не сама по себе форма логической мысли и уж, конечно, не грамматическая форма, а образный художественный смысл, передаче которого равно служат и грамматика, и логика. И то, и другое существует ради выражения образного содержания в пословицах и поговорках» [6: 265]. Поэтому пословичный текст можно считать генетически связанным с близким по содержанию текстом библейского афоризма, если в нем сохранено образное ядро (при полном лексическом сходстве, т. е. наличии одинаковых или семантически предельно близких полнозначных слов) либо лексические замены осуществлены на основе прозрачных ассоциаций с исходным текстом. Показатели эти в большинстве случаев позволяют установить генетическую связь близких по смыслу библейских и пословичных текстов. Лексическая близость в текстах близкого содержания является достоверным сигналом генетического родства: *Не оставляй старого друга, ибо новый не может сравниться с ним (Сирах, 9:12), ср.: Старый друг лучше новых двух; Помыслы в сердце человека – глубокие воды (Соломон, 20:5), ср.: Чужая душа – потемки; Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь (Сирах, 7:39), ср.: Бойся бога – смерть у порога; Кривое не может сделаться прямым (Екклес., 1:15), ср.: Горбатого могила исправит; Забота прежде времени приводит старость (Сир. 30, 26), ср.: Не работа старит, а забота.*

Среди русских пословиц и поговорок, восходящих корнями к библейским текстам, в осо-

бенности к Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Книге притчей Соломоновых, пророческим Книгам, можно отметить следующие: *Язык мой – враг мой; старый друг лучше новых двух; человек предполагает, а Бог располагает; до неба (Бога) высоко, а до царя далеко; двое дерутся, третий не подходит; дурака хоть в ступе толки; живьем проглотить; ловить на слове; верить всякому слову; за весельем горесть ходит по пятам; судить нелицеприятно; добрая жена веселье, а худая – зло зелье; хочешь есть калачи, так не сиди на печи; спать сном праведных – и многие другие.*

Анализ примеров функционирования паремий библейского истока в текстах художественных жанров убедительно доказывает не только текстообразующую и смыслообразующую функцию этих языковых единиц, но и их роль в языковой и когнитивной картине мира. Обращение русских классиков к бесценным строкам библейской мудрости, включение их в художественную ткань повествования и придания им стилистической значимости – всё это способствовало окончательному формированию смысловой структуры многих концептов, инициированных текстом Библии.

Человек предполагает, а Бог располагает. Прецедентная отсылка к тексту Книги притчей Соломоновых с сохранением общей образности: *Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его* (Притч. 16.9). Ср. у А. Писемского: *Я уведомил тебя, что еду в Москву определяться в статскую службу; но человек предполагает, а Бог располагает; капризная фортуна моя повернула колесо иначе: вместо службы, кажется, выходит, что я женюсь* (Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына (Брак по страсти)).

Двое дерутся, третий не подходит; свои собаки грызутся, чужая не приставай. Ср.: *Хватает пса за уши, кто, проходя мимо, вмешивается в чужую ссору* (Притч. 26.17). Интересно, что в русских пословицах присутствуют образы и «чужой ссоры», и «разъяренной (дерущейся) собаки», которые в библейском высказывании аккумулируются в сравнении («вмешиваться в чужую ссору» = *хватать собаку за уши*). В текстах русской классики: *У нас целая деревня смотрит, как пьяный мужик бьёт вожжами жену посреди улицы, и говорит: свои собаки грызутся, чужая не приставай* (Г. Успенский. Скучающая публика. Побоище). *С женою моею ты не мори меня; разве ты не ведаешь пословицы: свои собаки грызутся, чужая не приставай* (Д. Фонвизин. Бригадир).

Дурака хоть в ступе толки. Почти дословное воспроизведение высказывания из Книги

притчей: *Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном, – не отделится от него глупость его* (Притч. 27.22). У Н. Лескова: *И другими даже, – подтвердила Форова, целуя в лоб Синтянину. – Это, господа, не человек, а... кто его знает, кто он такой: его в ступе толки, он будет вокруг толкача бегать* (На ножах).

Живьем проглотить. Выражение восходит к нескольким библейским текстам: *Если б не Господь был с нами, то люди живых проглотили бы нас* (Пс. 123.3). *Сын мой! Если будут склонять тебя грешники, не соглашайся; если будут говорить: иди с нами, сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины, живых проглотим их, <...> не ходи в путь с ними, удержи ногу твою от стези их* (Притч. 1.10–15). Яркая образность прецедентного высказывания дала импульс для появления пословицы (*Будешь сладок – живьем проглотят; будешь горек – проклянут*) и активному обращению к нему в русской литературе: *А послы говорят: он нас до того часу живем съест и на помин души не оставит* (Н. Лесков. Стальная блоха); *Нетерпеливый и гневный Чичерин увидал себя одураченным и возвратился в Тобольск, скрежеща зубами и иский кого поглотити* (Н. Лесков. Сибирские картинки XVIII века).

Ловить на слове. Исполненное глубокого смысла, частотное и актуальное в современной речи высказывание содержит прецедентную отсылку к Притчам Соломона: *Сын мой! Если ты поручился за ближнего твоего и дал руку твою за другого, – ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих* (Притч. 6.1). Многоплановость образа, лежащего в его основе, дает возможность для переосмысления его семантики, развития переносных значений и оттенков значения: «воспользовавшись произнесённым словом, обещанием, заставляя выполнить то, что сказано, обещано»; «находить противоречие в словах собеседника»: *Кого же прежде смотреть, та tante, актрису или проповедника? – спросил Нехлюдов, улыбаясь. – Пожалуйста, не лови меня на словах* (Л. Толстой. Воскресение); *У нее была какая-то страсть – ловить всех на слове, уличать в противоречии, придираться к фразе* (Чехов. Учитель словесности).

Верить всякому слову. Ср.: *Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим* (Притч. 14.15). У Леонида Андреева высказывание воспроизводится дословно: *Глупый верит всякому слову, благоразумный внимателен к путям своим* (Иуда Искариот); в современном тексте жанра фэнтези: *Тогда ты понимала бы в мужчинах*

и остерегалась бы верить всякому слову неведомого бродяги (М. Семенова, А. Константинов. Знак Сокола).

Судить нелицеприятно. Лексикографические данные свидетельствуют, что выражение имеет значение 'судить о чем-л. беспристрастно, справедливо': *У кого мысль берет верх, тот ищет истины и неумолимо, нелицеприятно проводит начала, как сен-симонисты некогда, как Прудон до сих пор* (Герцен. Былое и думы); *Сам для себя он привык быть нелицеприятно строгим судьбою, и, как бы придиричиво он ни относился к этой своей работе, ему казалось, что она удалась* (Сергеев-Ценский. Преображение России. Пушки выдвигают); *Ваш долг есть: сохранять законы, На лица сильных не взирать* (Державин. Властителем и судьям). Ср. с текстами Библии: *Иметь лицеприятие на суде – не хорошо* (Притч. 34.23); *Не делайте неправды на суде, не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего* (Лев. 21.15); *Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушайте* (Втор. 1.17). Однако мы можем говорить о дальнейшей энантиосемичной эволюции значения компонента *нелицеприятно* (*нелицеприятный*), употребляющегося в значении 'неодобрительный'.

Лучше жить со змеею, чем со злою женою. Высказывание, имеющее интертекстуальную смысловую связь со многими цитатами из текста Библии, приобрело в своей структуре новый компонент (*змея*) и одновременно рифмованную пословичную форму при сохранении общего смысла и образа (*змея* выступает в ряду семантически однородных наименований опасных и злобных созданий): *Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злою женою* (Сир. 25.18); *Лучше жить в земле пустынной, нежели с женою сварливою и сердитою* (Притч. 21.19); *Лучше жить в улу на кровле, нежели со сварливою женою в просторном доме* (Притч. 25.24). В русской литературе может употребляться как близко к тексту Библии, так и со сходными по смыслу трансформациями: *Болит головушка и все тело мое от злой жены. Истинно во святом писании сказано: «Удобнее человеку со львом и скорпием жити, неже со злою женою».* *От дочки вашего степенства житья мне нет* (Мельников-Печерский. На горах).

За тобою, что за каменною стеною. Ср.: *Имя Господа – крепкая башня: убегает в нее праведник – и безопасен* (Притч. 18.11). В разных модификациях: *Соломин не только не мог солгать или прихвастнуть: на него можно было положиться, как на каменную стену* (Тургенев. Новь).

На ус мотать. Смысловой аналог с текстом Библии: *Сын мой! храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей; навяжи их навсегда на сердце твое, обяжи ими шею твою* (Притч. 6.20–21); *И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём...; и навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими* (Втор. 6.6–8). Концепт, инициированный текстом Библии, занимает прочное место в русской языковой картине мира: *<Любим Торцов:> Только ты слушай да на ус мотай* (А. Островский. Бедность не порок); *<Ляпкин-Тяпкин:> Начальство имеет тонкие виды; даром, что далеко, а оно себе мотает на ус* (Гоголь. Ревизор); *Читатель-простец составляет ядро читательской массы... газетчик знает это и мотает себе на ус: «надобно устроить так, чтобы простец читал именно мою газету»* (Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни).

Распространенным способом обогащения литературных жанров является прямое цитирование Библии. Эти цитаты в силу высокой прецедентности текста-источника приобрели статус крылатых выражений (афоризмов) и такие признаки указанных малых жанров, как универсальный характер, генерализованность, способность к динамическому варьированию (*вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю, избави нас от мужа кровей, отойди ото зла и сотвори благо, праздники ваши ненавидит душа моя, избавь нас от мужа кровей, бездна бездну призывает* и др.).

Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю (1 Цар. 14.43). Это наиболее известное упоминание о меде из 1 Книги Царств. «Мед» как обозначение изобилия, счастья вербализует семантическое поле, концептополе ('счастье'). В русской филологической традиции цитата актуализирована под влиянием поэмы М. Лермонтова «Мцыри»; это одно из самых частотных высказываний у Н. Лескова:

Поздно вижу я, что искал света и тепла там, где был один заводящий в трясины блеск, и что вместо полной чаши, которую я хотел выпить, я, «вкушая, вкусил мало меду и се аз умираю» (Блуждающие огоньки).

Какая юность, какая свежесть угасла!.. Вот именно «вкусил мало меду и умер» (Интересные мужчины).

Крылатое выражение *отойди ото зла и сотвори благо* в прозе и эпистолярной русской писателей употребляется в буквальном и преобразованном виде, в значении, близком к библейскому, а также в ироническом переосмыслении: *Удалюсь от зла и сотворю благо. Брошу службу и займусь рифмой* (Пушкин. Письмо Александру Ивановичу Тургеневу).

неву); <Тараканов:> *Отойди, сказано, от зла и сотворишь благо...* <Антипа:> *Дудки! Ничего не сотворишь, отойдя от зла, ничего, таракан! Нет, ты иди в самое во зло, в сердце ему бей, вали его наземь, топчи, уничтожь, а не поддавайся ему, не давай одолеть тебя – вот как надо!* (М. Горький. Зыковы); – *Врешь, ученая дура! Политике я учу, а не лакейству, политике жизни... Ты вот что – удались! Отыди от зла... и сотвори нам закуску* (М. Горький. Фома Гордеев); *Так отошли от жизни три страстно стремившиеся к праведности воспитанника русской инженерной школы. На службе, к которой все они трое готовились, не годился из них ни один. Двое первые, которые держались правила «отыди от зла и сотвори благо», ушли в монастырь, где один из них опочил в архиерейской митре, а другой – в схиме. Тот же третий, который желал переведаться со злом и побороть его в жизни, сам похоронил себя в бездне моря* (Н. Лесков. Инженеры-бессребреники).

Наиболее известный текст русской классики, включающий это высказывание с целью предсказания, предначертания, адресованного герою (в контексте с суеверным «предзнаменованием», дурной приметой), – «Дубровский»:

Навстречу Дубровскому попался поп со всем причетом. Мысль о несчастливом предзнаменовании пришла ему в голову. Он невольно пошел стороною и скрылся за деревом. Они его не заметили и с жаром говорили между собою, проходя мимо его.

– *Удались от зла и сотвори благо, – говорил поп попадье, – ничего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. – Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог ее слышать.*

Эта библейская цитата отмечена в современных публицистических текстах, прямо или косвенно связанных с нравственной или религиозной тематикой (напр., в названии беседы с народным целителем «*Отойди от зла и сотвори благо*»).

Причудливой является смысловая эволюция выражения *Иди ко мравью, о лениве!*,

восходящему к тексту Книги притчей Соломона: *Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни пристаownika, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. (Или пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари и простолюдины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба, но мудростью почтена)* (Притч. 6.6–8). Русская литературная и культурная парадигма не дает большого количества примеров для иллюстрации прецедентности этого текста, хотя они отмечены и в художественных, и в нефикциональных жанрах: <...> *я не сижу без дела и ко «мравью», право, мне незачем идти <...>. Если Вы возьмете все это в совокупности в расчет, то Вы не только раздумаете посылать меня ко «мравью», но, верно, подивитесь, как еще много жизни в моем уме* (письмо Конст. Леонтьева к Т. И. Филиппову 14 марта 1890 г.). При этом *муравей* и *пчела* как символы трудолюбия, противопоставленные разного рода «ленивцам», заняли прочное место в языковой и когнитивной картине мира, о чем свидетельствуют паремии, отмеченные Далем: *Муравей не велик, а горы копает; Муравей не по себе ношу тащит да никто спасибо ему не молвит, а пчела по искорке носит, да Богу и людям угождает* (см. также отчетливую интертекстуальную связь с басней И. А. Крылова).

Таким образом, мы можем говорить не только о роли библейского текста в мировом литературном каноне и вкладе Библии в европейскую лингвокультуру, но и конкретно о том, что весьма восприимчивым в отношении библейских выражений и библейской образности оказался паремийный и цитатный жанры «Неумолкаемость цитаты», о которой говорил Осип Мандельштам, в полной мере свойственна Библии как прецедентному источнику, обогатившему малые литературные и фольклорные жанры всех европейских языков и литератур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н.* Фразеология и паремология. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
2. *Орлова Н. М.* Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 50 с.
3. *Григорьев А. В.* Источниковедение истории русской библейской фразеологии: автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 40 с.

4. *Адрианова-Перетц В. П.* Библейские афоризмы и русские пословицы // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVI. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. С. 8–12.

5. *Занглигер В.* О показателях генетической связи между близкими по содержанию библейскими и пословичными текстами // Болгарская русистика. 2003. № 3–4. С. 10–15.

6. *Аникин В. П.* О «логико-семиотической» классификации пословиц и поговорок. Русский фольклор.

Историческая жизнь народной поэзии. Вып. XVI. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. С. 263–278.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and Paremiology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ. 344 p. (in Russian).
2. Orlova N. M. *Bibleyskiy tekst kak pretsedentnyiy fenomen* [The Bible Text as a Precedent. Phenomenon]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 2010. 50 p. (in Russian).
3. Grigor'ev A. V. *Istochnikovedenie istorii russkoj biblejskoj frazeologii* [Source study of the history of Rus-

sian biblical phraseology]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2008. 40 p. (in Russian).

4. Adrianova-Peretcz V. P. Biblical aphorisms and Russian Proverbs. *Proceedings of the ancient Russian literature Department*, vol. XXVI. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, 1971, pp. 8–12. (in Russian).
5. Zangliger V. On indicators of genetic connection between biblical and proverbial texts close in content. *Bulgarian Studies of Russian philology*, 2003, no. 3–4, pp. 10–15 (in Russian).
6. Anikin V. P. On the “logical-semiotic” classification of Proverbs and sayings. *Russian folklore. The historical life of folk poetry*, 1976, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, 1976, iss. XVI, pp. 263–278 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Орлова Н. М. Библия и малые литературные жанры: русские паремии и цитаты // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 29–35. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-29-35>

For citation

Orlova N. M. Bible and Small Literary Genres: Russian Proverbs, Sayings, and Quotations. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 29–35 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-29-35>

Поступила в редакцию: 22.03.2019 / Принята: 01.06.2019 / Опубликовано: 02.03.2020

Received: 22 March 2019 / Accepted: 01 June 2019 / Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 81'38'42

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-36-43>

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

Sergey G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

Национальный гимн как жанр патриотического дискурса

National Hymn as Patriotic Discourse Genre

Выстраивается эволюционный семиотический ряд гимна, устанавливается, что государственный гимн – «гибридный» литературный жанр, реализуемый в «теле» нескольких разновидностей дискурса, что он обладает опознавательной, объединительной, аксиогенной, «оптимистической», идеологической, хвалебной, экспрессивной, магической и перформативной функциями.

Анализируются национальные гимны республик бывшего Советского Союза, устанавливается, что, несмотря на «синхронность» признания в качестве официального символа государства, эти гимны различаются жанровым происхождением, тематикой и семантическими признаками. Устанавливается, что в текстах гимнов присутствует хронотоп страны, образованный сведениями о её истории, ландшафте и политическом устройстве. Аксиологический блок в семантике национально-го гимна образован семантическими признаками любви и сопровождающими её «карикативными чувствами», прагматическо-императивный блок – семантическими признаками, связанными с прославлением родной страны, желанием ей процветания, заботой о её благополучии, верностью и защитой её свободы. В тексте гимнов регулярно воспроизводятся положительные автостереотипы народа, населяющего страну гимна, эти тексты насыщены метафорами, «корневой» из которых выступает уподобление родной страны матери. Специфика гимнов отдельных стран образуется сочетанием присутствующих в них конкретных признаков.

Ключевые слова: гимн, государственный гимн, дискурс, жанр, речевая функция, семантический признак, семиотический ряд, семантический блок.

The author forms up an evolutionary semiotic succession of the hymn and concludes that the national hymn is a hybrid literary genre which is embodied in various discourse species and that it possesses identifying, unifying, axiological, “optimistic”, ideological, laudatory, expressive, magical and performative functions. The article analyzes national hymns of ex-republics of the Soviet Union and proves that despite being simultaneously acknowledged as official state symbols these hymns differ in their genre origin, themes and semantic features. It is also established that the hymn texts contain information about the history, geography and political structure of the country. Axiological aspects of the national hymn are formed by semantic features of love and caritative feelings accompanying it. Imperative aspects are formed by semantic features relative to glorification of homeland, to wishing it prosperity and well-being, to faithfulness, and to the defense of its freedom. The positive self-stereotypes of the people inhabiting the country are regularly reproduced in the hymn texts which are saturated with metaphors, the main of which is comparing the native country to a mother. The specific nature of hymns of different countries is formed by the combination of their concrete semantic features.

Keywords: hymn, national hymn, discourse, genre, speech function, semantic feature, semiotic succession, semantic aspects.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет, Краснодар.

E-mail: svork@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

About the author: Vorkachev Sergey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department.

Place of employment: Kuban State Technological University, Krasnodar.

E-mail: svork@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6290-2582>

Введение

Гимн – древнейший литературно-музыкальный жанр (гимнодия) культового происхождения – разновидность религиозной лирики, изначально возникший как благодарственно-

молебная песнь прославления божества [1: 177]. Этот вид «торжественного красноречия» (Менандр) сохраняет свойственное первобытному синкретизму единство мелодии и слова [2: 163].

В русский язык слово «гимн» попало то ли из польского [3: 407], то ли из немецкого [4: 187] языка через латинское *hymnus* как заимствование греческого ὕμνος, происхождение которого остается неясным: сближают его с именем бога брака Гименея и свадебным песнопением [5: 758] и возводят к глаголу «ткать» (ὕφαινω), где он понимается как песнь, «сотканная из нитей языка» – слов [6].

В современном русском языке «гимн» синонимизируется с двумя смысловыми рядами лексических единиц: мелодическим – *акордист, ария, дифирамб, каватина, кантата, ноктюрн, опера, оперетта, песня, песнопение, псалом, рапсодия, романс, серенада* и вербальным – *ода, панегирик, славословие, хвала* и даже *реклама* [7].

Как представляется, «эволюционный семиотический ряд» [8: 21] гимна выстраивается таким порядком. Возникнув в античные времена как торжественная песнь во славу богов и героев, гимн эволюционировал в чисто литературный жанр – произведения, предназначенные для чтения и декламации, отмеченные особой торжественностью, воодушевлением либо, напротив, пародийностью [1: 177]. В следующем шаге эволюции религиозный гимн превращается в боевую песню, с пением которой войска идут в сражение, которая затем со временем становится хвалебной песнью власти или родной стране [9].

На сегодняшний день существует великое множество разновидностей «хвалебных песен»: в службах некоторых конфессий исполняются религиозные гимны, в частности псалмы; сочиняются литературные, преимущественно шуточные либо пародийные гимны; на партийных съездах звучат партийные гимны, самым известным из которых является «Интернационал»; есть гимны региональные, городские, спортивные, корпоративные, в честь определенных событий, профессий, может быть, другие. Однако наиболее распространенным и значимым, безусловно, выступает гимн национальный – государственный.

Национальный гимн как торжественная песня или мелодия, прославляющая единство и мощь государства и исполняемая в официальных случаях, наряду с флагом и гербом, является неременным атрибутом государственности любой страны – даже карликовые государства Андорра, Монако и Сан-Марино имеют свой гимн, гимн на «мертвом» латинском языке есть и у Ватикана. Эти гимны имеют различный дополнительный жанровый «окрас» – лирического стихотворения, боевого марша, одической поэмы – и различную длину – от 6 (Япония) до 93 (Мексика) строк.

Об особой лингвокультурной значимости государственного гимна свидетельствует его

включение в комический, игровой дискурс – шуточные афоризмы и бытовые анекдоты, где обыгрываются, главным образом, отечественная традиция исполнять гимн по радио в полночь и 6 часов утра и обязанность вставать при исполнении гимна на официальных мероприятиях.

Семиотический и дискурсный статус

Национальный гимн ставится в один ряд с такими символами государственности, как герб и флаг. Действительно, если «символ» понимать расширительно, этимологически («из греческого σύμβολον «знак» – [10: 623], то, конечно, герб, флаг и гимн – это все знаки. В то же самое время, если символ понимать как некую семиотическую сущность, отличную от конвенционального, условного знака и характеризуемую, прежде всего, иконичностью – гомоморфностью отношений частичного подобия между означаемым и означающим, то гимн явно «выпадает» из знакового ряда государственной символики. Так, определенно иконичен герб – эмблема, условное изображение, в какой-то мере может быть иконичен и флаг, в то время как обе составляющие гимна – мелодия и текст семиотически чисто конвенциональны. Мелодия гимна сама по себе позволяет идентифицировать страну – достаточно вспомнить гимн СССР, который с 1955 по 1977 год исполнялся без слов, и патриотическую песню Глинки, которая с 1993 по 2000 год исполнялась без слов, хотя на них и был объявлен конкурс. Мелодия государственного гимна отправляет к образу страны, который с помощью текста вполне дискурсивно наполняется конкретными содержательными признаками.

Государственный гимн – дискурсно «гибридный» литературный жанр, реализуемый в «теле» нескольких разновидностей дискурса: политического, ритуального и патриотического. Частью политического дискурса его делает предназначенность для укрепления единства граждан и сплочения их вокруг власти [11: 133], частью ритуального – ситуация исполнения, требующая соблюдения определенных ритуализированных норм: обязательности вставания, снятия головного убора для «штатских» мужчин и стойки «смирно» и отдания чести – для военнослужащих, факультативно – хорового пения [12], частью патриотического – принадлежность к речевым произведениям, объединяемым установкой на выражение любви к родине.

Современная торжественная песнь о родине унаследовала от религиозного гимна тему благодарности Богу и стремления сохранить или обрести его покровительство, а от

боевой песни – тему агональности, самоотверженной борьбы за свободу и независимость родной страны.

Семантические признаки, наполняющие смысловое содержание государственного гимна, могут быть представлены в виде концептов [13; 14], и тогда здесь присутствуют *Бог, свобода, борьба, враг, воин, жертвенность, прошлое, предок-герой, флаг, избранность, власть, язык, вечность, будущее, тип государственного устройства* и пр., но, конечно, базовыми концептами, на основе которых формируется патриотический дискурс, выступают *родина и народ*.

Функции и семантическое наполнение

Государственный гимн при всем обилии используемых в нем выразительных средств – отнюдь не художественное произведение, а программный документ, обладающий множественностью «мобилизационных» функций целенаправленного, прежде всего, речевого воздействия.

Национальный гимн в первую очередь выступает опознавательным знаком государства, выполняя тем самым идентифицирующую функцию – функцию соотнесения мелодии и текста с образом определенной страны [15], которая сопровождается функцией подчеркивания уникальности и неповторимости родной страны. Государственный гимн выполняет объединительно-охранительную функцию – содействует сплочению народа, способствует укреплению гражданской солидарности и стабильности существующей власти [16: 174; 11: 133]. Гимн выполняет аксиогенную функцию: он предназначен для формирования в сознании граждан представлений о высшей ценности нации – Родине. Присуща государственному гимну и «оптимистическая» функция – формирования и сохранения народной веры в стабильность существующего строя и «светлое будущее» нации. Также он представляется носителем идеологической функции – в нем отражается то, что нация думает о себе и хочет, чтобы о ней так думали и другие, он формирует мировоззрение. И неслучайно с изменением общественного строя страны меняется её гимн, достаточно вспомнить эволюцию российского гимна [11: 140–143]. От религиозного гимна гимн государственный унаследовал лаудативную функцию – прославления в данном случае Родины, от него же идет экспрессивная функция – выражения в ритуализованной форме любви к родине [13: 98; 11: 133]. В то же самое время прослушивание гимна вызывает целую гамму патриотических чувств: уважения к своей стране и гордости за неё, воодушевления

[11: 134]. Опять же от культового песнопения государственный гимн унаследовал магическую функцию. И, наконец, в хоровом пении национального гимна реализуется «перформативная» функция – присяги на верность родной стране и признания патриотического долга.

Базовые концепты идеи патриотизма – это, конечно, родина [17] и народ [18], которые сами по себе обладают «атомарно-матрешечной» смысловой структурой: в качестве семантических признаков включают в себя другие концепты.

В семантическом составе идеи патриотизма выделяются три ряда признаков [17: 47]: 1) соотносимые с её «предметной», денотатной частью – какая у нас родина и какие мы сами; 2) соотносимые с её эмоционально-оценочной частью – как и за что мы любим родину; 3) соотносимые с императивно-праксеологической частью – как нужно поступать и что нужно делать, чтобы доказать свою любовь к родине.

Гимны республик бывшего СССР

Гимны 12 из 15 республик бывшего СССР [19], за исключением стран Балтии, Армении и Азербайджана, которые восстановили свои гимны 1919–1920 годов, были приняты в качестве официальных где-то в один и тот же исторический период – с 1987 (Литва) по 2006 (Казахстан) год. Свою независимость 14 республик обрели без особой борьбы, практически получили в дар, и, соответственно, без боевых песен, тем самым теоретически эти гимны должны быть выполнены в одном ключе: хвалебных песен о родине. В то же самое время, несмотря на «синхронность» признания в качестве официального символа государства, эти гимны различаются по своему происхождению: если гимны Белоруссии, Грузии, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана были созданы «с чистого листа» именно как гимны, то гимны Армении, Молдавии и Украины возникли в результате «транспозиции» в политико-ритуальный дискурс поэтических произведений, написанных намного раньше обретения независимости, а гимн Грузии скомпонован из стихотворений классиков грузинской поэзии.

Представляется любопытным посмотреть, как в них реализуются темы, концепты и функции патриотического дискурса.

Опознавательная, идентифицирующая функция национального гимна в отсутствие мелодии реализуется в его тексте через употребление этнонимов и (само)названий страны и народа: *Россия – священная наша держава; Литва, отчизна наша; Ще не вмерла України і слава, і воля; Вперед, кыргызский на-*

род; Родина моя – мой Казахстан; Вечно живи і квітней, Беларусь; Свободная, независимая Армения; Мой свободный Таджикистан; Во веки веков живи, мой Туркменистан; дорогой Узбекистан.

Если в тексте гимна нет упоминания имен страны и народа (Грузия, Эстония, Молдавия), то, очевидно, опознавательную функцию выполняет сам его язык, тем более что «язык» исторически синонимичен «народу»: «язык – народ, земля с одноплеменным населением своим, с одинаковой речью» [20: 674]. Особенно значим в этом отношении гимн Молдавии, в основу которого положено стихотворение «Наш язык» – *Limba noastră*.

Практически в текстах всех гимнов присутствует «предметная часть» – хронотоп страны, образованный сведениями о её истории, ландшафте и политическом устройстве.

В соответствии с «формулой Ренана» [21: 100] текст гимна обычно отправляет к славным образам прошлого: *Предками данная мудрость народная* (Россия); *Духом предков отважных славы сыны* (Туркменистан); *Ты символ надежды наших предков* (Таджикистан); *В седой древности/Родилась наша слава* (Казахстан); *Наследье отцов наших передадим/На благо народа потомкам своим* (Киргизия); *И сыны Твои на прошлом/Свое величье строят* (Литва). Как известно, без прошлого нет и будущего, и совместное будущее присутствует в гимнах чуть ли не в обязательном порядке: *Широкий простор для мечты и для жизни/Грядущие нам открывают года* (Россия); *У меня простор неоглядный/И дорога, открытая в будущее* (Казахстан). И, конечно, это будущее непременно счастливое: *Как извечного друга/Встречает новое время/Наша счастливая страна,/Наш народ!* (Казахстан).

Тема счастливого будущего особенно интенсивно «педалируется» в гимне Украины (*Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля; Ще у нашої Україні доленька наспіє!*), что дает повод для иронии: «Если бы я не знал, что слова украинского гимна написал русский этнограф Павел Чубинский ещё в 1862 году, я бы подумал, что его сочинили советские чиновники, авторы идеи незамутнённой “веры в светлое будущее”» [22].

В гимнах представлены отличительные признаки географической «колыбели народа» – наиболее значимые элементы ландшафта: *От южных морей до полярного края/Раскинулись наши леса и поля* (Россия); *Чорне море ще всміхнеться, дід Дніпро зрадіє* (Украина); *Освещенные горы и долины,/Разделенные меж равными Богу* (Грузия); *Золотые эти долины – дорогой Узбекистан; Высокие горы, долины, поля –/Родная, за-*

ветная наша земля (Киргизия). В гимнах России и Эстонии подчеркивается неповторимость и уникальность родной страны: *Одна ты на свете! Одна ты такая* (Россия); *Мне вовек не сыскать/на всём белом свете,/что было бы милее тебя,/отчизна моя!* (Эстония).

Основной причиной принятия государственного гимна, естественно, является обретение страной суверенитета – независимости от внешнего управления, и свобода здесь выступает наиболее значимым атрибутом государственности: *Отечество наше свободное* (Россия); *Душу ў тіло ми положим за нашу свободу* (Украина); *Родина наша, свободная, независимая* (Армения); *Держава родная, суверенный край* (Туркмения); *Вставай, моя свободная страна* (Узбекистан); *Да здравствует моя Родина,/мой свободный Таджикистан!* (Таджикистан); *Вперед, кыргызский народ./Путем свободы вперед!* (Киргизия).

Предполагается, что суверенитет обеспечивает единство народа (*Земля Кыргызстана, родная страна/Лучами согласия озарена*) – Киргизия; *У меня независимый,/Сплочённый, единый народ* – Казахстан; *В честь судьбы той Литвы – Единенье наше!* – Литва) и что независимость страны и единение народа будут длиться вечно (*Так было, так есть и так будет всегда!* – Россия; *Великая, навеки созданная народом* – Туркмения).

Любовь к земле предков уже «встроена» в семантику имен родины [17: 28; 23: 66], отсутствие этого семантического компонента превращает родину в «эту страну», в семантику которой «встроены» уже безразличие и равнодушие, а иногда и ненависть [17: 126].

Предмет любви занимает центральное место в системе личностных ценностей человека и отождествляется с «самым дорогим». Аксиологический блок в семантике национального гимна образован семантическими признаками любви и сопровождающих её «карикативных чувств»: гордости, восхищения и благодарности.

Так, в текстах гимнов регулярно появляются имена родины сами по себе или в сопровождении «любовных» эпитетов: *Отечество, Отчизна, родная земля, любимая наша страна* (Россия); *родная зямля, родны парог, наша любімая маці-Радзіма* (Белоруссия); *Родина наша Մեր Հայրենիք* (Армения); *родимый очаг еркапа иурдум* (Туркмения); *наша любимая страна диёри арчманди мо* (Таджикистан); *дорогой Узбекистан жон Ўзбекистон* (Узбекистан); *славное отечество şanlı Vətəni Vətəni* (Азербайджан); *родина моя жерім менің, моя страна менің елім* (Казахстан); *родина ата-бабалар, родная, заветная наша земля элибиздин жаны менен барабар* (Киргизия); *отчизна наша тэвупе тўсу* (Литва);

дорогая отчизна mūs' dārgo tēviju (Латвия). Родная страна – предмет гордости и восхищения: *Мы гордимся тобой!* (Россия); *светоч и песня души vaşlaryň täji sen, diller senasy* (Туркмения). Подлинным признанием в любви выступает гимн Эстонии. Родине как высшей ценности метафорически приписывается сакральный, культовый характер: *священная наша держава* (Россия); *земля моя свята garaşsyz topragyn nurdur* (Туркмения); *моя икона – это моя родина ზემო ხატის სამშობლო* (Грузия).

«Вера без дел мертва» (Иак. 2: 26), мертва без дел и любовь. Праксеологическим императивный блог национальной гимнодии образуется семантическими признаками, связанными с прославлением родной страны, желанием ей процветания, заботой о её благополучии, верностью ей и преданностью, защитой её свободы.

Родная страна прославляется: *Славься, Отечество наше свободное; Могучая воля, великая слава – Твоё достоянье на все времена!* (Россия); *Слаўся, зямлі нашай светлае імя* (Белоруссия); *Пусть слава твоя сияет вечно!* (Узбекистан); *України слава стане поміж народами* (Украина).

Забота (Sorge) представляет собой по Э. Фромму «активную заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим» [24: 461], что в полной мере приложимо к патриотизму, декларируемому в государственных гимнах: *Живи счастливо под трёхцветным знаменем, Стань цветущим садом* (Азербайджан); *Вечна живі і квітней, Беларусь!*; *Пусть твое счастье и благополучие будет всегда* (Киргизия); *Во веки веков ты живи, процветай!* (Туркмения); *О родина, вечно цвети!* (Узбекистан).

Патриотическое чувство проявляется в преданности родной стране: *Нам силу даёт наша верность Отчизне* (Россия); *Мы по-прежнему верны тебе* (Таджикистан); *Вечно буду благодарен тебе/и верен до смертного часа!* (Эстония); *Мы, беларусы – мірныя людзі, / Сэрцам адданыя роднай зямлі* (Белоруссия).

Наличие родины рассматривается как условие счастья: *Разрешите нам там счастливыми быть, / Наша Латвия!*; *Ты всегда даешь нам счастье* (Таджикистан).

Важнейшим проявлением патриотического чувства выступает готовность защищать свободу и независимость родины, готовность приносить ей в жертву даже собственную жизнь: *Мы готовы отдать за тебя наши сердца и наши жизни* (Азербайджан); *Жизнь отдать я готов за родимый очаг* (Туркменистан); *Но блажен тот, кто погибает/ За свободу своего народа* (Армения); *Душу й тіло ми положим за нашу свободу*

(Украина). И лишь в тексте гимна Украины присутствует образ врага (*Згинуть наші вороженьки, як роса на сонці*), конкретизированный в первоначальной версии гимна: *Ой, Богдане, Богдане, / Славний наш гетьмане! / На-що віддавь Україну/Москалям поганимъ?!*

От религиозного гимна в некоторые национальные гимны перешло искание божественного покровительства: *Да хранит тебя Бог, / дорогая отчизна моя! / Да будет он твоим заступником/и благословит тебя/во всех делах твоих* (Эстония); *Господь, благослови Латвию, / Нашу дорогую отчизну.*

Регулярно в текстах национальных гимнов появляется упоминание другого символа государственности – флага: *И знамя свободы возносится ввысь* (Киргизия); *Мы стоим под твоим флагом* (Таджикистан); *В мире реет мой флаг – / Символ великой нейтральной страны* (Туркмения); *Вот тебе, брат, флаг, / Который я связала своими руками* (Армения); *У бітвах за волю, бітвах за долю/Свой здабывалі сцяг перамог!* (Белоруссия).

В тексте гимна регулярно воспроизводятся положительные автостереотипы населяющего страну гимна народа, который велик, силен, героичен, мужествен, горд, мудр, великодушен, миролюбив, дружелюбен, усерден и трудолюбив и пр.: *Извечно народ наш для дружбы открыт* (Киргизия); *Горд и силен/ Мой казахский народ!*; *Сила великого народа, земля героев* (Литва); *Славное отечество сынов-героев* (Азербайджан); *Не угаснет вера великодушного узбека* (Узбекистан); *Мы, беларусы – мірныя людзі, Мы ў працавітай, вольнай сям'і* (Белоруссия); *А звяцяття, праця щира свого ще докаже* (Украина); *Предками данная мудрость народная* (Россия).

Тексты гимнов достаточно насыщены метафорами, «корневой» из которых, естественно, выступает уподобление родной страны матери: *Наша любімая маці-Радзіма* (Белоруссия); *Мой свободный Таджикистан! / Ты мать для всех нас; Наша мать-отчизна* (Молдавия). Присутствуют здесь фото- и фитометафора, персонификация и уподобление родной земли иконе: *Земля Кыргызстана, родная страна / Лучами согласия озарена; Пусть горит любовь Литвы/ В сердцах яркой чашей; Туркменистан – светоч и песня души; О, мой народ! О, моя страна! / Я твой цветок, возвращённый тобой* (Казахстан); *Свобода сегодняшняя наша / Поет нашему будущему во Славу, Моя икона – это моя родина, / Иконостас ее – весь мир* (Грузия).

Гимн Молдавии («Мой язык») сам по себе представляет развернутую метафору, где родной язык уподобляется кладу, жемчугу, узору, скрижали, душе народа и голосу поколений: *Наш язык, наш клад нетленный / От безверия*

укрытый, /Свет жемчужин драгоценных, /Над отчиною разлитый; Наш язык – душа живая / Пробуждённого народа; Наш язык – узор прекрасный; Наш язык – скрижаль былого, /Голос многих поколений (Молдавия).

Семантические признаки гимнодии бывших республик Советского Союза в целом рассредоточены по всему корпусу гимнических текстов, специфика же гимнов отдельных стран образуется сочетанием присутствующих в них одних конкретных признаков и отсутствием других.

Так, лишь в гимнах России и Белоруссии упоминается союзное устройство государства: *Братских народов союз вековой* (Россия); *Слаўся, народаў братэрскі саюз* (Белоруссия). Лишь гимн России имеет «классическую» трехкуплетную с припевом структуру [13: 99], лишь в нем отмечаются размеры территории страны: *От южных морей до полярного края*. Лишь гимны Латвии и Эстонии взывают к благословию и покровительству Господа: *Господь, благослови Латвию; Да хранит тебя Бог, /дорогая отчизна моя! /Да будет он твоим заступником* (Эстония). В гимне Молдавии страна и народ метафорически отождествляются с языком, что само по себе двусмысленно, поскольку молдавский и румынский язык в лучшем случае – диалектные варианты одного и того же языка. Весьма метафоричен гимн Грузии.

Агональностью и жертвенностью отмечены гимны стран, не имевших на момент создания своего государства: *«Повсюду смерть одна, / Человек умирает только раз, /Но блажен тот, кто погибает /За свободу своего народа»* (Армения); *«Душу й тіло ми положим за нашу свободу»* (Украина). В гимне Украины нет признаний в любви к родине, но есть тоска по будущему и воинственность.

Заключение

Гимн – древнейший литературно-музыкальный жанр культового происхождения, возникший как благодарственно-молебная песнь прославления божества. Эволюционный семиотический ряд гимна выглядит следующим образом: торжественная песнь во славу богов и героев, литературное произведение для чтения и декламации, боевая песня, хвалебная песнь родной стране. Из существующего множества разновидностей «хвалебных песен» наиболее распространенным и значимым выступает государственный гимн.

Государственный гимн – дискурсно «гибридный» литературный жанр, реализуемый в «теле» нескольких разновидностей дискурса: политического, ритуального и патриотического. Современная торжественная песнь

о родине унаследовала от религиозного гимна тему благодарности Богу и стремления сохранить или обрести его покровительство, а от боевой песни – тему агональности, самоотверженной борьбы за свободу и независимость родной страны.

Национальные гимны республик бывшего Советского Союза, несмотря на историческую синхронность принятия в качестве государственных символов и общность идентифицирующей функции, отличаются своим жанровым происхождением, тематической направленностью и набором семантических признаков. Государственный гимн обладает множеством функций целенаправленного, прежде всего речевого воздействия: опознавательной, объединительно-охранительной, аксиогенной, «оптимистической», идеологической, хвалебной, экспрессивной, магической и перформативной.

Несмотря на «синхронность» признания в качестве официального символа государства, гимны бывших республик СССР различаются по своему происхождению: если гимны Белоруссии, Грузии, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана были созданы изначально именно как гимны, то гимны Армении, Молдавии и Украины возникли в результате «транспозиции» в патриотический дискурс поэтических произведений, написанных намного раньше обретения независимости.

Практически в текстах всех гимнов присутствует хронотоп страны, образованный сведениями о её истории, ландшафте и политическом устройстве. Текст гимна обычно отправляет к славным образам прошлого и совместному будущему, непременно счастливому. В гимнах представлены наиболее значимые элементы ландшафта родной страны. Свобода выступает наиболее значимым атрибутом государственности. Предполагается, что суверенитет обеспечивает единство народа и что независимость страны и единение народа будут длиться вечно. Аксиологический блок в семантике национального гимна образован семантическими признаками любви и сопровождающих её «карикативных чувств»: гордости, восхищения и благодарности, в текстах гимнов регулярно появляются имена родины сами по себе или в сопровождении «любовных» эпитетов, а родине как высшей ценности метафорически приписывается сакральный характер. Праксеологически императивный блок национальной гимнодии образуется семантическими признаками, связанными с прославлением родной страны, желанием ей процветания, заботой о её благополучии, верностью ей и преданностью, защитой её свободы. Важнейшим проявле-

нием патриотического чувства выступает готовность защищать свободу и независимость родины, готовность приносить ей в жертву даже собственную жизнь, а от религиозного гимна в национальные гимны перешло искание божественного покровительства. Регулярно в текстах национальных гимнов появляется упоминание другого символа государственности – флага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юрченко Т. Г. Гимн // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 177–179.
2. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. М.: Астрель-АСТ, 2003. 573 с.
4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 634 с.
5. Klein E. Comprehensive etymological dictionary of English language. Vol. 1. Amsterdam; N.Y.: Elsevier Publishing company, 1969. 1776 p.
6. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн> (дата обращения: 25.11.2018).
7. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=179472&p=1> (дата обращения: 20.11.2018).
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
9. Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 1. М.: Ком. Акад., 1930. URL: http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=45 (дата обращения: 25.11.2018).
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. М.: Астрель-АСТ, 2003. 832 с.
11. Зотеева Т. С. Государственный гимн как жанр политического дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 133–143.
12. Нормы поведения во время исполнения Государственного гимна. URL: <https://poisk-ru/s259814.html> (дата обращения: 10.11.2018).
13. Судаков Г. В. Концепты Государственного гимна России // Русский язык в школе. 2004. № 3. С. 97–101.
14. Золотова В. А. Объективация и динамика концептов в российских гимнах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2011. 22 с.
15. Все гимны мира. URL: <http://gimn.su> (дата обращения: 10.11.2018).
16. Безрукова В. С. Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2000. 937 с.
17. Воркачев С. Г. Страна своя и чужая : идея патриотизма в лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2013. 151 с.
18. Воркачев С. Г. Singularia tantum : идеологема «народ» в русской лингвокультуре. Волгоград : Парадигма, 2013. 254 с.

В тексте гимна регулярно воспроизводятся положительные автостереотипы народа, населяющего страну гимна, который велик, силен, героичен, мужествен, горд, мудр, великодушен, миролюбив, дружелюбен, усерден и трудолюбив и пр. Тексты гимнов достаточно насыщены метафорами, «корневой» из которых, естественно, выступает уподобление родной страны матери.

19. Гимны всего мира со словами, текст, перевод. URL: <http://gimn.su/category/gimny-stran/> (дата обращения: 10.11.2018).
20. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. СПб.: Диамант, 1998. 688 с.
21. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 6. Киев : К. Б. Фукс, 1902. С. 87–101.
22. Сравнение гимнов. Как слова влияют на наше подсознание. URL: <https://neeble.livejournal.com/247423.html> (дата обращения: 10.11.2018).
23. Воркачев С. Г. Родина, правда, смысл жизни : опыт русской лингвоидеологии. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. 575 с.
24. Фрам Э. Душа человека. М.: АСТ-Транзиткнига, 2004. 572 с.

REFERENCES

1. Yurchenko T. G. Gimn [Hymn]. In: *Literaturnaja enciklopedija terminov i pon'atij* [Literary encyclopedia of terms and notions]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 177–179 (in Russian).
2. Eds. N. Brodskiy, A. Lavretskiy, E. Luniniy, V. L'vova-Rogachevskiy, M. Rozanoviy, V. Cheshikhina-Vetrinskiy. *Literaturnaia entsiklopediia: Slovar' literaturnykh terminov : v 2 t.* [Literary encyclopedia : dictionary of literary terms : in 2 vols.]. Moscow, Leningrad, L. D. Frenkel', 1925 (in Russian).
3. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogoazyka : v 4 t.* [Etymologic dictionary of Russian : in 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, Astrel-AST Publ., 2003. 573 p. (in Russian).
4. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogoazyka : v 2 t.* [Historic and etymologic dictionary of modern Russian : in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1999. 634 p. (in Russian).
5. Klein E. *Comprehensive etymological dictionary of English language*, vol. 1. Amsterdam, New York, Elsevier Publishing company, 1969. 1776 p.
6. *Wikipedia*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Gimn> (accessed 25 November 2018).
7. Abramov N. *Slovar russkih sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij* (Dictionary of Russian synonyms and similar expressions)(in Russian). Available at: <http://www.litmir.me/br/?b=179472&p=1> (accessed 20 November 2018).
8. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoj kultury. Opyt issledovanija* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1997. 824 p.
9. *Literaturnaja enciklopedija : v 11 t.* (Literary encyclopedia : in 11 vols.). Vol. 1. Moscow, Kom. Akad. Publ., 1930 (in Russian). Available at: http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=45 (accessed 25 November 2018).

10. Fasmer M. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [Etymologic dictionary of Russian: in 4 vols.]. Vol. 3. Moscow, Astrel-AST Publ., 2003. 832 p. (in Russian).
11. Zoteeva T. S. National hymn as political discourse genre. *Political linguistics*, 2013, no. 1(43), pp. 133–143 (in Russian).
12. *Normy povedenija vo vrem'a ispolnenija gosudarstvennogo gimna* (Behavioural norms during playing national hymn). Available at: <https://poisk-ru/s259814.html> (accessed 10 November 2018) (in Russian).
13. Sudakov G. V. Concepts of national hymn of Russia. *Russian in school*, 2004, no. 3, pp. 97–101 (in Russian).
14. Zolotova V. A. *Objektivacija i dinamika konceptov v rossijskikh gimnakh* [Objectivation and dynamics of Russian hymn concepts]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Vologda, 2011. 22 p. (in Russian).
15. *Vse gimny mira* (The whole world hymns) (in Russian). Available at: <http://gimn.su> (accessed 10 November 2018).
16. Bezrukova V. S. *Osnovy duhovnoj kultury. Enciklopedičeskij slovar pedagoga* [Fundamentals of spiritual culture. Teacher's encyclopedic dictionary]. Ekaterinburg, UGTU-UI, 2000. 937 p. (in Russian).
17. Vorkachev S. G. *Strana svoja i chuzhaja: ideja patriotizma v lingvokul'ture* [Own and alien country: patriotic idea in language and culture]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 151 p. (in Russian).
18. Vorkachev S. G. *Singularia tantum: ideologema "narod" v russoj lingvokul'ture* [Singularia tantum: ideological word "people" in Russian language and culture]. Volgograd, Paradigma Publ., 2013. 254 p. (in Russian).
19. *Gimny vsego mira so slovami, tekst, perevod* (All the world's hymns with words, text, translation) (accessed 20 November 2018). Available at: <http://gimn.su/category/gimnystran/> (in Russian).
20. Dahl V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of living Russian: in 4 vols.]. Vol. 4. Saint Petersburg, Diamant Publ., 1998. 688 p. (in Russian).
21. Renan E. Chto takoe nacija? [What is nation?]. *Renan E. Sobranie sočinenij: v 12 t.* [Collected works: in 12 vols.]. Vol. 6. Kiev, K. B. Fuks, 1902, pp. 87–101 (in Russian).
22. *Sravnienie gimnov. Kak slova vlijajut na naše podsoznanie* (Comparison of hymns. How the words affect our subconsciousness). Available at: <https://neebler.livejournal.com/247423.html> (accessed 10 November 2018) (in Russian).
23. Vorkachev S. G. *Rodina, pravda, smysl žizni: opyt russoj lingvoideologii* [Homeland, justice, meaning of life: an essay of Russian language ideology]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2011. 575 p. (in Russian).
24. Fromm E. *Duša čelov'eka* [Human soul]. Moscow, AST-Tranzitkniga Publ., 2004. 572 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Воркачев С. Г. Национальный гимн как жанр патриотического дискурса // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-36-43>

For citation

Vorkachev S. G. National Hymn as Patriotic Discourse Genre. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 36–43 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-36-43>

Поступила в редакцию: 11.12.2018 / Принята: 12.02.2019 / Опубликована: 02.03.2020

Received: 11 December 2018 / Accepted: 12 February 2019 / Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 811.161.1'27:801.6

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-44-52>

Б. Ю. Норман
Минск, Беларусь
Екатеринбург, Россия

Boris Ju. Norman
Minsk, Belarus
Ekaterinburg, Russia

Поэтика наивной любви
(на материале кустарных фотооткрыток СССР
1950-х годов)

Poetics of Naive Love
(Based on Soviet Handicraft Photo Postcards
of the 1950s)

В 50-е годы XX века в СССР существовало кустарное производство фотооткрыток. Эти открытки были посвящены таким темам, как «любовь», «память», «приветствие, поздравление», «будущая жизнь». За основу изображения брались портреты актрис и артистов, старые западноевропейские поздравительные открытки, почта-новочные (искусственно созданные) фотографии. Это было продолжение традиций русского лубка, записей в альбомах, нравоучительной поэзии. С лингвистической точки зрения интерес представляют надписи на этих открытках, от самых простых, типа «Привет из Крыма» или «Помни обо мне!» до более сложных стихотворных, внешне напоминающих поэзию, состоящих из 2 или 4 строк. В статье анализируются эти тексты, представляющие типичную массовую культуру середины XX века. Эмоциональный их диапазон весьма беден. К самым частым словам здесь относятся «любить», «помнить», «сердце», «дружба», «встреча»... Из глагольных лиц употребляются исключительно формы 1-го и 2-го лица (обозначающие виртуальных коммуникантов). Дается культурологическая характеристика данного жанра. Тексты на открытках характеризуются мелиоративной (оптимистической) направленностью. Проводится сравнение этого жанра с другим видом массовой литературы – текстами современных эстрадных песен.
Ключевые слова: СССР, 50-е годы XX века, фотооткрытка, кустарное производство, наивная любовь, эмоции.

In the 1950s in the USSR, there was a handicraft production of photo cards. These cards reveal such topics as “love”, “memory”, “greeting, congratulation”, “future life”. The pictures show the portraits of actresses and actors, old West-European greeting cards, and staged (artificially created) photos. It was a continuation of the traditions of Russian ‘lubok’ prints, notes (recordings) in albums, moralistic poetry. Our linguistic interest focuses on the inscriptions on these postcards, from the simplest phrases, such as “Greetings from the Crimea” or “Keep me in mind!”, to more complicated 2–4 line verses, resembling poetry. The article analyzes these texts, representing the typical mass culture of the middle of the twentieth century. Their emotional scope is relatively poor. The most frequent words here are “love”, “remember”, “heart”, “friendship”, “meeting”. Verb forms include only the 1st and 2nd person forms (denoting virtual communicators). The article analyzes the cultural aspects of this genre. The texts on the postcards have positive (optimistic) orientation. This genre is compared to another genre of mass literature – the texts of contemporary pop songs.

Keywords: USSR, the 1950s, photo cards, handicraft production, naive love, emotions.

Сведения об авторе: Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, (1) профессор кафедры теоретического и славянского языкознания; (2) ведущий научный сотрудник кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики. Место работы: (1) Белорусский государственный университет, Минск; (2) Уральский федеральный университет, Екатеринбург.
E-mail: boris.norman@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

About the author: Norman Boris Justinovich, Doctor of Philology, (1) Professor of the Department of Slavonic and Theoretical Linguistics; (2) Leading Researcher of the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics. Place of employment: (1) Belarusian State University, Minsk; (2) Ural Federal University, Ekaterinburg.
E-mail: boris.norman@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Введение

Особый жанр массовой русскоязычной литературы представлен мини-текстами (подпи-

сями) на самодельных фотооткрытках, имевших хождение в Советском Союзе в 50-е годы. Эти надписи на открытках, массово изготовлявшихся после Второй мировой войны

промысловыми артелями и кустарями-одиночками, заслуживают специального лингвистического анализа.

Послевоенная советская полиграфия не могла удовлетворить запросов вздохнувшего от тягот войны населения. В то же время в стране появилось огромное количество промысловых кооперативных артелей (легче всего разрешение на их открытие получали вернувшиеся с войны инвалиды). Их самодельная продукция не требовала сложного оборудования: необходимы были фотобумага, увеличитель и минимум химикатов для проявления и закрепления снимков. В качестве оригиналов для открыток использовались постановочные фотографии, сделанные непосредственно в ателье, а также зарубежные «трофейные» изделия (привезенные из Германии и других стран). На открытках (1–3) представлены соответствующие образцы «западного» фотоискусства. На открытке (1) – девушка, пускающая мыльные пузыри, и немецкая надпись, которая переводится буквально как «Удержать их невозможно, Эти пузыри, рожденные из пены. Ушли бы так же быстро жизненные страдания перед порогом испытаний». На открытке (2) – вверху надпись по-французски «С новым годом» и внизу «Дарить конфеты и свое сердце на Новый год – это счастье». На чешской открытке (3) – текст, который гласит «Будь мне всегда верна, люби меня, в своем сердечке оставь местечко для меня».

Для деятельности послевоенных фотографов-кустарей в СССР определенную основу («традицию») создавали также российские дореволюционные открытки – поздравления с Пасхой и Рождеством Христовым. Такие элементы, как голуби, розы и ангелочки, прямо заимствовались из этих источников. Кроме того, в ход шли еще фотографии известных актеров и актрис и кадры из трофейных фильмов. Весь этот разнообразный материал подвергался ретуши, фотомонтажу и, на завершающем этапе, – раскраске вручную примитивными анилиновыми красителями. Самодельные открытки продавались на базарах, вокзалах, распространялись в поездах и т. д.; особую популярность имели в курортных местностях – в Крыму и на Кавказе. Об их истории и географии распространения см. подробнее: [1: 323–326]; см. также представленный в Интернете материал О. Гонозова [2].

Изображение и текст

С сегодняшних позиций, идеология таких открыток – это типичная модель мещанского мира, с соответствующими визуальными атрибутами. Самые частые зрительные обра-

зы здесь это: сердце (часто – два сердца), голуби (в том числе целующиеся), цветы (как правило, розы). Встречаются также, хотя и реже, подкова как символ счастья (иногда – в качестве рамки для фото), бокал вина, пятиконечная звезда (то ли в связи со службой в армии, то ли как напоминание о недавней войне). В целом набор аксессуаров очень невелик. Одежда персонажей тоже соответствует некоторому стандарту: мужчины чаще всего в костюме, при галстук (если не в военной форме). Женщина – обычно в белом, торжественном платье с короткими рукавами. Прически отвечают послевоенным представлениям о парикмахерском искусстве. Если мужчина и женщина в кадре вместе, то, как правило, она принакает (льнет) к нему или он склоняется над нею, сидящей; откровенные поцелуи встречаются редко. Из колористической гаммы использовались различные оттенки красного и сине-зеленого; реже встречается желтый цвет.

В большинстве случаев интересующие нас произведения кустарного фотодела несли на себе некоторый текст. Этот текст мог состоять из одной фразы и в таком случае не претендовал на особую оригинальность. Вот какие надписи зафиксированы в нашем материале: *Я думаю о тебе; День и ночь мечтаю о тебе; Помни обо мне; Люби и помни обо мне! В память нашей дружбы; Ты – мое счастье! Привет любимой подруге! Лучшему другу моей жизни! Где дружба, там любовь! Дарю тому, кто мне дорог и мил! Как хорошо быть вместе! До скорой встречи! С сердечным приветом! Храни копию, если дорог оригинал! С днем рождения! Привет из Крыма* и т. п. См. в качестве примеров открытки (4–6).

Но значительно больший лингвистический интерес представляют собой стихотворные, рифмованные надписи. Трудно сказать, кто был их автором. Очень редко встречаются здесь строки из известных песен или стихотворений, например:

*Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей большой любви*

(фрагмент песни «На лодке», слова В. Лебедева-Кумача, из кинофильма «Первая перчатка», 1946) или

*Вдаль мечта уносится
Сердце к сердцу просится
Поскорей увидится
Хочется с тобой*

(фрагмент песни «Я иду при зореньке», слова А. Чуркина, 1948; орфография и пунктуация открытки сохранена).

Открытка 1. Немецкая открытка – German card

Открытка 2. Французская открытка – French card

Открытка 3. Чешская открытка – Czech card

Открытка 4. Жду тебя! – I'm waiting for You

Открытка 5. Кого люблю, тому дарю –
I love whom I give

Открытка 6. Люби и помни обо мне! –
Love and remember me!

Если визуальную составляющую открыток (изображения персонажей и сопровождающих их роз, голубей и т. п.) мы вправе в значительной степени считать заимствованной и всю их оригинальность в данном плане видеть в навыках фотомонтажа, то тексты, написанные прямо поверх изображения рукой фотографа-ретушера, в большинстве случаев самобытны. Скорее всего, к услугам поэтов артельные фотографии не прибегали: тексты сочинялись тут же на месте. Говоря сегодняшним языком, они – типичное воплощение философии китча (другое допустимое написание – кича), но применительно к рассматриваемому периоду следует признать их соответствие духовным потребностям носителей массовой культуры. Литература же, обслуживающая эти потребности, – это массовая литература, и надписи на кустарных фотооткрытках – один из ее малых жанров. По определению В. В. Химики, массовая литература занимает особое место на шкале литературного творчества – между высокой («элитарной») литературой и традиционным (народным) творчеством [3: 8–10]. Проявления ее многообразны. Речь идет о текстах городских романсов, любовной лирики, кли-

шированных стихотворных приветствий, поздравлений, эпитафий и т. п. Они по-своему наследуют традиции народного лубка, русской нравоучительной силлабической поэзии (XVII век) и записей в домашних альбомах (XVIII–XIX вв.). В XX веке шаблонные формулы широко употреблялись в частной переписке; это такие выражения как *Лети с приветом, вернись с ответом; Жду ответа, как соловей лета; Вместо марки – поцелуй жаркий; Моя правая рука шлет привет издалека* и др., см.: [4: 237–240].

Языковые особенности надписей

Надписи на интересующих нас открытках выдают невысокий уровень грамотности их создателей. Но интересно, что стихотворная форма в сознании носителя масс-культуры оценивается более высоко, чем прозаическая. Это значит, по мысли обывателя, что стоит некоторому тексту придать стихотворный облик, и он тут же становится фактом литературы! Впрочем, Ю. М. Лотман считал, что в истории мирового искусства поэтическая форма вообще предшествовала прозаической: «Проза как художественное явление представляет собой структуру более сложную,

чем поэзия» [5: 127]. Чаще всего надписи на фотооткрытках лаконичны и имеют форму двустихий (это объясняется прежде всего ограниченным форматом). Приведем несколько примеров с сохранением орфографии и пунктуации:

*Дарю сердечно –
помни вечно!*

*Желтая роза упала на грудь,
Милая Вера, меня не забудь!*

*Если любишь – храни,
А не любишь – порви!*

*Жди меня, и я вернусь!
В дом твой, там и приземлюсь!*

*Получив от милого привет –
я немедля шлю ему ответ!*

*Шути любя,
Но не люби шутия!*

*Чтоб встречи были впереди,
Ты это фото береги!*

Но нередко встречаются и четверостишия. Несколько образцов:

*Люби меня, как я тебя,
Глазами голубыми,
Люби меня, как я тебя,
И не ходи с другими.*

*Не грусти, подружка,
О своей судьбе,
Обхожу всю землю
И вернусь к тебе!*

*Буду помнить вечно
И любить тебя,
Но и ты, конечно,
Не забудь меня.*

*Мы встретились, и без ошибки
Взглянув на нас, поймет любой,
Что будет жизнь – одна улыбка
Для нас с тобой вдвоем!*

*Судьба заставит нас расстаться
Но не заставит разлюбить
Мы можем долго не видаться,
но друг о друге не забыть!*

*Счастливы будем мы с тобой,
Ты только и мечта моя,
И что-бы не случилось со мной,
Не забуду я тебя!*

В надписях, как мы видим, используется различный стихотворный размер, при этом он далеко не всегда выдерживается. Рифма воспринимается как желательный компонент текста, хотя и она не всегда точна. Грамматические вольности, естественно, в расчет не принимаются. В одном случае сочинитель, по-видимому, испытывал затруднения в образовании форм совершенного вида (*обхожу всю землю – вместо обойду*), в другом – там, где рифма напрашивалась бы сама собой (*Одно сердце я имею – И то дарю его тебе я*), он пренебрегает легкой подсказкой. В третьем – словоформа *клялись* прочитывается с разговорным ударением на первом слоге... Приведем несколько подтверждающих эти положения фотоиллюстраций открытки (7–9).

Если попробовать систематизировать кустарную фотопродукцию по темам, то мы получим примерно следующую классификацию: а) «любовь» (признание, заверения, клятвы); б) «память» (воспоминание, сожаление о разлуке, ожидание и т. п.); в) «поздравления и приветы» (с указанием поводов, дат и/или местностей); г) «прогнозы на будущее» (встреча, возвращение, счастье вдвоем и т. п.). С точки зрения теории речевых актов, большинство надписей представляют собой экспрессивы, а именно: комплименты, пожелания, приветствия, посвящения, выражения радости и др., ср.: [6: 36].

Проанализировав имеющийся в нашем расположении материал (около полсотни открыток), мы попытались составить их словарь. При этом учитывались не лексемы, а словообразовательные гнезда, т. е., скажем, *любовь, любить, любимый, любящий* считались одной «единицей». Разумеется, весь мир представленных здесь чувств вертится вокруг главных персонажей – отправителя (дарителя) и получателя. Этим объясняется доминирующее положение в текстах личных местоимений 1-го и 2-го лица: *я* (включая формы *мне, меня, а также мой* и т. д.), *ты* (*тебе, тебя, твой* и т. д.), *мы* (*нас, нам, наш* и т. д.). Они представлены в абсолютном большинстве открыток, а иногда и не по одному разу. Никакое «3-е лицо», кто-либо посторонний, тут вообще не существует. Из знаменательной (полнозначной) лексики самые частые семемы – это «любить»: 38 в нашем материале, «помнить» и «сердце» – по 14, «дружба» – 12, «встреча» и «(не) забыть» – по 10, «вернуться», «дарить» и «счастье» – по 8.

Естественно, сам круг эмоций в обследованных текстах чрезвычайно ограничен. Ему, в принципе, и незачем расширяться: идеология китча основана на стереотипных, повторяющихся ситуациях и образах. Очень

Открытка 7. Буду помнить вечно... –
I'll remember You forever...

Открытка 8. Одно сердце я имею... –
I have one heart...

Открытка 9. Вспомни, когда мы прощались... –
Remember when we said goodbye...

уместной выглядит здесь цитата из романа М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия»:

«Чувство, которое порождает кич, должно быть, без сомнения, таким, чтобы его могло разделить великое множество. Кич потому не может строиться на необычной ситуации, он держится на основных образах, запечатленных в людской памяти: неблагодарная дочь, брошенный отец, дети, бегущие по газону, преданная родина, воспоминание о первой любви».

Как известно, массовое искусство, в том числе его словесные жанры, поддерживается общественными традициями (обычаями, праздниками, обрядами и т. д.); в данном случае мы видим, как в этот социальный опыт вмешиваются новые факторы (переход населения к мирной жизни, знакомство с иностранными образцами, развитие фотодела и др.).

Другие жанры масс-литературы

Представляет интерес сравнение полученных нами данных с характеристиками других жанров массовой культуры, в частности, записей в альбомах или современных эстрадных песен. В диссертации Е. В. Нагибиной, посвященной последним, прямо говорится: «Идейной особенностью текстов песен мож-

но считать выражение в них норм мещанской морали, для которой свойственна эмоциональная ограниченность и стабильность моральных норм» [7: 7]. Центральное место в этих произведениях занимает опять-таки тема любви. Какая же лексика является доминирующей в песнях с любовной тематикой? На основании анализа 100 текстов автор диссертации приходит к обобщению: «В текстах песен с любовной тематикой на лексическом уровне особенно ярко проявляется характерная для массового искусства **эмоциональная бедность**. Текстам свойственна нивелированность всех отрицательных эмоций. По сути, их только две: грусть и печаль, тогда как более сильные по степени испытываемого чувства – тоска, боль, ненависть, страх – используются значительно реже. Радость как одна из самых положительных эмоций проявляется только в двух процентах всех песен. Ее внешние проявления – улыбка и смех – встретились только в 14% песен. Практически не встретились такие эмоции, как интерес, удивление и изумление, смущение, стыд, хотя именно их проявление психологи считают основным в формировании гармонично развитой личности» [Там же: 12]. Наконец, употребленные в текстах эстрадных песен «слова-сигналы», т. е. ключевые слова, с очевидностью подтверждают высказанную мысль. Самые частые здесь существительные – это *сердце* и *счастье* (что неплохо согласуется с нашими данными по открыткам), но далее с заметным отрывом идут, в порядке убывающей частоты, *плач*, *слеза*, *грусть*, *скука*, *печаль*, *улыбка*, *боль*, *надежда*, *обида*, *тревога*, *боязнь*, *страх*, *тоска* и т. д. [Там же: 13]. Оказывается неожиданным общий минорный настрой этих текстов: он явно контрастирует с надписями на открытках.

Обнаруженные отличия могут быть интерпретированы двояко. С одной стороны, внутренний мир открыток был ориентирован на сугубо положительные эмоции. Здесь нет ни измен, ни ревности... Коммуникативная и социальная задача данного жанра – поднять настроение адресата, передать привет, напомнить о себе, укрепить отношения в микроколлективе, нарисовать светлые перспективы... Сегодняшняя эстрадная песня таких задач перед собой не ставит. Она обращена к адресату как представителю толпы (зрительного зала, телеаудитории, тусовки) и рассчитывает всколыхнуть его сентиментальный опыт, порождая в лучшем случае сочувствие, а в худшем – злораство...

С другой стороны, обнаруженные различия можно писать за счет разных эпох. Ныне, в период относительного материального благополучия (время войны осталось далеко

в прошлом), возрастают требования к душевному спокойствию, к гармонии мещанского мира. И потому грусть, печаль, скука вместе со слезами выходят на первый план: это то, что «царапает» и волнует. Потребитель данного жанра – не личность, активно перестраивающая мир, а рефлексирующий индивид, любитель чужих мелодрам.

Но при всех жанровых или исторических особенностях массовое искусство сохраняет свои основные черты: массовость, стереотипность и примитивизм. Бесхитростный примитив в сочетании с представлениями об «изящной жизни», анилиновые мечты о всеобщем благоденствии и любви уравнивают повседневные жизненные тяготы и сглаживают острые проблемы. Строки П.-Ж. Беранже «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой» вполне могли бы быть начертаны на знамени масс-культуры.

Надписи на обратной стороне открыток

Однако с научной точки зрения массовая литература заслуживает не высокомерного отторжения и забвения, а культурологической и социолингвистической интерпретации. Не будем забывать о том, что идеология этих текстов разделялась и разделяется миллионами людей. В частности, тексты, начертанные на самодельных фотооткрытках, вполне соответствовали мироощущению их отправителей (дарителей) и получателей. Об этом свидетельствуют и часто встречающиеся надписи на обратной стороне открыток – как правило, продукты индивидуального творчества. Среди них попадаются и тексты стихотворные, и, хотя уровень поэтического мастерства тут еще ниже, чем у кустарей-фотографов, они тоже сохраняют на себе аромат эпохи.

Приведем несколько образцов такой самодельной поэзии.

*Если вспомнишь когда обо мне
И захочешь увидеть меня,
Посмотри на другой стороне,
Я безмолвно смотрю на тебя.*

*Шумит ли январская вьюга,
Чернеет ли мартовский снег,
Мы помним, мы знаем друг-друга,
Мы стали друзьями на век.*

*Знай, дорогая подруга,
Что я тебе открытку дарю,
Как для самого близкого друга,
Которого так сильно люблю.
Мне трудно с тобой расставаться,
На такой невыносимый срок,
Лучше было бы с тобой остаться,
Но ты знаешь – у меня есть долг.*

*Но ни что не помешает нам в жизни
Друг друга так крепко любить,
Дорожить своей дружбой сильно,
Верить друг другу и радостно жить.
Дорогая Валюшка, родная,
Если хочешь остаться со мной,
Так люби же меня, как тебя я,
И гордись ты, родная собой и мной.*

Стихотворные тексты на обороте открыток представляют собой своего рода контаминацию самодеятельного творчества и частного письма. Они создавались конкретным человеком и предназначались одному адресату. Но обобщение некоторого их корпуса обнаруживает те же языковые черты, которые свойственны массовой литературе данной эпохи.

Влияние массовой культуры и ее упрощенно понимаемых идеалов на сознание индивида существовало всегда. Показательно в этом смысле встречающееся в обследованном материале выражение *Сказка любви дорогой*. Изначально это – строка из романа («Сказки любви дорогой не вернуть никогда, никогда...») из кинофильма «Молчи, грусть, молчи...» с участием Веры Холодной (1918). Но затем это выражение западает в общественное сознание настолько, что становится крылатым и уже не воспринимается в связи с первоисточником. В частности, оно встречается у Николая Заболоцкого в стихотворении «Падение Петровой» (1928); употребляет его и старый ловец Воробьянинов в «12 стульях» И. Ильфа и Е. Петрова (1928). Проци-

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайновас-Рытовас Л. Глазами голубыми любви меня... и не гуляй с другими. Феномен нелегальной художественной открытки в СССР: 1933–1963. Н. Новгород: НИКТЕЕ, 2005. 47 с.
2. Гонозов О. Как хорошо любить и быть любимым. URL: <http://goldring.ru/news/show/91888> (дата обращения: 07.01.2019).
3. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000. 272 с.
4. Норман Б. Ю. Лингвистика каждого дня. Минск: Вышэйшая школа, 1991. 303 с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
6. Pisarek L. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. 173 с.

тируем: «Сказка любви дорогой», – подумал Ипполит Матвеевич, взглядываясь в простенькое лицо Лизы. Сегодня это выражение можно встретить в Интернете в совершенно неожиданном контексте (в частности, в публицистических материалах) со значением «выдумка, небывалая история».

Заключение

Соотношение двух составляющих данного художественного объекта – текста и «картинки» – заслуживает особого внимания культурологов и лингвистов. Хотя фотооткрытки могли быть и «бессловесными», надписи на них играли существенную роль. Они дополняли и конкретизировали изображение, фокусировали в себе коммуникативную нацеленность открытки. Адресат находил в тексте то, что касалось непосредственно его жизни, его личной сферы.

Сегодня кустарные фотооткрытки с их примитивными текстами – раритеты, интересующие главным образом коллекционеров. Но они сыграли определенную роль в формировании духовной культуры послевоенного поколения советских людей. Воплощая в себе атмосферу эпохи, открытки создавали дополнительный канал неформального, неофициального общения. Неслучайно они нынче занимают свое место в этнографических и исторических музеях, упоминаются в художественных произведениях и мемуарах. Появляются и первые серьезные исследования данного феномена.

This work was supported by the Ural Federal University Competitiveness Improvement Program for 2013–2020 (agreement number 02.A03.21.0006)

7. Нагибина Е. В. Содержательные и языковые особенности текстов современных эстрадных песен: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ярославль, 2002. 18 с.

REFERENCES

1. Krainovas-Rytovas L. *Glazami golubymi lyubi menya... i ne gulyay s drugimi. Fenomen nelegal'noy khudozhestvennoy otkrytki v SSSR: 1933–1963* [Love me with blue eyes ... and don't walk with others. The phenomenon of illegal art postcard in the USSR: 1933–1963]. Nizhny Novgorod, NIKTEE, 2005. 47 p. (in Russian).
2. Gonozov O. *Kak khorosho lyubit' i byt' lyubimym* (How well to love and be loved). Available at: <http://goldring.ru/news/show/91888> (accessed 07 January 2019).
3. Khimik V. V. *Poetika nizkogo, ili Prostorechiye kak kul'turnyy fenomen* [Poetics of the low, or of Conversation as a cultural phenomenon]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU, 2000. 272 p. (in Russian).

4. Norman B. Ju. *Lingvistika kazhdogo dnya* [Linguistics of every day]. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 1991. 303 p. (in Russian).

5. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (in Russian).

6. Pisarek L. *Rechevyye deystviya i ikh realizatsiya v russkom yazyke v sopostavlenii s pol'skim (ekspressivnyy)*

[Speech acts and their realization in Russian in comparison with Polish (expressive)]. Wroclaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Wroclawskiego, 1995. 173 p.

7. Nagibina Je. V. *Soderzhatel'nyye i yazykovyye osobennosti tekstov sovremennykh estradnykh pesen*. [Content and language features of texts of modern pop songs]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Yaroslavl', 2002. 18 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Норман Б. Ю. Поэтика наивной любви (на материале кустарных фотооткрыток СССР 1950-х годов) // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-44-52>

For citation

Norman B. Ju. Poetics of Naive Love (Based on Soviet Handicraft Photo Postcards of the 1950s). *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 44–52 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-44-52>

Поступила в редакцию: 10.01.2019 / Принята: 12.03.2019 /
Опубликована: 02.03.2020

Received: 10 January 2019 / Accepted: 12 March 2019 /
Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.161.1'42:004.738.5

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-53-61>

Ю. В. Крылов,
Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия

Yuri V. Krylov,
Tatiana I. Steksova
Novosibirsk, Russia

**Новые жанры интернет-коммуникации
(на примере демотиватора и мема)**

**New Genres of Internet Communication
(based on Demotivators and Memes)**

В статье предпринята попытка рассмотреть новые формы интернет-коммуникации с точки зрения их жанровой принадлежности. В качестве предмета исследования были выбраны мемы и демотиваторы, получившие активное распространение в виртуальном общении, но при этом не всегда различающиеся пользователями. Авторы статьи провели интернет-опрос с целью выяснения, что пользователи социальных сетей понимают под мемом и демотиватором, с какой целью, в какой ситуации и кому они их посылают, как сами реагируют на получение.

Ответы на эти и другие вопросы позволили представить жанровую специфику мемов и демотиваторов с точки зрения респондентов; выявить ряд сходств и различий. В опросе приняли участие 105 участников в возрасте от 16 до 64 лет. В итоге в качестве интегральных элементов в статье описываются: схожий дискурс, в рамках которого рождаются и функционируют данные жанры; вторичность мема и демотиватора и наличие в них потенциала к креативной трансформации пользователями с учетом ситуации общения; совпадение в характеристике адресата жанров; неактуальность (имплицитность) автора.

В качестве основных различий представлены следующие: несовпадение коммуникативной цели пользователя; преимущественное существование демотиваторов в пределах виртуальной коммуникации, в то время как мемы вышли за пределы виртуального общения; минимальная привязанность демотиватора к ситуации общения, тогда как мем – это реакция на актуальную, злободневную информацию; особенности языкового воплощения описываемых жанров (креолизация текста и нарушение языковых норм).

Ключевые слова: интернет-коммуникация, жанры речи, косвенные высказывания, креолизованные тексты, мем, демотиватор.

The article attempts to consider new forms of Internet communication in terms of their genre affiliation. The research is focused on memes and demotivators, which are widely spread on social networks, but not always differentiated by users. The authors of the article conducted an online survey in order to find out what users of social networks understand by a meme and a demotivator; for what purpose, in what situation and who they send them to, how they react when they receive them. The answers to these and other questions made it possible to present the genre aspects of memes and demotivators from the point of view of respondents and to identify common and different properties of these genres. The survey involved 105 participants aged 16 to 64.

As a result, the following common for the two genres aspects are described: a similar discourse, within which these genres appear and function; the secondary nature of memes and demotivators and their potential for creative transformation users may perform in different discourse situations; coincidence in the characteristics of the addressee of the genres; irrelevance (implicitness) of the author. The main differences are as follows: the difference in the communicative goal of the user; the predominant existence of demotivators within virtual communication, while memes have gone beyond virtual communication; minimal attachment of a demotivator to a discourse situation, while a meme is a reaction to relevant, momentary information; language features of the described genres (creolization of the text and violation of language norms).

Keywords: Internet communication, genres of speech, indirect utterances, creolized texts, meme, demotivator.

Сведения об авторах: Стексова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания.

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

About the authors: Steksova Tatiana Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching It. Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: steksova@inbox.ru

E-mail: steksova@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Крылов Юрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания.

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: filin1402@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8842-9837>

<https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Krylov Yuri Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching It.

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: filin1402@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8842-9837>

К постановке проблемы

Современное коммуникативное пространство предлагает новые виды общения, которые требуют своего описания в рамках теории речевых жанров. И такого рода исследования привлекают внимание многих ученых. Можно назвать уже достаточно большой список не только статей, но и монографических работ, посвященных изучению интернет-жанров [1–7]. Исследователи отмечают, что изменения в системе интернет-дискурса и появление новых жанров связаны не только с развитием дискурсивных практик или творческого потенциала авторов, но и с новыми технологическими возможностями [8]. При этом, как справедливо отмечается в разных работах, необходимо учитывать вариативность, изменчивость и взаимопроникновение различных форм интернет-дискурса. Именно поэтому нам показалось интересным обратиться к новым формам коммуникации (рис. 1–3).

Если авторы рис. 1 и 2 нам неизвестны, то текст под рис. 3 имеет вполне конкретного автора, который любезно согласился ответить на наши вопросы.

Как признается автор, цель создания «скорее художественная, отчасти сигнализирующая друзьям и знакомым, что я не пропал, у меня все хорошо и я нахожусь в привычном для себя и друзей состоянии творческого внимания к жизни».

На вопрос о причинах подобного внешнего оформления автор ответил: «Черный фон воспринимаю как заметный и реализующий присущую мне линию/метафору контраста. Без черного фона публикуются более объемные тексты, тексты с фотографиями и рисунками, так как для них алгоритмами соцсетей не предусмотрен фон. Ранее я пользовался и другим фоном, но почувствовал, что делаю это без какой-либо функциональной нагрузки, поэтому от других цветовых решений отказался».

На просьбу определить жанр своих текстов, автор ответил, что не относит эти тексты к какому-либо жанру, и добавил: «Я против того, чтобы эти высказывания называли афоризмами или одностопиями. В интервью ранее отвечал, что это слова вместо стихов».

Редко эти слова действительно являются или становятся частью произведения с другим типом целостности. Приятнее думать, что это некоторое высказывание, претендующее на свой тип целостности в потенциальной незавершенности. Порой мои тексты описывают как своеобразные каламбуры».

В качестве ответных реакций чаще всего используется невербалика, лайки, но, как отмечает сам автор, «иногда в комментариях появляются продолжения и парафразы, их я не отматриваю».

Итак, это одна из новых форм опосредованной коммуникации, которая выполняет контактоустанавливающую и информативную функции, адресована определенному кругу людей и не рассчитана на ответную вербальную реакцию. И хотя подобная форма коммуникации уже прочно занимает место в интернет-пространстве, охарактеризовать ее с точки зрения жанровой принадлежности представляется пока затруднительным.

Мем (см. рис. 1) и демотиватор (см. рис. 2), на наш взгляд, можно рассматривать как интернет-жанры, если под интернет-жанром понимать «устойчивые типы текста, назначение которых определяет его форму, и которые обслуживают типическую ситуацию в сети Интернет» [9: 120]. Подобным образом мем понимает и В. А. Бережной, который считает интернет-мем жанром, одним из наиболее распространенных в Сети [10]. Но этот подход разделяется не всеми исследователями. Так, противоположная точка зрения представлена в монографии Ю. В. Щуриной, где она пишет: «Представляется, что возможному определению мема как жанра противостоят два серьезных аргумента: во-первых, мем не имеет собственных формальных показателей, с помощью которых его можно было бы идентифицировать, и, во-вторых, мем может включаться в структуру различных интернет-жанров в качестве компонента» [11:174].

Отмечая наличие разных точек зрения, нам показалось интересным проанализировать понимание мемов и демотиваторов не учеными-лингвистами, а пользователями Сети.

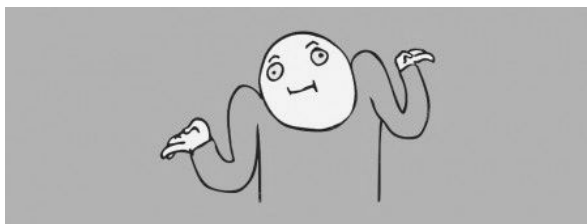

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

История терминов

Анализ жанровых особенностей мема и демотиватора логично начать с истории появле-

ния данных терминов и их значений. «Википедия» как открытая энциклопедия в рамках статьи представляет интерес с точки зрения формулировки «наивного» представления об описываемых жанрах.

Мем – это «любая идея, символ, манера или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д.»¹. Термин «мем» был введен эволюционным биологом Ричардом Докинзом в 1976 г. в книге «Эгоистичный ген». Данное определение является слишком широким в практике определения границ мема в интернет-коммуникации, поскольку включает в себя любую единицу информации от буквы и эмодзи до стиля письма. Очевидно, что современное «наивное» понимание мема существенно уже, поскольку пользователи Сети интуитивно вычленили в коммуникации мем как единицу высказывания, присваивают ей название (*Упоротый лис*, *Ждун* и т. п.) и противопоставляют мемы другим формам сетевого общения. В «открытой» энциклопедии есть отдельная статья, посвященная интернет-мему:

Интернет-мем (англ. Internet meme) – информация в той или иной форме (медиаобъект, то есть объект, создаваемый электронными средствами коммуникации, фраза, концепция или занятие), как правило, остроумная и ироническая, спонтанно приобретающая популярность, распространяясь в Интернете разнообразными способами (посредством социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров и пр.). Обозначает также явление спонтанного распространения такой информации или фразы. Вошло в употребление в середине первого десятилетия XXI века.

Мемами могут считаться как слова, так и изображения. Иначе говоря, это любые высказывания, картинки, видео или звукоряды, которые имеют значение и устойчиво распространяются во Всемирной паутине².

Данное определение очевидно точнее определяет явление, которое является объектом описания в статье. Также следует отметить наличие открытой интернет-энциклопедии по мемам Мемепедию³. Наличие данного портала косвенно свидетельствует о распространенности мемов как элемента коммуникации.

Определяя демотиватор, считаем логичным также обратиться к Википедии:

Демотиватор (демотивационный постер) – разновидность настенного плаката. Демотиватор пародирует мотиваторы (плакаты, предназначен-

¹Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

²Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

³<https://memepedia.ru/>.

ные для создания рабочего настроения), используя схожие с мотиваторами изображения, но с подписями, формально направленными на создание атмосферы обречённости и бессмысленности человеческих усилий.

Формат демотиватора включает базовое изображение в рамке, обрамлённое относительно широко, чаще всего чёрными, полями и снабжённое по нижнему более широкому полю лозунгом, выполненным крупным белым или жёлтым шрифтом. Помимо слогана многие демотивационные постеры содержат текст-пояснение, выполненное мелким шрифтом, так или иначе оттеняющее смысловое наполнение изображения и/или слогана.

Вскоре после появления интернета демотиваторы стали интернет-мемом⁴.

Необходимость сопоставительного анализа двух жанров обусловлена рядом факторов. Во-первых, определение, представленное в «открытой» энциклопедии, требует научного подтверждения; во-вторых, данные жанры определяются носителями неточно и зачастую смешиваются, о чем можно судить по последнему примечанию в статье «Демотиватор»: «Вскоре после появления интернета демотиваторы стали интернет-мемом».

С целью дифференциации обозначенных жанров с точки зрения пользователей было организовано тестирование (с помощью программы Гугл форма), которое предлагало пользователям 18 вопросов открытого или закрытого типа на тему мемов и демотиваторов. Опрос прошли 105 человек (62 женщины – 51%, 43 мужчины – 41%) в возрасте от 16 до 64 лет, причем наибольшее количество ответов дали респонденты в возрасте от 22 до 27 лет. Большинство из них активно используют мессенджеры и социальные сети в течение дня или ежедневно. Лишь 5 человек (4,8%) отметили, что используют мессенджеры не чаще нескольких раз в неделю, а 3 человека (2,9%), что не пользуются мессенджерами. Соответственно аккаунты хоть в одной из социальных сетях есть у всех опрошенных, только 17 человек (16,2%) заходят в эти сети эпизодически, остальные активно используют свои аккаунты для переписки, получения актуальной информации. При этом любопытен тот факт, что только 8,6 % используют в общении мемы и демотиваторы; крайне редко прибегают к использованию мемов и демотиваторов – 32,1%; только мемы используют – 8,6%; только демотиваторы – 0%.

Попытаемся на основе ответов респондентов вычленить жанровые особенности мема и демотиватора.

Сопоставительная характеристика мемов и демотиваторов

Определяя коммуникативную цель мемов и демотиваторов, мы должны оговориться, что здесь речь идет не о коммуникативной цели их создателей, а об интенции их использования. На основании ответов можно утверждать, что мем как жанр относится к фатическим⁵. По мнению Т. Г. Винокур, мотивом, генерирующим фатическое общение, является желание установления контакта ради контакта. «Для фатической речи характерно опосредованное выражение генеральной социопсихологической интенции (т. е. вступления в контакт) через частную интенцию, выражаемую содержанием продуцируемого высказывания» [12: 137]. Эти рассуждения, высказанные в эпоху, когда не существовало анализируемых нами интернет-жанров, оказывают удивительным образом созвучны современности. Мемами пользуются, чтобы вступить в контакт с адресатами и попутно либо выразить свое психо-эмоциональное состояние, либо повлиять на состояние адресатов:

Отправляю друзьям, когда мем смешной, чтобы им было тоже весело.

Чтобы разбавить ситуацию общения, разрядить.

Когда хочется порадовать собеседника.

При общении с родными и близкими, чтобы сократить время на описание состояние, эмоции.

Когда хочу развеселить собеседников, показать свое остроумие.

В странных ситуациях, где словами не ответишь обычными или для создания комического эффекта.

Когда нужно выразить огорчение, негодование, разочарование, радость, степень любви к человеку или просто пошутить на какую-то тему.

Когда проще отправить изображение, чем объяснить словами.

Когда приходится к слову. Или просто отправляю другу посмеяться.

Мем отправляют с целью экономии времени, средств или когда сформулировать ответ «сложно»: *чтобы сократить время на описание состояние, эмоции; Когда нужно быстро на что-то прореагировать и не хочется в подробностях что-то расписывать; В странных ситуациях, где словами не ответишь обычными; Когда он может кратко описать мою ситуацию; и пр.*

Демотиватор не является в чистом виде реализацией фатической функции, хотя и выполняет «общую ситуативно-целевую задачу фатического речевого поведения – говорить, чтобы высказаться и встретить понимание» [12: 139]. Он создается или используется

⁴Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

⁵Как указывает Т. Г. Винокур, термин «фатическая функция» был впервые употреблен Б. Малиновским для обозначения контактно-ритуальных речевых формул, но затем расширил свое наполнение.

не ради вступления в контакт и проявления эмоций, а для выражения какой-либо философской мысли, идеи, созвучной автору /пользователю, которой он хочет поделиться. Вероятно, можно говорить, что в этом жанре происходит маскировка информативного намерения под фатическое. По мнению респондентов, демотиватор – это *картинка с умной мыслью; сарказм в картинке; постер, который отражает определенную идею*. Данные ответы подтверждают информативность демотиватора и желание респондента поделиться некоей идеей, близкой адресанту.

На вопрос «*Известно ли вам происхождение или автор какого-либо мема?*» большинство ответило положительно (54 человека), но принципиально важно то, что для пользователей этот автор не актуален: *в твиттере существуют ситуации, когда чей-то твит (чаще всего глупый или абсурдный) начинает “вируситься” и обыгрываться на разный манер. Так рождаются локальные мемы*. Чаще всего мем воспринимается «коллективным творчеством» и не имеет автора⁶. На примере упоминания мема «Ждун» можно сделать вывод, что не образ автора является жанровой особенностью мема, а ситуация возникновения. *Ждуном* в Рунете называют скульптуру *Homunculus loxodontus* голландской художницы Маргрит ван Бреворт. Опрашиваемые не могли вспомнить имя автора, но легко воспроизвели ситуацию, которая породила данный мем: скульптор вдохновилась очередью к врачу. Узнаваемость ситуации отечественных очередей в поликлиниках, а также и в других государственных учреждениях оказалась важным фактором для формирования нового мема.

Авторство демотиваторов для большинства опрошенных остается неизвестным: из 105 ответов только 2 реципиента ответили положительно на вопрос «Известен ли вам автор или происхождение какого-либо демотиватора?». Учитывая статистическую погрешность и смешение образов демотиватора и мема у опрашиваемых, можно признать, что образ автора для демотиватора не актуален. 40% респондентов ответили, что они не знают авторов демотиваторов, так как не интересуются этим. Показателен и один из ответов на этот вопрос: *Народ*).

С точки зрения адресата мем и демотиватор имеют общие характеристики: пользователи отправляют их только «ближнему кругу», т. е. друзьям, родственникам, близким

знакомым – людям, с которыми адресанты находятся в равных социальных статусах, достаточно близких и неформальных отношениях: *среди коллег равного положения, друзей; друзья, коллеги, с которыми я на одной волне; с друзьями* и под. Но при этом, на вопрос «*Кому вы отправляете демотиватор?*» большинство респондентов ответило *никому*; единичные ответы – *друзьям, сыновьям*; и только 2 человека могут отправлять демотиваторы *всем, кому угодно*. Такая статистика отражает представление респондентов о том, что демотиваторы не актуальны, они устарели. Хотя можно предположить и другую причину меньшей распространенности демотиваторов: мем, будучи в чистом виде фатическим речевым жанром, в обязательном порядке предполагает понимание адресатом коммуникативного намерения пользователя (*вызвать улыбку, повеселить*); коммуникативное намерение посылающего демотиватор не всегда может быть очевидным для адресата.

Демотиватор может быть инициальным элементом коммуникации, о чем свидетельствуют ответы респондентов: *Демотиватор – это спам, рассылка* и т. п. Мем же – это *фраза, имя собственное, изображение человека, животного, вещи, статуи* и т. д., которые **можно встроить в контекст** *какой-то комичной ситуации; выражение лица, передающее смысл происходящего; сарказм в ответ; такая шутка по поводу* (выделено нами. – Ю. К., Т. С.). Мем предполагает возможность использования в качестве реакции, ответа на некоторую информацию, ситуацию, действие.

Мемы отправляют «по случаю», в подходящей, соответствующей ситуации как реакцию на новую информацию. Реактивность жанра была отмечена в 16 ответах на вопрос «В каких ситуациях вы пользуетесь мемами в мессенджерах?»: *обычно в результате диалога, когда находится подходящий момент или просто случайно; когда он подходит к ситуации; в ироничных ситуациях, где фраза из мема может дополнить диалог как афоризм; мем в тему беседы; контекстуально подходящих; когда вспоминается мем под ситуацию*.

Как мы уже отмечали выше, меньшая часть респондентов использует в общении и мемы, и демотиваторы. Вероятно, это связано и с тем, как на них реагируют адресаты: большинство из пользователей в качестве ответной

⁶По словам главного редактора «Лентача» Тараса Сычева, «редакция ”Лентача” состоит из мониторингов новостей и профессиональных пикчеров, которые рисуют и придумывают мемы. Это специфический креатив, где человек нащупывает эмоцию, которая будет понятна большинству». https://style.rbc.ru/life/5d3b25039a794707645e1d4d?utm_source=newsmail&utm_medium=news&utm_campaign=news_mail

реакции на мемы отметили выражение эмоций: *смеюсь; охаю; улыбаюсь* и под. Меньшая доля респондентов отвечает приславленному мем: *ответным мемом/ смайликом; покер-фейсом, ибо зачастую отправляю баяны*. На демотиваторы подавляющее большинство не проявляет никакой реакции, единичная реакция – *улыбка, смайлик*.

Анализ ответов в анкетировании показывает, что основная информация, передаваемая мемами, – это эмоциональное состояние адресанта, его реакция на новую информацию или конкретную ситуацию, которые оказываются применимы и к другим ситуациям: *картинка (видео, фраза), описывающая ситуацию, похожую на другую ситуацию; картинка, отражающая эмоцию или душевное состояние; забавное изображение, которое можно привязать к разным ситуациям*.

Демотиватор содержит в себе какую-либо сентенцию, неслучайно в ответах демотиватор понимают как поговорку или поговорку: *постер, который отражает определенную идею; изображение в черной рамке с "философской" подписью внизу; народный сарказм*.

Мем не имеет обязательной структуры языковой реализации – это может быть фраза или картинка, сочетание рисунка и подписи. В качестве языковых особенностей можно отметить 1) частотное намеренное нарушение норм русского языка, искажение слов (*превед-медвед, узюагойся* и пр.); 2) краткость, афористичность фразы (*крылатая фраза, поговорка; чаще всего – устойчивое выражение/фраза, описывающее что-либо; краткость*); 3) злободневность, сиюминутность (*картинка на злобу дня; смешная картинка в интернете, на злободневную, актуальную тему*).

Демотиватор является жанром с набором обязательных элементов, о чем говорят определение жанра в Википедии и ответы респондентов. 75 человек из 105 опрошенных в описании «*картинка с текстом, необычно интерпретирующим изображение*» опознали демотиватор. В открытом вопросе «*Демотиватор – это*» повторялись следующие признаки: *черный фон/рамка* (23 ответа); *картинка, изображение, плакат* (81 ответ); *надпись, интерпретирующая изображение* (45 ответов). На вопрос «*Встречали ли вы демотиватор без картинки?*» 78 опрошенных ответили отрицательно, что подтверждает наличие изображения как обязательного жанрообразующего элемента у демотиватора. Тогда как жанр мема допускает относительно свободную структуру: наличие изображения или текста не являются обязательными – шутка может быть выражена графически или текстом, либо сочетанием того и другого.

На креолизованный характер как одну из базовых особенностей интернет-жанров уже обращали внимание исследователи, в частности при анализе инстаграм-дискурса [7]. Под креолизованными жанрами понимаются жанры, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной <...> и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [13: 180]. Сочетание вербальных и невербальных элементов порождает одно целое, направленное на комплексное воздействие на адресата (рис. 4).

Рис. 4

В данном примере ирония возникает только в результате сочетания картинки и текста. Отдельно фотография бабушек или текст не являются шутками. Только сочетание фразы про тестирование и фото лавочки со старушками создает хорошо прочитываемую аллюзию на типичную реакцию «бабушек на лавочке»: они обсуждают каждого проходящего, при этом чаще всего в негативном ключе. Здесь важную роль играет языковое воплощение: актуализация двух значений глагола *пройти*: *пройти тест* (устойчивое выражение) – *ответить на вопросы и пройти* – как глагол физического движения, *пройти* сквозь строй бабушек. И аналогично с глаголом *узнать*: *узнать* – получить информацию из ответов и *узнать* – услышать мнение бабушек о себе.

Еще одной особенностью данных жанров (прежде всего – демотиватора) является их косвенный характер: форма и содержание коммуникации не совпадают, как, например, на рис. 5.

Так, известный автовладельцам значок, который обозначает недостаток масла в двигателе автомобиля, интерпретируется неизвестным автором как символическое изображение

Рис. 5

чайника. Ирония также заключается в подмене негативного восприятия «горящей» красным светом на панели автомобиля иконки (что означает по инструкции запрет к эксплуатации двигателя и необходимость добавления масла) на позитивное «приглашение» к чаю. Можно отметить, что императивный жанр запрета, выраженный не вербально, на вербальном уровне выражается информативным высказыванием (о косвенных речевых актах см. [14]). Полная реализация условий косвенности высказывания (совпадение замысла автора и прочтения его адресатом) возможна только при наличии общего фонда знаний коммуникантов. Кроме того, «на суждение о смысле высказывания очень часто влияют экстралингвистические факторы, в частности очень важен фактор «сиюминутности», т. е.

по прошествии некоторого времени пресуппозиции теряют свою актуальность...» [15: 150].

Сопоставляя языковые особенности мема и демотиватора, можно отметить, что демотиватор – это штамп, шаблонное выражение, получающее новую семантику, новое прочтение за счет изображения. Мем – это фраза или изображение, позволяющее показать реакцию на различные типичные, актуальные моменты окружающей действительности.

Заключение

Итак, сопоставление представлений о двух жанрах можно представить в виде таблицы.

Таким образом, сходство этих речевых жанров в том, что оба жанра –

- жанры опосредованной коммуникации, т. к. рождаются в интернет-пространстве;
- вторичные, так как пользователи берут готовые речевые произведения, хотя и могут вносить в них творческие изменения;
- имеют потенциал к трансформации и креативному использованию, так как часто в их основе языковая игра, дающая возможность разной интерпретации; кроме того, опрос показал, что в подавляющем большинстве (72% опрошенных) респонденты имеют опыт трансформации мемов или демотиваторов (см. о креативности интернет-коммуникации [11; 16]);
- имеют косвенное воплощение, так как смысл зачастую формируется несовпадением формы и содержания;
- чаще представляют собой креолизованные тексты.

Сравнительная характеристика мема и демотиватора

Comparative characteristics of the meme and demotivator

Жанры	Признаки	
	Мем	Демотиватор
Коммуникативная цель пользователя	Выразить эмоции, повлиять на эмоции адресата	Выразить свое отношение, чаще негативное, саркастичное, к чему-либо; поделиться точным, метким «наблюдением», сентенцией, «жизненной мудростью»
Автор	Может быть известен, но не актуален	
Адресат	Ближний круг	
Фактор прошлого	Скорее, реактивный жанр	Скорее, инициальный жанр
Фактор будущего	Вызывает эмоциональную оценку, реже коммуникативную реакцию	Отсутствие коммуникативной реакции
Пропозитивное содержание	Эмоциональная реакция на новое, злободневное	Осмысление/переосмысление известного
Языковое воплощение	Намеренное несоблюдение норм языка, краткость	Креолизованность, косвенность языкового воплощения

Наряду с этим можно выделить и дифференциальные черты, они различаются:

- по месту функционирования – демотиваторы остаются в пределах виртуальной коммуникации; мемы используются и в разговорной речи или встречаются в письменных текстах, например, фразы президента

«мочить в сортире» или Д. Медведева «Денег нет, но вы держитесь» получили распространение в речи россиян и стали мемами;

- по соотношению с внеязыковой ситуацией: демотиватор менее привязан к ситуации общения, тогда как мем – это реакция на актуальную, злободневную информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 96–104. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>
2. Кириллов А. Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // *Жанры речи*. 2017. № 2(16). С. 260–267. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267>
3. Галичкина Е. Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // *Интернет-коммуникация как новая речевая формация* / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта, 2012. С. 53–71.
4. Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. Волгоград: Парадигма, 2012. 322 с.
5. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // *Ученые записки Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации*. 2011. Т. 24 (63), № 1, ч. 1. С. 105–124.
6. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 238 с.
7. Шурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Инстаграм // *Жанры речи*. 2016. № 1 (13). С. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168>
8. Митягина В. А., Сидорова И. Г. Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности // *Жанры речи*. 2016. № 2(14). С. 105–115. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115>
9. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // *Жанры речи*. 2015. № 2(12). С. 119–127.
10. Бережной В. А. Интернет-мем и анекдот: к постановке проблемы // *Вісн. Запорізь. нац. ун-ту*. 2014. № 1. С. 135–144.
11. Шурина Ю. В. Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. Чита: ЗабГУ, 2015. 248 с.
12. Винокур Т. Г. *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения*. М.: Наука, 1993. 172 с.
13. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия*. М.: Наука, 1990. С. 180–181.
14. Серль Дж. Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 195–222.
15. Стеклова Т. И. Прагматический потенциал косвенных высказываний и его реализация // *Семантический и прагматический аспекты высказываний: межвуз.*

сб. науч. тр. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 1991. С. 149–158.

16. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // *Жанры речи*. 2018. № 4 (20). С. 294–303.

REFERENCES

1. Kolokoltseva T. N. Dialogue in the genres of Internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 96–104 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>
2. Kirillov A. G. Transformation of the blog genre in instant messaging programs. *Speech Genres*, 2017, no. 2(16), pp. 260–267 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267>
3. Galichkina E. N. Obschaya harakteristika kompyuterno-oposredovannogo diskursa [General characteristics of computer-mediated discourse]. In: T. N. Kolokoltseva, O. V. Lutovinova eds. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new voice formation]. Moscow, Flinta Publ., 2012, pp. 53–71 (in Russian).
4. Galichkina E. N. *Kompyuternaya kommunikatsiya: lingvisticheskiy status, znakovyye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer communication: linguistic status, iconic means, genre space]. Volgograd, Paradigma Publ., 2012. 322 p. (in Russian).
5. Goroshko E. I., Jigalina E. A. Virtual genre studies: well-established and controversial. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser. Filologiya. Sotsialnyie kommunikatsii*, 2011, vol. 24 (63), no. 1, ch. 1, pp. 105–124 (in Russian).
6. Schipitsina L. Yu. *Zhanry kompyuterno-oposredovannoy kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangelsk, Pomor. un-t, 2009. 238 p. (in Russian).
7. Schurina Yu. V. Genre originality of the social network Instagram. *Speech Genres*, 2016, no. 1, pp. 156–168 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168>
8. Mityagina V. A., Sidorova I. G. Personal Internet Discourse Genres. *Speech Genres*, 2016, no. 2(14), pp. 105–115 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115>
9. Goroshko E. I., Polyakova T. L. Toward a typology of social media genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2(12), pp. 119–127 (in Russian).
10. Berezhnoy V. A. Internet meme and anecdote: to the statement of the problem. *Vesnik of Zaporizhzhya National University*. 2014, no. 1, pp. 135–144 (in Ukrainian).
11. Shchurina Yu. V. *Rechevyye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii*. [Speech comic genres in modern mass communication]. Chita, ZabGU, 2015. 248 p. (in Russian).

12. Vinokur T. G. *Govoryaschiy i slushayuschiy. Varianty rechevogo povedeniya*. [Talking and listening. Speech Options]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 172 p. (in Russian).

13. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ih kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In: *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Speech Optimization]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 180–181 (in Russian).

14. Serl Dj. Kosvennyie rechevyye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1985, iss. 16, pp. 195–222 (in Russian).

15. Steksova T. I. Pragmaticheskii potentsial kosvennyih vyskazyvaniy i ego realizatsiya [The pragmatic potential of indirect statements and its implementation]. In: *Semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty vyiskazyvaniy: mejvuz. sb. nauch. tr.* [Semantic and pragmatic aspects of statements]. Novosibirsk, Novosib. gos. ped. un-t, 1991, pp. 149–158 (in Russian).

16. Viktorova E. Yu. Linguistic-creative potential of Internet communication (based on the genre of social networks). *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 294–303 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Крылов Ю. В., Стексова Т. И. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-53-61>

For citation

Krylov Yu. V., Steksova T. I. New Genres of Internet Communication (based on Demotivators and Memes). *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 53–61 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-53-61>

Поступила в редакцию: 14.08.2019 / Принята: 17.12.2019 / Опубликовано: 02.03.2020

Received: 14 August 2019 / Accepted: 17 December 2019 / Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-62-78>

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

Vadim V. Dementyev
Saratov, Russia

Онлайн-тесты в новостном браузере: лингвистические и речевые характеристики

Online Tests in the News Browser: Linguistic and Speech Genre Characteristics

Объектом исследования являются онлайн-тесты в новостном браузере (Яндекс, Mail.ru). Выявляются и анализируются лингвистические и речевые характеристики тест-линка – части данного теста, представленной в новостном браузере в виде линка или иконки и содержащей заголовок теста и краткий анонс.

Большая распространенность и узнаваемость данного явления в структуре новостного браузера привели к появлению ряда закономерностей как на уровне формы, так и на уровне содержания, включая прагматические характеристики, т. е. можно говорить о, по крайней мере, начальной речевомой стандартизации в природе тест-линка и применить к его изучению речевую методологию, разработанную прежде всего, для интернет- и онлайн-жанров.

Тест-линки анализируются (1) в семантико-прагматическом отношении (включая важнейшие прагматические компоненты: функции (различаются функции собственно теста и функции тест-линка, важнейшими из которых являются донесение информации о тесте и привлечение внимания к нему); адресат (дифференциация по поколению, гендеру, увлечениям; в создании образа адресата значимым является соотношение лояльности, самоидентификации и личностной значимости адресата, этикета/антиэтикета, комплиментов/антикомплиментов и т. п.), адресант (реальный автор теста или администратор новостного браузера) и собственно представляемый онлайн-тест (информация о различных его аспектах: цель, привлекательность для адресата, исключительность предлагаемой информации, степень сложности теста, технические характеристики – особенности процедуры прохождения данного теста и т. п.); (2) тематическом (наиболее распространены классификационные тесты, т. е. тесты, апеллирующие к какой-либо классификации; наиболее распространенная тема – психология, где по частотности с большим отрывом лидируют темы межличностных отношений и человеческих характеров и типов, выделяемых на основе каких-либо психологических, социальных, физиологических, астрологических (знаки зодиака) и т. д. характеристик); (3) структурном (лексическая, морфологическая и синтаксическая форма заголовка тест-линка; наиболее очевидным образом данная информация сосредотачивается в метаинформативных глаголах и определениях

The object of the study are online tests in a news browser (Yandex, Mail.ru). The research focuses on the linguistic and genre characteristics of the test link – a part of this test, presented in the news browser as a link or icon and containing the title of the test and its preview.

Test links are analyzed (1) semantically and pragmatically (including the most important pragmatic components: functions (the functions of the test itself and the functions of the test link, the most important of which are reporting information about the test and highlighting it); addressee (generation, gender, hobby differentiation; in creating the image of the addressee, self-identification and personal significance of the addressee, etiquette/anti-etiquette, compliments/anti-compliments, etc. are significant); the addressant (real author of the test or the administrator of the news browser) and the online test itself (information about its various aspects: purpose, attractiveness to the addressee, exclusivity of the proposed information, degree of difficulty of the test, technical characteristics – features of the procedure for passing this test, etc.), (2) thematically (the most common are so called classification tests, i.e. tests that appeal to any classification; the most common topic is psychology: the themes of interpersonal relationship, human characters and types, distinguished on the basis of any psychological, social, physiological, astrological (zodiac signs), etc. characteristics), (3) structurally (lexical, morphological and syntactic form of the title of the test link; the most obvious way this information is concentrated in are meta-informative verbs and definitions (agreed or inconsistent) that often accompany the word “test” in the heading: “simple test”, “literary test”, “observation test”, etc.

(согласованных или несогласованных), которые часто сопровождают слово «тест» в заголовке: «простой тест», «литературный тест», «тест на наблюдательность» и т. п.

Ключевые слова: онлайн-тесты, тест-линк, прагматическая структура, формализация, функции, образ адресата и адресанта.

Keywords: online tests, test link, pragmatic structure, formalization, functions, image of the addressee and addressant.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics. Place of employment: Saratov State University.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

1. Введение

Интернет способствует осуществлению большого количества разновидностей человеческой активности, а также их динамике, включая особенности структуры и языка. Именно динамические процессы со временем приводят к формированию интернет-жанров [1–12]. В этом отношении выделяются три вида активности, для осуществления которых много дает интернет-коммуникация и на базе которых складывается большое количество новых интернет-жанров и жанроподобных явлений: 1) образовательная деятельность, включая способы проверки/оценки полученных знаний и умений; 2) развлекательная деятельность, включая эстетику, юмор, а также (увы!) «желтую» тематику; 3) игровая деятельность, отличающаяся от (2) наличием правил, регламентирующих процедуру участия. Все эти три вида активности релевантны для рассматриваемого нами онлайн-теста (соответственно могут быть выделены три типа тестов, однако на практике чаще всего встречаются тесты смешанного типа). Онлайн-тесты стали очень распространенным и популярным явлением. Возможности компьютерных технологий позволяют создавать самые разнообразные тесты; возможности интернет-сервиса (новостной браузер, контент-агрегатор) – быстро находить заинтересовавшие тесты.

Тест – сложный культурный феномен, имеющий отчетливую процедуру (жанр?), образующий много разновидностей (тесты учебные (учебно-контрольные), медицинские (диагностические, профилактические, посткурационные и реконвалесцентные), психологические, социальные, лингвистические (на знание родного и изучаемого языка), юмористические, эзотерические и мистические и т. д.; тесты также составляют важную часть методик в разнообразных исследованиях) и включаю-

щий важный вербальный компонент (речевой жанр), но обычно не исчерпывающийся им (бывают невербальные и вербально-невербальные тесты).

Настоящее лингвистическое и речежанровое исследование посвящено не собственно тесту, во всем названном многообразии аспектов, а только одному аспекту: рассматривается часть теста, представленная в новостном браузере поисковых систем (Яндекс, Mail.ru) в виде иконки или линка (доступ к тесту открывается кликаем по линку) и содержащая короткий текст: заголовок теста (в нем практически обязательно слово *тест*) и (не всегда) краткий анонс, обычно данный более мелким шрифтом. Как и весь контент новостного браузера, тесты отбираются автоматически контент-агрегатором на основе частотности обращения пользовательской аудиторией, при этом указывается сайт, с которого был взят данный тест. Иногда линк включает также картинку.

Будем условно называть данное явление *тест-линк*, сокращенно $T_{лн}$, противопоставляя *собственно онлайн-тесту* – $T_{СобОнл}$

Несколько примеров $T_{лн}$ (здесь и далее: анонс дается курсивом; сохранены орфография и пунктуация оригинала):

Тест: Ответьте на эти 10 вопросов и мы угадаем ваши генетические корни! (edieta.org);

Тест: Откуда ваша душа? (lowis.ru);

Короткий психологический тест, который кое-что о вас расскажет *В данном тесте мы предлагаем вам выбрать одну из девяти картинок. Постарайтесь выбрать быстро, не задумываясь, прислушиваясь к своему внутреннему голосу.* (zen.yandex.ru);

Тест: узнай уровень своей самооценки *Как правило, в обществе не жалуют людей с переоцененным самомнением, тех, у кого до небес завышена самооценка. Но и их противоположностей, забитых в угол нытиков, тоже никто любит. Выходит, самым правильным будет занять место посередине, чтобы считаться нормальным.* (wmj.ru);

Тест определит, течет ли в вас королевская кровь (flytothesky.ru);

Тест: Выбрав женский силуэт, вы узнаете ключевую черту своего характера (onedio.ru);

Тест 9 вопросов Конфуций: что бы он сказал тебе? *Какая мудрость китайского мудреца стала бы советом лично для тебя?* (diletant.media);

Сколько сердец вы разобьёте в жизни: тест *Каждый из нас знает, что означает разбитое сердце. Но и мы когда-то сознательно или случайно причиняли кому-то боль, становясь причиной душевных терзаний. С помощью этого простого теста вы узнаете, насколько страстная натура скрывается внутри вас, и сколько сердец вы разобьёте за свою жизнь.* (garderobus.ru);

Тест: какая песня Аллы Пугачевой про вас? (vibirai.ru).

$T_{\text{СобОнл}}$ мы не рассматриваем специально, а привлекаем иногда в качестве дополнительного источника информации. Отметим, что $T_{\text{СобОнл}}$ безусловно представляют интерес, будучи чрезвычайно разнообразны и с функциональной, и с содержательной, и с формальной точек зрения, им должно быть посвящено самостоятельное исследование, вероятно, более масштабное и комплексное, чем наше (кроме языкового, текстового и коммуникативно-речевого аспектов есть очень важные технические (процедурный), психологический, рекламный и др. аспекты; кроме вербальной составляющей – важная невербальная)¹

¹Выскажем лишь несколько предварительных замечаний о $T_{\text{СобОнл}}$, которым, повторяем, должно быть посвящено самостоятельное исследование в будущем.

«Тестовый вопрос» имеет закрытый характер («вопрос без вопроса»): предлагается не дать полноценный ответ, а лишь выбрать вариант из предложенных. По-видимому, большинство людей понимают жанр теста именно так; в противном случае, т. е. когда задаются «настоящие вопросы» (или так наз. вопросы открытого типа), на которые тестируемый волен дать такой ответ, какой хочет, они воспринимаются как «нетестовые».

Обычно (но не всегда) тест так или иначе опирается на какую-либо классификацию, причем как в диктумной, препозитивной своей части (*укажи тип своего носа; свой знак зодиака; свой темперамент*), так и в модусной, постпозитивной (*...и мы скажем тебе твой тип...*).

Со стороны своих содержания и формы разные $T_{\text{СобОнл}}$ могут различаться:

- темой, сферой и назначением теста: медицинские, психологические, лингвистические, развлекательные и т. д.;
- содержанием, количеством и формулировками вопросов/заданий (например, из скольких вариантов может быть выбор (из двух или более), причем предлагаемые варианты могут быть общеизвестны и понятны любому неподготовленному адресату (мужчина – женщина, лидер – ведомый, творческий человек – традиционалист) или как раз неочевидны и достаточно сложны, отсюда от адресата требуются интерпретативные усилия (например, требуется определить свое на данный момент медицинское состояние (здоровье), психологическое (стресс), экономическое и даже эзотерическое («чистота кармы») и т. п. – и получить совет, что делать в данном состоянии);

- способом ответа на вопросы (автоматический с автоматическим же переходом к следующему вопросу или с самостоятельным подсчетом очков; появляется ли или нет правильный ответ после каждого нажатия, или это выясняется только в конце, или вообще не выясняется, а только дается общий результат; ответы могут открываться в результате специальной команды: *«Запомните свой вариант ответа, чтобы свериться с верным»*, в конце же – *«Проверьте себя – ОТВЕТЫ»*). Адресату может быть предложено выбрать: *«готово»* или *«сдаюсь»*, т. е. он сам решает, справился с заданием или нет; может быть предложено самому оценить уровень своих знаний в какой-либо области, идентифицировать себя с каким-либо типом в классификации или даже самому составить некий рассказ и подвергнуть его самоанализу. Разным может быть способ «расчета» результатов – о котором в $T_{\text{лн}}$ (и в $T_{\text{СобОнл}}$), как правило, ничего не говорится;

- способом подачи результатов: как резюме (содержащее некую нетривиальную информацию о тестируемом (в реальности – нередко весьма тривиальную)), совет, шутку и т. д. Наконец, результаты могут быть... платными! Иногда составители вставляют рекламу, например в тесте про мультфильмы: *Фигурки персонажей многих мультфильмов «Союзмультфильм» можно найти в интернет-магазине «МУЛЬТ». Выберите вашему ребёнку компанию, знакомую вам с самого детства* (tlum.ru). На последнем этапе также высказываются просьбы оставлять комментарии, ставить лайки, делиться с друзьями и т. п.;

- а также такими техническими моментами, как скорость прохождения, т. е. количество времени, которое дается на прохождение теста (или без ограничений).

(Вопрос, чего стоят эти тесты с профессиональной точки зрения, мы, естественно, не ставим.)

Методологически наше исследование только отчасти является речезанровым: анализируется объект – $T_{\text{лн}}$, – обладающий несомненными моментами коммуникативной и текстовой (функциональной, содержательной, формальной) стандартизации, однако, поскольку $T_{\text{лн}}$ имеет несамостоятельный, служебный характер по отношению к $T_{\text{СобОнл}}$, мы вряд ли имеем право на смелое утверждение, что $T_{\text{лн}}$ является полноценным речевым жанром (как и на более осторожное утверждение, что $T_{\text{лн}}$ является простым/элементарным/первичным речевым жанром, входящим в комплексный/сложный/вторичный жанр/гипержанр $T_{\text{СобОнл}}$).

В то же время большая распространенность данного явления, устойчивость, повторяемость и узнаваемость его компонентов (заголовок теста, краткий анонс и т. д.) в структуре новостного браузера позволяют применить к его изучению речезанровую методику – прежде всего разработанную для интернет- и онлайн-жанров.

Таким образом, исследование имеет характер хотя и локальный (исследуется только один текст-лингвистический аспект теста), но комплексный и интердисциплинарный (как и исследование $T_{\text{СобОнл}}$): исследуемый феномен (первичный речевой жанр?) является частью структуры не только $T_{\text{СобОнл}}$, но и

контент-агрегатора, интернет-медиа, интернет-коммуникации и интернет-жанров, а также рекламной коммуникации, перенимая – прямо или опосредованно – ряд особенностей их природы, структуры и функций

Структура $T_{лн}$ имеет характер относительно гомогенный: выраженный языковой, речевой, текстовый – и относительно стандартный прежде всего со стороны синтаксической формы заголовка (а также морфологии и лексики, но в меньшей степени), которые и будут нами рассмотрены. Еще одно важное методологическое замечание: выделяются и анализируются особенности структуры преимущественно заголовка теста, рассмотрение анонса имеет дополнительный характер и дается в тех случаях, когда необходимо для уточнения значения заголовка. Полноценное исследование анонса, как и $T_{СобОнл}$ – предмет отдельного исследования

Материал настоящего исследования взят с **ок. 120 сайтов**, часто привлекаемых в новостных топках поисковых браузеров в качестве источника новостей – в основном это сайты

развлекательно-новостные, но иногда вполне серьезные – медицинские, психологические и т. п.² Общий объем материала – **ок. 1500 тестов**.

2. Основная часть

Содержательная (прагма-семиотическая) структура $T_{лн}$ включает следующие важнейшие компоненты:

- сам текст $T_{лн}$ который, конечно является важнейшим компонентом содержательной структуры тест-линка в новостном браузере. Можно говорить о функциях $T_{лн}$ (как уже было сказано, их следует отличать от функций $T_{СобОнл}$) и языковых, стилистических и т. д. особенностях $T_{лн}$;

- представляемый тест, т. е. $T_{СобОнл}$: в $T_{лн}$ может содержаться информация о различных его аспектах, таких как: цель (практическая, познавательная, развлекательная), некоторые технические характеристики, а также его оценка (польза и привлекательность для адресата или ее отсутствие, эмоциональная оценка, т. е. удовольствие, степень сложности, степень

²(Сайты даны в порядке убывания частотности; число в скобках – количество примеров $T_{лн}$, взятых с этого сайта; сайты с единичной частотностью не приводятся): *onedio.ru* (368); *ustaliy.ru* (202); *dropi.ru* (154); *vibirai.ru* (91); *zen.yandex.com* (67); *ellegirl.ru* (60); *edieta.org* (57); *kto-cto-gde.ru* (54); *mamochka-club.com* (52); *s-zametki.ru* (44); *flytothesky.ru* (29); *letidor.ru* (29); *cadelta.ru* (16); *chtoikak.ru* (16); *domkino.tv* (16); *peopletalk.ru* (14); *diletant.media* (12); *lifehacker.ru* (12); *knife.media* (13); *weekend.rambler.ru* (11); *infoniac.ru* (10); *adme.ru* (9); *shkolazhizni.ru* (9); *woman.rambler.ru* (9); *gornnisa.ru* (8); *passion.ru* (8); *esotericblog.ru* (7); *kino.rambler.ru* (6); *tlum.ru* (5); *blog.teachmeplease.ru* (4); *kudago.com* (4); *magazine.skyeng.ru* (4); *mel.fm* (4); *progorod62.ru* (4); *salon.ru* (4); *trkterra.ru* (4); *twizz.ru* (4); *ysia.ru* (4); *afisha.rambler.ru* (3); *catandcat.com* (3); *femmie.ru* (3); *headinsider.net* (3); *lady.tochka.net* (3); *maximonline.ru* (3); *mir24.tv* (3); *tonkosti.ru* (3); *vsezdorovo.com* (3); *zaochnik.ru* (3); *aif.by* (2); *autorambler.ru* (2); *bit.ua* (2); *city-sochi.ru* (2); *disgustingmen.com* (2); *fb.ru* (2); *gargania.ru* (2); *glamurnenko.ru* (2); *gorodberezniki.ru* (2); *izfoamirana.su* (2); *journal.tinkoff.ru* (2); *kanal-o.ru* (2); *kinopoisk.ru* (2); *krasnoyarskmedia.ru* (2); *lisa.ru* (2); *mamafm.ru* (2); *priumnojay.ru* (2); *rocca.ru* (2); *sous-chef.ru* (2); *sunmag.me* (2); *theecology.ru* (2); *ussurmedia.ru* (2).

Вот как позиционируют свою политику некоторые сайты, с которых взято самое большое количество примеров:

Onedio.ru: Самые качественные, самые свежие, самые популярные новости. Читайте нейтральные новости из разных источников, не утомясь рекламами. **Категории:** Тесты: Самые качественные, самые свежие, самые популярные...; Юмор; Галереи; Документы; Видео; Статьи

УСТАЛЫЙ МОНТАЖЕР (ustaliy.ru): Самое интересное и смешное из мира кино и телевидения. Пряности творческой работы во всех сферах. Приколы и мемы о творчестве во всех его проявлениях.

Ср. **категории тестов** на этом сайте (классификация $T_{СобОнл}$): **IQ тесты; Загадки и головоломки; Тесты на логику; Тесты на эрудицию; Тесты с Ностальгией по СССР; Психологические тесты; Тесты по фильмам (Тесты по Российским фильмам, Тесты по Советским фильмам, Тесты по Голливудским фильмам); Тесты по сериалам (Тесты по Российским сериалам, Тесты по Советским сериалам, Тесты по Голливудским сериалам, Тесты по Европейским сериалам); Тесты по мультфильмам; Тесты по актерам (Голливудские актеры и актрисы, Российские актеры и актрисы, Советские актеры и актрисы); Тесты по знаменитостям; Тесты по компьютерным играм; Тесты по наукам (Тесты по русскому языку, Тесты по географии, Тесты по истории, Тесты по философии, Тесты по литературе, Тесты по математике, Тесты по медицине); Разные тесты (Тесты на знание автомобилей, Тесты по школьной программе, Тесты по музыке и песням, Тесты про еду и напитки, Новогодние тесты, Тесты на внимание, Тесты о животных, Тесты на здоровье, Тесты про выживание, Тесты про спорт, Тесты про космос, Тесты для девочек)**

На сайте **mamochka-club.com:** Тесты на личность; Тесты по кинофильмам; Семейные тесты; Тесты на характер; Прикольные тесты; Тесты для девушек; Тесты для девочек; Сексуальные тесты; Тесты про здоровье; Тесты на совместимость; Тесты на отношения; Тесты на любовь; Тесты на работу; Интересные тесты; Интеллектуальные тесты; Тесты для родителей; Тесты для детей; Тесты для мужчин; Магические тесты; Тесты в картинках; Тесты для подростков; Тесты способностей; Астрологические тесты; Тесты на психику.

Отметим, что у отдельных сайтов, публикующих тесты, есть особенности, например, на **ellegirl.ru** практически всегда есть подзаголовки, иногда имеющие к собственно тесту очень опосредованное отношение (например: *Давай выясним; Нет, здесь не будет фитнеса и кулинарии; Elle Girl спешит на помощь!*); на **dropi.ru** большинство тестов сочиняются ограниченным кругом авторов (они указываются: три-четыре человека); на **domkino.tv** регулярно и в большом количестве даются тесты, составленные по одному и тому же принципу (*ТЕСТ: Насколько хорошо вы помните фильм...*), но эти различия мы не считаем существенными и будем исходить из того, что $T_{лн}$ на всех сайтах одинаковы.

профессиональности теста). Наиболее очевидным образом данная информация сосредоточивается в определении (согласованном или несогласованном), которое часто сопровождается словом *тест* в заголовке: *простой тест*, *литературный тест*, *тест на наблюдательность* и т. п.;

- адресат: в $T_{лн}$ используются различные способы управления вниманием и эмоциями адресата и обозначения его: чаще всего это недифференцированный «простой человек», лишенный специальных знаний, но заинтересованный; иногда есть дифференциация по гендеру, поколению, социальной группе и т. д.; реже адресат – профессионал в какой-либо области или энциклопедист с высоким IQ – им адресуются соответствующие тесты;

- адресант: это реальный составитель теста (его имя обычно указывается) или администратор новостного браузера (анонимный), который отобрал данный тест и теперь представляет его читателям (насколько нам известно, автором текста заголовка и анонса $T_{лн}$ может быть и тот, и другой).

2.1. Тест-линк ($T_{лн}$)

Начнем с **функций** $T_{лн}$ – их, как уже было сказано, следует отличать от функций $T_{СобОнл}$ и $T_{лн}$, которые интересуют нас не сами по себе, а лишь постольку, поскольку связаны с функциями $T_{лн}$.

В отличие от них, **функции** $T_{лн}$ имеют более конкретно-прагматический, частный и служебный (по отношению к $T_{СобОнл}$) характер:

- донести информацию о тесте (тема; правила; результат и его значение для адресата);
- привлечь внимание, в том числе апеллировать:
 - к полезности теста (включая, от противного, посыл об опасности от незнания данной информации (иногда – прямое запугивание)), удовольствию от него (занимательная информация, развлечение, игра);
 - личностной значимости адресата, а также его саморазвитию, самосовершенствованию, самопознанию и самоидентификации (в замкнутой символической системе, на развернутой оценочной шкале или в принципиально незамкнутом частично оценочном континууме);
 - наконец, исключительности предлагаемой информации: ее труднодоступности, элитарности, сенсационности, табуированности, сакральности – начиная от просто малоизвестной, неповседневной информации (например, *старые редкие плакаты*) до «*раскрытия тайн масонских лож*»!

Следует отметить, что с точки зрения функций $T_{лн}$ чаще всего имеют смешанный характер, сочетая сразу несколько функций (или даже все).

Для целей нашего исследования предлагается **прагматическая структура** $T_{лн}$ и ее **формализация**:

элементы структуры теста ($T_{СобОнл}$ и $T_{лн}$):

X – адресат (2-е л. ед. и мн. ч.);

x_1, x_2, x_3, \dots – аспекты адресата, участвующие (разным образом) в прохождении им теста и/или сообщении ему результата, тем самым в структуре заголовка $T_{лн}$ занимающие позицию субъекта или объекта («*Твой знак зодиака говорит о...*»; «*По форме твоего большого пальца расскажем...*»);

$P(X)$ или $P_1(X), P_2(X), P_3(X), \dots$ – характеристика адресата, даваемая на основании прохождения теста («*вам присуще милосердие*», «*вы разбираетесь в современной музыке*»), в том числе:

$P_{кл}(X)$ или $P_{кл1}(X), P_{кл2}(X), P_{кл3}(X), \dots$ – классификационная характеристика адресата (отнесение его к типу), т. е. тест апеллирует к какой-либо классификации;

Y – адресант (1-е л. мн. ч. (практически никогда – ед. ч.));

Z – тест ($T_{СобОнл}$);

z_1, z_2, z_3, \dots – элементы структуры $T_{СобОнл}$ (вопросы, задания теста, этапы, результаты и т. п.);

O – объект мира, обсуждаемый в тесте ($T_{СобОнл}$) (иногда он совпадает с $P(X)/P_{кл}(X)$);

элементы структуры теста (заголовка в $T_{лн}$):

$P(Z)$ или $P_1(Z), P_2(Z), P_3(Z), \dots$ – характеристика (согласованное или несогласованное определение) теста ($T_{СобОнл}$) в заголовке $T_{лн}$;

v – метаинформативные глаголы:

v_1 (субъект – адресат (X): *ответьте, выберите, узнайте* (и *узнаете*), *определите*), которые делятся на два типа: препозитивные (сообщите информацию о себе) и постпозитивные (узнайте информацию о себе после прохождения теста) (в лексическом отношении это, как правило, одни и те же глаголы);

v_2 (субъект – адресант (Y): *мы скажем, сообщим, определим*) (в лексическом отношении v_2 мало отличается от v_1 , особенно постпозитивных);

v_3 (субъект – тест $T_{СобОнл}$ (Z) или элементы его структуры (z_1, z_2, z_3, \dots): *тест скажет, ответы на вопросы теста поведают*);

v_4 (субъект – аспект адресата (x): *твое подсознание скажет*

Пример: *Ответь на вопросы нашего сложного математического теста о натуральных числах, и мы поведаем тебе, каков твой интеллект.*

Данный текст включает компоненты из представленного набора: *Ответь* (X , v_1) *на вопросы* (z) *нашего* (Y) *сложного* ($P_1(Z)$) *математического* ($P_2(Z)$) *теста* (Z) *о натуральных числах* ($P_3(Z) / O$), *и мы* (Y) *поведаем* (v_2) *тебе* (X), *каков твой* (x) *интеллект* ($P(X)$).

Полная формализация примера выглядит так:

$X_{(nom)} v_{1(impr)} \text{ на } z_{(indir.obj)} Y_{(poss)} P_1(Z), P_2(Z) (P_3(Z)) Z_{(poss)} o / O_{(indir.obj)} \rightarrow Y_{(nom)} v_{2(fin)} X_{(dat)}: x P(X)_{(nom)}$

На основе представленности и соотношения данных компонентов прагматической структуры текста заголовок могут быть выделены следующие *типы* $T_{лн}$:

I. Заголовок – простое высказывание с одним информационным центром – субъектом (им могут быть: адресат, адресант или сам тест/его части: вопросы, результаты, описываемый объект мира) и одним предикативным метаинформативным глаголом:

1.1.1. Отнесение адресантом себя к типу: $X \rightarrow P_{кл}(X)$ или $Xv \rightarrow P_{кл}(X)$.

Наиболее распространенные высказывания данного типа имеют форму:

• $P(X)$ ли вы? (варианты – Какой вы $P(X)$? Вы $P_1(X)$ или $P_2(X)$? Хороший ли вы $P(X)$? и т. п.), где $P(X)$ – существительное:

Тест: Гений ты или нет? (mamochka-club.com);
Тест: вы вампир или донор? (woman.rambler.ru);
Тест: какая вы птица? (vibirai.ru);
Тест: Хороший ли вы родитель? (mamochka-club.com).

• Кто вы (из типа, т. е. $P_{кл}(X)$)?

Тест: Какая ты из древнегреческих богинь? (lady.tochka.net);
Тест: Какой ты советский генсек (cadelta.ru);
Тест: Кто ты из вселенной Гарри Поттера? (bit.ua);
Тест: кто ты из сериала «Универ. Новая общага»? (Автор – Владислав Королев) (dropi.ru);
Время похрустеть! Тест: Какой вы вкус чипсов? (onedio.ru).

• Кем ($P_{кл-п}(X)$) вы были (когда, где)?/были бы (при условии...)?

Тест: Кем вы были в прошлой жизни? *Верите ли вы в перерождение души? Что душа – это энергия, которая, согласно законам физики, ниоткуда не берется и никуда не исчезает? Согласно этой теории, при смерти она выходит из тела, а затем попадает в совершенно новое, только что рожденное сознание. Звучит интересно, правда? Если вы согласны, то предлагаем вам пройти наш сегодняшний тест. Он расскажет, кем вы были до того, как стали собой.* (Автор – Анна Иванова) (flytothesky.ru);

Тест: Кем вы были бы на войне? (zen.yandex.ru);
Тест: кем бы вы были в уголовном розыске (kino.rambler.ru).

• $P(X)$ ли вы, где $P(X)$ – прилагательное (варианты – $P(X)$ ли вы человек? (ср.: *умный ли вы* или *умный ли вы человек*); Насколько вы $P(X)$?):

Тест: Честный ли вы? (Автор: Анна Иванова) (flytothesky.ru);

Тест: Самодостаточный ли вы человек? (mamochka-club.com);

Тест: Насколько вы гибки в общении? (mamochka-club.com);

Тест: Насколько вы брезгливый человек? (onedio.ru);

• похожи ли вы на $O \rightarrow P(X)$?/на какое $O \rightarrow P(X)$ вы похожи?:

Тест: На какое природное явление вы похожи? (ustaliy.ru);

Тест: На кого из героев Винни Пуха вы похожи? (astro7.ru);

Тест: узнайте, на какую голливудскую звезду вы похожи (passion.ru).

1.1.2. Где (место, время, культура, национальность, социальная группа, профессия) вам место (на самом деле)/было место (например, в прошлой жизни)/было бы место (при условии...)?

Тест: В каком месте ты почувствуешь себя как дома? *Какая природа вернет тебе душевные силы?* (ellegirl.ru);

Тест: Для какой профессии ты рожден? *Может, я рожден для чего-то другого?* (ustaliy.ru);

Тест: В какой области вы могли бы получить звание профессора? (onedio.ru);

Тест: В которой царской семье ты бы мог родиться? (ustaliy.ru).

1.1.3. Есть ли у вас/имеете ли вы $O = X \rightarrow P(X)$ или какое $O = P(X)$ есть у вас/вы имеете: *посессивное по форме $O = X \rightarrow P(X)$:*

Тест: есть ли у вас материнский инстинкт? (passion.ru);

Тест: каков ваш внутренний страх (woman.rambler.ru);

Тест: Ваша самая привлекательная черта? (edieta.org);

Тест: Обладаете ли вы привлекательной аурой? (flytothesky.ru);

Тест: какие тараканы живут в вашей голове? (vibirai.ru);

Тест: какой у вас стиль мести? (zaochnik.ru).

К данному типу относим более сложные случаи, где на посессивное значение накладываются другие значения: объектное, субъектное и т. д.:

Тест: снятся ли вам вещие сны? (vibirai.ru);

Тест: В чем твое счастье на самом деле? (*Ольга Свирина*) (ellegirl.ru);

Тест: рай или ад – что вас ждёт после смерти? (vibirai.ru);

Тест: Определите свой коэффициент общительности (mamochka-club.com);

Тест: насколько вас боятся? (vibirai.ru);

Тест: Какой человек живет внутри вас? (onedio.ru).

1.1.4. Делаете/сделаете ли вы **O** ($\rightarrow P(X)$)? варианты: как вы делаете **O** ($\rightarrow P(X)$)? Как с вами сделать **O** ($\rightarrow P(X)$)? (при данном глаголе (отглагольном субстантиве) возможен ряд дополнительных и обстоятельственных позиций):

Тест-шутка: Любите ли вы жену? (edieta.org);

Тест: Вы быстро считаете? (superlen.ru);

Тест: правильно ли вы ругаете своего ребенка? (kanal-o.ru);

Тест: проверьте, достаточно ли воды вы пьете (Маргарита Крюкова) (letidor.ru);

Тест: просто ли вас обучить чему-либо? (vibirai.ru).

1.1.5. Вопрос об умениях или способностях адресата (постпозитивная информация в $T_{лн}$):

$Xv_1 \rightarrow O$ или $X \rightarrow v_2 O$

Тест: Умеете ли вы экономить и жить по средствам? (ustaliy.ru);

Ну очень сексуальный тест: умеешь ли ты флиртовать? (reopletalk.ru);

Тест: Пройдете ли вы собеседование в Google? (Санаайя Иванова) (ysia.ru);

Тест: способны ли вы на настоящую жестокость? (pornnews.ru);

Тест: смог бы ты совершить Октябрьскую революцию? (Автор – Владислав Королев) (dropi.ru);

Тест: Есть ли у вас склонности к языкам? (onedio.ru).

1.1.6. Вопрос о способности адресата пройти данный тест (в сущности, конкретизированный вариант **1.1.5**):

варианты:

- Сможете ли вы пройти тест?
- Проверим, сможете ли вы пройти тест.

$Xv_1(mod)Z$ или $v_1 Yv_2(mod)Z$:

Тест: А хватит ли у вас смекалки правильно ответить на все вопросы на общие знания? (onedio.ru);

Тест: получится ли у вас вспомнить отчества известных русских писателей? (onedio.ru);

Тест по книгам Ильфа и Петрова: сможете ли вы продолжить цитату? (ustaliy.ru);

Тест: Сможете ли вы отличить Северную Корею от Южной на этих фотографиях? (twizz.ru);

Тест: Сможете ли вы угадать фильм лишь по злодею? (onedio.ru);

Тест: Сможешь ли ты отличить настоящую нелепую смерть от выдумки? (ellegirl.ru).

Большое количество вариантов типа **1.1** (подтипов **1.1.1–1.1.6**) обусловлено многообразием возможных аспектов адресата, упоминаемых в заголовке теста, и отношениями с ними (асpekтами) самого адресата.

Структуру типа **1.1** (во всех приведенных разновидностях (**1.1.1–1.1.6**)) имеют **187** (с возможным варьированием и модификациями –

228) тестов из нашего материала (напомним, ок. 1500 тестов), что составляет ок. 15%³.

1.2.1. Вопрос о знаниях адресата об объекте мира:

• Знаете ли вы X ? $Xv_1 \rightarrow O$ или $X \rightarrow v_2 O$

Варианты: Узнай... (по...), Хорошо ли вы знаете X ? Как хорошо вы знаете X ? Хорошо ли вы разбираетесь в X ? Скажите, знаете ли вы X , Проверим, знаете ли вы X , Что ты знаешь о X ? Помните ли вы X ? Угадаете ли вы X (по...) ($Xv_1 O_1$ по O_2 ?), Знаете ли вы, что означает X ?

Тест: Знаете народные приметы? (zen.yandex.ru);

Тест: помните ли вы песни Владимира Высоцкого? (Екатерина Алферова) (kto-cto-gde.ru);

Тест о котиках. Много ли вы знаете о кошках? (ustaliy.ru);

Тест: Хорошо ли ты знаешь кино девяностых? (ustaliy.ru);

Тест: А знаете ли вы советские детские игрушки (cadelta.ru).

1.2.2. Объект мира (**O**) в номинативной конструкции, иногда с «или»:

Тест: Наука или шарлатанство? (ustaliy.ru);

Тест на знание цитат: Иосиф Сталин или Боб Дилан? (edieta.org);

Тест: Огурец или нет? Проверим как хорошо ты разбираешься в огурцах (ustaliy.ru);

Тест на литературное чутье: это рэпер или классик? (kto-cto-gde.ru).

Структуру типа **1.2** имеют ок. 5% тестов из нашего материала.

1.3. Характеристика теста – номинативная конструкция: **P(Z)**:

варианты:

• Тест о/на (знание)/про/по ... X .

Тест на знание кошек (catandcat.com);

Тест на выявление депрессии (mamochka-club.com);

Тест на гениальность. *Только творческие натуры могут пройти этот IQ-тест* (ustaliy.ru).

Структуру типа **1.3** имеют ок. 1% тестов из нашего материала

II. Высказывание с двумя содержательными центрами – предикативными метаинформативными глаголами:

2.1. Метаинформативные глаголы – однородные члены (ответьте и узнаете...):

Тест: Выберите один из этих древних символов и получите ответы на волнующие вас вопросы (onedio.ru);

Тест: Выберите изображение и узнайте насколько Вы упрямы (gornnisa.ru);

Пройдите британский тест и узнайте, к какой работе вы предрасположены *Этот тест придумали британские ученые по заказу Magic Circle,*

³В силу вариативности этого и остальных типов, большого количества модификаций мы считаем нецелесообразным приводить точные абсолютные количественные показатели, в дальнейшем мы будем давать только долю (проценты), в округленном виде.

который является неформальным названием пяти юридических компаний Великобритании. Создатели утверждают, что он с точностью до 94% может определить, какая работа подходит человеку. (onedio.ru).

Структуру типа **2.1** имеют ок. 15% тестов из нашего материала

2.2. Побуждение адресата ответить на вопрос → адресат (автор, составитель) даст информацию о нем: $Xv_{1(impr)} Z \rightarrow Yv_{2(fin)} P(X)$ или $Xv_{1(impr)} Z_1 v_{3(fin)} P(X)$ (сложносочиненная конструкция):

варианты:

- Пройдите тест, и мы скажем о вас....:

ТЕСТ: ВЫБЕРИ СЛАДОСТИ, И МЫ УГАДАЕМ ТВОЙ ВОЗРАСТ (ellegirl.ru);

Тест: Выберите самую счастливую пожилую пару, а мы расскажем, каким будет ваше будущее (onedio.ru);

Тест: Легко определим кем вы работаете, если ответите на все вопросы *Отвечайте честно и не задумываясь на все вопросы этого теста. Ваши ответы, позволят нам определить к какому типу личности вы относитесь. Ведь по типу личности человека можно с большой вероятностью определить его профессию. Желаем удачи!* (realdealer.ru);

Тест: Ответьте всего на 6 вопросов, и мы поведаем, какой порок вы скрываете ото всех (onedio.ru).

- Ответьте на вопросы теста, и результаты скажут о вас ($v_1 \rightarrow v_3$)....:

Тест: Выберите иероглиф, и он расскажет, какой вы человек (onedio.ru);

Тест: Выбранная картинка расскажет, каким типом эмпатии вы обладаете *Внимательно посмотрите на эти узоры и выберите тот, который вам больше всех нравится. Это определит, какой вы эмпат, а также подскажет, как использовать свой уникальный дар.* (onedio.ru).

Структуру типа **2.2** имеют ок. 20% тестов из нашего материала.

III. Сложное высказывание с подчинительной структурой:

3.1.1. Условная структура:

Тест: Кто вы, если снять с вас маску, которую вы носите? (onedio.ru);

Тест: Какую карьеру вы могли бы построить, если бы жили в средневековье? (onedio.ru);

Тест на выживание – узнайте сумеете ли вы выжить в тайге или глухом лесу если заблудитесь? (s-zametki.ru);

Тест: что думали про вас соседи, если бы вы жили в СССР? (vibirai.ru).

3.1.2. Условная структура (разновидность **3.1.1**): Если вы ответите, вы – $P_1(X)$ (или: Если не ответите, вы – $P_2(X)$):

Если $Xv_1 \rightarrow X=P(X)$;

Если $X \text{ не-} v_1 \rightarrow X=P(X)$:

Тест: Вас можно назвать ходячей энциклопедией, если сможете набрать восемь правильных ответов (onedio.ru);

Если вы пройдёте этот тест хотя бы на 70%, то можете считать, что знаете понемножку обо всём (onedio.ru);

Тест: Если сможете закончить 13 крылатых фраз, то вы настоящий интеллигент (onedio.ru);

Тест: Если вы не узнаете десятку современных звезд, то вам пора садиться у подъезда и ругать молодежь (onedio.ru).

Структуру типа **3.1** имеют ок. 10% тестов из нашего материала

3.2. Дополнительная структура:

варианты: Скажите, знаете ли вы X, Проверим, знаете ли вы X, Проверим, сможете ли вы пройти тест и т. п.

Форма многих (с постпозитивным v_1) придаточных дополнительных является тавтологической и может быть опущена: *X ли ты?; ...и узнай, X ли ты;* а также: *Пройди тест и узнай, X ли ты* являются абсолютно синонимичными. В дополнительную структуру довольно легко трансформируются практически все подтипы типа I (**1.1**, **1.2**, **1.3**) (в этом отношении вообще сложно говорить о **3.2** как о самостоятельном типе, поэтому количественные данные малопоказательны):

Тест: Уверен, что знаешь как правильно пишутся эти слова? (ustaliy.ru);

Тест: узнай, есть ли у тебя чувство вкуса (*Автор – Ева Полуянова*) (dropi.ru);

Тест: Узнайте, что форма пальцев может рассказать о вашем характере (onedio.ru);

Этот тест в картинках покажет, насколько логично вы мыслите (adme.ru);

Тест: Получится ли у вас угадать, какая знаменитость не вошла в список самых сексуальных женщин 2018 года? (onedio.ru).

3.3. Цели: пройдите наш тест, чтобы узнать, насколько вы...: Xv_1 , чтобы $Xv_1 \rightarrow P(X)$

Этот редкий тип, как и предыдущий (**3.2**), как правило, семантически синонимичен подтипам типа I (**1.1**, **1.2**, **1.3**) и является отдельным типом только по форме:

Пройдите наш тест, чтобы узнать, насколько вы "майонезная душа"(onedio.ru);

Тест: Достаточно ли вы географические подкованы, чтобы назвать страну по фото с высоты птичьего полёта? (onedio.ru).

3.4. Определительная (по сути синтаксически осложненная разновидность **1.3**):

Психологический тест, который выявит вашу подосознательную личность (onedio.ru);

Тест, который поможет вам узнать свои скрытые таланты (infoniac.ru);

Психологический тест на познание себя, который расскажет о вас кое-что интересное (onedio.ru);

Интересный Тест по IQ на котором все спотыкаются (s-zametki.ru).

3.5. Другие типы представлены единичными примерами – ср.: придаточное подлежащее:

Тест: То, какое животное вы увидите первым, расскажет о вашей самой похвальной черте (onedio.ru);

Тест: Первое, что вы увидели, расскажет, насколько вы творческий человек (infoniac.ru).

Подчеркиваем: иногда это деление на типы имеет чисто формальный характер – ср. синонимичные заголовки, в которых в позицию субъекта выносятся адресат, адресант и аспекты адресата: *Форма твоего большого пальца поведает о твоём характере* (в позицию субъекта вынесен аспект/часть адресата (Z)); *По форме своего большого пальца узнаешь* (вариант – *узнай*) *о своём характере* (X); *По форме твоего большого пальца определим твой характер* (Y); *Выбери форму своего большого пальца, и мы скажем тебе о твоём характере* (сначала X, потом Y).

Лингвистические, стилистические и т. д. характеристики структуры T_{лн}:

• **Лексика:**

• метаинформативные глаголы (различая глаголы V₁, V₂, V₃, ставим глагол, соответственно, в форме 2-го, 1-го, 3-го лица):

V₁ (субъект – адресат (X): *скажите ответьте, (в)спомните, узнайте угадайте определите найдите разбираетесь предположите пройди тест сможете понять сверьте... заметьте...*);

V₂ (субъект – адресант (Y): *мы скажем, поведем определим / спорим, что мы определим, пойдем, угадаем/попробуем угадать узнаем, проверим расшифруем подберем тебе... (хобби)*);

V₃ (субъект – тест T_{СобОнл} (Z) или элементы его структуры (z₁, z₂, z₃, ...) (встречаются гораздо реже, чем V₁ и V₂): *тест скажет, ответы на вопросы теста поведает*);

• слово «тест»: оно используется в 95% заголовков, в том числе в абсолютном начале – в 89%; с двоеточием после – в 88%; после двоеточия текст начинается с большой буквы в 81% случаев;

• синонимы слова «тест» – слова «викторина», «головоломка», «загадка», «задача», «задача», а также общеизвестные аббревиатуры «ЕГЭ», «IQ»);

Сможете ли вы разгадать старинные русские *загадки*? *Все мы знаем, кто такой дед, что во сто шуб одет, и что это за груша, которую нельзя скушать. Выясните, сможете ли вы справиться с более мудрёными загадками.* (lifehacker.ru);

Сможете ответить на 15 вопросов из *ЕГЭ*? (ustaliyru);

Тест на *IQ*, от которого вскипает мозг (ktochtogderu).

• Экспрессивная лексика (в том числе экстремально-оценочная):

Тест: Выберите мандалу, и мы раскроем *интригующую* правду о вашей жизни (onedio.ru);

Тест: Сможете ли вы угадать фильмы по этим *умопомрачительным* комиксам от русского иллюстратора? Иллюстратор из Омска Иван Шаврин создает постеры к своим любимым фильмам *в невероятно крутом стиле!* Давайте проверим, сможете ли вы узнать картину по ее арту. Больше работ автора можете найти в его Инстаграме. (onedio.ru).

• **Жаргонизмы:**

Тест PEOPLETALK: *шаришь* в искусстве? (reopletalk.ru);

Узнайте, какая страна Европы подходит вам больше всего *Этот быстрый тест поможет вам узнать, в какой стране Европы вам будет отдыхаться (а может, и жить-пожизваться) лучше всего. Он может производить впечатление не совсем серьезного, но вы удивитесь, насколько точным окажется результат. Тыц на кнопку!* (tonkosti.ru);

Тест: *Слабо* узнать всеми любимые советские фильмы по эмоджи? (onedio.ru);

Тест на логику: Если вы его *завалите*, то у вас полностью отсутствует логическое мышление (onedio.ru);

Тест на вербальный интеллект, который проходят только эрудиты Тест, который проверяет уровень вербального интеллекта. Испытайте свой разум: пройдите 10 заданий за семь минут. *Погнали!* (progorodnn.ru).

• Наоборот, высокопарный стиль (отметим единичность таких примеров; в некоторых случаях это ирония):

Тест: можете ли вы распознать подсказки от Вселенной? *Как часто бывает, что после того, как беда уже случилась, вы понимаете: на самом деле были знаки не связываться в авантюру. Пройдите тест и узнайте, распознаете ли вы знаки свыше.* (vibirai.ru);

Тест: проверка на алкоголизм Нездоровая тяга к выпивке – это проблема, которую лучше решать в зародыше. *Дабы* избежать тяжелых последствий пройди тест и узнай, если ли у тебя зависимость. (Автор – Владимир Пьянов) (dgori.ru).

• Специальная терминология (тоже большая редкость, несмотря на то что тестов, претендующих на авторитетность, «научность» или отсылку к ним, немало):

Тест: Романтизация или *стигматизация*? Насколько адекватны ваши представления о психических заболеваниях (knife.media).

• Имена собственные (обычно автор теста, приводится в скобках после заголовка и анонса, реже – в других позициях в заголовке):

Тест: Какой у Вас склад ума? *Тест на склад ума позволит Вам лучше узнать себя и тип своего мышления. Вопросы составлены известным психологом Эриком Пигани, и они отличаются простотой. Возможно Вы оцениваете окружающую обстановку рационально.* (mamochka-club.com);

Сможете ли вы пройти тест *Струпа*? В психологии эффектом *Струпа* (англ. Stroop effect) называют задержку реакции при прочтении слов, когда цвет слов не совпадает с написанными словами (к примеру, слово «красный» написано синим). Эффект назван в честь Джона Ридли Струпа, впервые опубликовавшего этот тест на английском в 1935 году. Этот тест только на первый взгляд может показаться простым. На самом деле, 95% людей не проходят его! Удачи! (ustaliy.ru);

Тест: Ответь на 1 вопрос и узнай, какой ты человек по мнению *Анны Ахматовой* *Анна Ахматова* предлагала своим знакомым пройти небольшой тест, который она придумала, и потом составляла их психологический портрет. В тесте всего один вопрос, и, конечно, по нему нельзя составить полное мнение, но рациональное (sntch.com);

Тест на *Вассермана*: 15 сложных вопросов для гениев (*Екатерина Алферова*) (kto-chto-gde.ru).

• Частицы и вводные слова (в том числе разговорные):

Даже не всем филологам удастся правильно ответить на вопросы теста по литературе (onedio.ru);

Тест: Если сможете определить, где правда, а где ложь в этом тесте на знание человеческого тела, то вы *случаем* не врач? (onedio.ru);

Тест: Какая ты подруга *на самом деле*? (Маргарита Мишина) (ellegirl.ru);

Тест: Вы технар? *А* вы больше к гуманитарным или техническим наукам? Этот тест не только проверит ваши способности, но и расскажет вам, кто вы есть на самом деле. Удачи! (gorodberezniki.ru).

• в том числе – начальная частица «а» (с «вы»/«ты»):

Тест: *А вы* знаток химии? (cadelta.ru);

Тест: *А вы* умный? (sila-sibiri-rabota.ru);

Тест: *А ты* знаешь, какого цвета твоя душа? (ellegirl.ru);

Тест: *а вы* недотёпа или супермен? (vibirai.ru);

Тест: Вы какая личность? *А вам* интересно узнать, какая вы личность? Ответьте на все вопросы и узнайте результат. (inflife.ru).

• К средствам *нелексической экспрессии* в $T_{лн}$ относятся особенности композиции (особенно наличие левого контекста к слову «тест»), прецедентные тексты и иронические высказывания различных типов (наиболее частотное создание иронического образа адресата):

Тест-шутка: Любите ли вы жену? (edieta.org);
Мизантроп-метр *Как сильно ты ненавидишь людей?* (diletant.media);

Тест: Каким ты будешь в старости *Найди свое место на лавке у подъезда* (ustaliy.ru);

Тест: вы *знайка* или *незнайка*? (vibirai.ru);

Тест: у вас ум или умище? (vibirai.ru);

Тест: вы гений интернетсерфинга или только ленту умеете листать? (*Екатерина Алферова*) (kto-chto-gde.ru);

Тест: какая вы нечисть? (vibirai.ru);

ТЕСТ: КАКОЙ СМЕРТНЫЙ ГРЕХ УПРАВЛЯЕТ ТВОЕЙ ЖИЗНЬЮ? УГАДАЙ, КАКАЯ ТЫ ГРЕШНИЦА;) (ellegirl.ru).

Естественно, мы не всегда можем быть уверены, что перед нами юмористический заголовок: не исключено, что автор теста вполне серьезен, даже в таких «вопиющих» случаях:

Тест: Узнайте ваше предназначение (gornnisa.ru);

Тест: вы святой или грешник? (vibirai.ru);

Тест: А вы умный? (sila-sibiri-rabota.ru);

Тест: умнее ли ты европейца? (*Автор: Евгений Пьянов*) (dropi.ru);

Тест: сколько раз в жизни вы влюбитесь (chtoikak.ru).

• **Прецедентные тексты** довольно немногочисленны (возможно, потому что многие тесты взяты из иностранных источников с минимальной адаптацией):

Каждый охотник желает знать... Тест: Какой вы цвет радуги? (onedio.ru);

Тест: *Сто друзей или сто рублей?* (mamochka-club.com);

Тест на эрудицию: *кто тут самый умный?* (*Юлия Жильцова*) (dropi.ru);

Тест: вы *знайка* или *незнайка*? (vibirai.ru);

Тест. Умеешь ли ты правильно пользоваться смешными цитатами из советских кинофильмов? *Отличись умом и сообразительностью.* (*Александр Маленков*) (maximonline.ru).

• Слово «тест» не в начальной позиции заголовка (в том числе в анонсе):

Угадайте, для чего нужны эти вещи: *тест* (woman.gambler.ru);

Проверьте: сознателен ли ваш кот (*тест* для поднятия настроения) (zen.yandex.ru);

С помощью нашего *теста* попробуем угадать, какой вы по счёту в семье (onedio.ru);

Ваше образование ничего не стоит, если вы не наберёте в *тесте* хотя бы 9 из 10 (dropi.ru);

Угадай здание по шпилью *Сможешь ли ты, как бывалый турист, узнать здание по шпилью? И не спутать шпиль Свято-Троицкого монастыря со шпильем Солсберийского собора? Проверь себя – пройди тест!* (diletant.media).

Скажем несколько слов о *графических* средствах экспрессии $T_{лн}$ (пунктуация, капслок, НВКК и т. д.):

• Интересно, хотя далеко не последовательно используется вопросительный знак: он может относиться к собственно информации (сколько...? и т. п.), к личности адресата (справитесь? пройдете ли? сможете ли? и т. п.) (метавопрос). Вопросительный знак сразу превращает относительное местоимение в названии теста (которых вообще очень много) в вопросительное, но это может быть чисто формальная трансформация: *Какой вы разведчик? Какая вы фигура в шахматах? Какое вы время года? Какой у вас стиль мест?*..

• Восклицательный знак (редко и, кажется, еще менее последовательно, чем вопросительный знак):

Если сможете пройти тест на знание дореволюционной России, то вы знаете о нашей стране **ВСЕ!** (onedio.ru);

Тест: Угадайте героя фильма «Афоня» по цитате! (domkino.tv);

Тест на порядочность! (Елена Суркова) (zen.yandex.ru).

• Использование заглавных букв (практически всегда – на сайте ellegirl.ru; а также (реже) на некоторых других сайтах):

ТЕСТ: ОТВЕТЬ НА ОДИН ВОПРОС, И МЫ НАЗОВЕМ ТВОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ НЕДОСТАТОК. ПРЕДСТАВЬ, ЧТО УЖЕ ЛЕТО. ВИДИШЬ ПРЕКРАСНЫЙ ЦВЕТУЩИЙ САД? КТО ТЫ В НЕМ? (ellegirl.ru);

ТЕСТ: НАЗОВИ СВОИ ПРИВЫЧКИ, А МЫ СКАЖЕМ, КТО ТЫ – КОТИК ИЛИ ПЕСИК. КАК ЖЕ ИНОГДА ХОЧЕТСЯ ТРАНСФОРМИРОВАТЬСЯ В ЗВЕРЮШКУ И ОСТАТЬСЯ ДОМА. (Виктория Павленко) (ellegirl.ru);

ТЕСТ: КАКОЙ СТИЛЬ В ОДЕЖДЕ ТЕБЕ ПОДОЙДЕТ? ТЫ ЗА ФУТБОЛКУ С ДЖИНСАМИ ИЛИ ЗА ВЕЧЕРНЕЕ ПЛАТЬЕ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ? ПРОЙДИ НАШ ТЕСТ И УЗНАЙ! (ellegirl.ru).

• Двоеточие: обычно ставится после слова «тест» (гораздо реже в этой позиции точка или тире); после двоеточия текст идет с маленькой или большой буквы.

• Невербальные компоненты коммуникации: смайлы (обычно в конце текста):

Тест: Определим ваши генетические корни, основываясь на ваших ответах *Хотите узнать, откуда вы произошли? Тогда быстрее отвечайте на наши вопросы, и мы не заставим себя ждать с ответом :)* (onedio.ru);

ТЕСТ НА ГЛАЗАСТОСТЬ: НАЙДИ НА КАРТИНКЕ СКРЫТЫЙ ПРЕДМЕТ. Ты ведь знаешь, чем гениальный человек отличается от обычного? Нет? Он умеет разглядеть детали, на которые другие не обращают внимания! Хочешь проверить, насколько ты внимательная и наблюдательная? Найди скрытые предметы на этих картинках (их, кстати, рисует парень по имени Гергили Дудас, он же @thedudolf в инстаграме). Чтобы проверить себя, переверни картинку – на обратной стороне ответ ;) (ellegirl.ru).

2.2. Представляемый в $T_{лн}$ тест ($T_{Собонл}$)

• **Тематическую** характеристику (предметную, по сферам) и **тематическую** классификацию тестов, отобранных для новостного браузера, мы не даем; подчеркнем лишь – еще раз – их очень большую разнородность.

• Рассмотрим подробнее такой компонент $T_{лн}$, как **определение** $T_{Собонл}$, которое часто сопровождает слово *тест* в заголовке $T_{лн}$:

как уже было сказано, в данном определении сосредоточивается основная информация о тесте (цель, технические характеристики, оценка). Данное определение может быть согласованным или несогласованным представлять собой по форме придаточное предложение, а по содержанию – метафору, образ, олицетворение, иронию и т. д.; может использоваться нелитературная лексика.

Несколько примеров:

Интересный онлайн Тест: кем вы были в прошлой жизни – пройдите тест и узнайте свою возможную прошлую личность (s-zametki.ru);

Быстрый тест: какой у вас словарный запас в английском языке? Проверьте себя прямо сейчас (magazine.skyeng.ru);

Бытовой тест: Попробуйте угадать сроки годности продуктов, которые мы едим каждый день (onedio.ru);

Патриотичный тест: узнаете ли вы Россию? (Виктория Белошина) (kto-chto-gde.ru);

Математический тест на логику, который заставит вас пораскинуть мозгами! (ustaliy.ru);

Тест **на Вассермана:** 15 сложных вопросов для гениев (Екатерина Алферова) (kto-chto-gde.ru);

Тест **на знание всего обо всем:** Эрудированны ли вы настолько, чтобы пройти его без единой ошибки?! (onedio.ru);

Мистический тест: Кто ты – Ангел или Демон (edieta.org);

Тест **для знатоков литературы:** Под силу ли вам узнать города из произведений? Набрать в нашем тесте 9 из 9 под силу только книжным червям и действительно образованным людям! Проверьте себя? (onedio.ru);

Тест **по рисункам:** Кем вы были в прошлой жизни? (mamochka-club.com);

Тест **с изображениями:** Эмпат вы или нет? (edieta.org);

Эмоджи тест: Какой вы смайлик с сердечком (onedio.ru);

КиноТест: «А был ли здесь Никулин?» Для тех, кто любит и чтит память о Юрии Владимировиче Никулине, и не только для почитателей, мы составили тест под названием «А был ли здесь Никулин?» В тест вошли 10 вопросов с кадрами из кинофильмов. В некоторых фильмах Юрий Никулин снимался, а в некоторых нет. Попробуйте пройти тест и угадать. Если вы ответите правильно, ответ загорится зеленым цветом, если промахнетесь, – то красным. (zen.yandex.ru).

Данные определения делятся на группы:

а) (чаще всего) определение выражено прилагательным (в том числе качественным: *простой, сложный, незамысловатый*, включая «очень», превосходная степень с «самый...» и ЯИ типа: «ну очень сексуальный...»); носительные – разнообразнее и интереснее: *цветовой, визуальный, графический советский британский, городской, энергетический*; иногда – образные (*пушистый зимний*) и т. д.;

б) (объектно-субъектные характеристики): с предлогами «о...», «про...», «по...», «на...», «для...», «с...»: для абсолютных кошачников, для эрудитов, на ваше подсознание, на вербальный интеллект, на выживание, на глазасть, на глупость, на душевное равновесие, на измену, на лингвистическую интуицию, на литературное чутье, на логику, на мудрость, на порядочность, на пошлость, на правописание, на смекалку, на супер внимание (так!), на цвета, о генах и ДНК, по книгам, по рисункам...;

в) с суц. в род. пад.: «...дня», «...здоровья»;

г) с приложением («тест-предсказание», «тест-шутка», «тест дружба» (так!));

д) сложное слово с «тест» (в отличие от (г), слово «тест» в постпозиции): онлайн-тест (чаще всего), ребус-тест кинотест, автотест, фуд-тест, эмоджи тест, блиц-тест;

е) придаточное в качестве такого определения: «тест, который...» (тип 3.4 в параграфе 2.1);

ж) терминологические номинации: «ЕГЭ-тест», «IQ-тест»;

з) с именами собственными: «тест Люшера», «на Вассермана», «Сандры Липсиц Бем», «Джона Ридли Струпа», «Эрика Пигани»...;

и) ЯИ: мизантроп-метр, Монте-Кристо-метр

• Указательные местоимения «это...», «этот...», «эта...», «эти...» («все эти...») (данные местоимения – одно из наиболее очевидных средств связи $T_{лн}$ и $T_{СобОнл}$) (они могут относиться как к тесту (слову «тест») в целом, так и к отдельным элементам его структуры):

Кинотест: Угадайте из какого кинофильма *эти* героини? (zen.yandex.ru);

Тест: знаешь ли ты *эти* политические термины? (Автор: Владимир Пьянов) (dropi.ru);

Тест: Знаете ли вы, что на самом деле означают *эти* 13 слов? (adme.ru);

Тест: Выберите один из *этих* древних символов и получите ответы на волнующие вас вопросы (onedio.ru);

Тест на внимательность: Что не так на *этих* картинках? (adme.ru);

То, как вы отреагируете на *эти* фотографии, раскрывает вашу скрытую слабую сторону (onedio.ru).

• Метахарактеристика теста от составителей: прагматика, оценка, конкретизация заданий:

Самый сложный тест на знание фруктов, *который я проходил* (ustaliy.ru);

Тест: Какой вы котик? *Вы уже прошли миллион тестов про котиков, и вот вам миллион первый. Мы собрали цитаты известных авторов (и одного политического деятеля), которые очень любили котиков – от Иосифа Бродского до Юлии Кристевой.*

Выбирайте те, что вам по душе – ну или те, что кажутся знакомыми. Мяс! (theoryandpractice.ru);

Пройдите тест на общие знания и докажите, что вашей эрудированности можно позавидовать *Давайте в очередной раз проверим ваши знания в различных областях знаний. Можно ли будет вас назвать всесторонне развитым человеком?* (onedio.ru);

Тест на вербальный интеллект, который проходят только эрудиты Тест, который проверяет уровень вербального интеллекта. Испытайте свой разум: *пройдите 10 заданий за семь минут.* Погнали! (progorodnn.ru);

Тест: узнай уровень своей самооценки Как правило, в обществе не жалуют людей с переоцененным самооценением, тех, у кого до небес завышена самооценка. Но и их противоположностей, забытых в угол нытиков, тоже никто любит. *Выходит, самым правильным будет занять место посередине, чтобы считаться нормальным.* (wmj.ru)

2.3. Адресат ~ Адресат:

Обращение к адресату на «ты» и на «вы» в количественном отношении приблизительно совпадают. Обращение на «вы», как правило (но не всегда), имеет место в более серьезных текстах, требующих профессионального внимания.

• Идентификация адресата (иногда с косвенным комплиментом):

Тест: *немногие* смогут узнать художника по портрету (Екатерина Алферова) (kto-chto-gde.ru);

Тест: *Далеко не каждый* сможет узнать всех этих политических деятелей, *а вы?* (onedio.ru);

Тест на Вассермана: 15 сложных вопросов *для гениев* (Екатерина Алферова) (kto-chto-gde.ru);

Правда или ложь: Тест про нашу планету, который *пройдет на отлично даже семиклассник, а что насчет вас?* (onedio.ru);

Тест по географии: справятся *только путешественники* (kto-chto-gde.ru);

Тест: *А не алкоголик ли вы часом?* Проверьте себя, пока еще не поздно (onedio.ru).

• Вертикальная дифференциация: адресат как подчеркнутый эрудит:

Тест *для людей с высоким IQ* (edieta.org);

Тест *для эрудитов*: Как хорошо вы знаете великих изобретателей? (infoniac.ru);

Тест *для умников и умниц*: сложные вопросы (Светлана Лисицына) (kto-chto-gde.ru);

Тест *для отличников школьных знаний* (edieta.org);

Тест *для истинных знатоков истории*: Угадайте диктатора по поступку (onedio.ru);

Тест *для гения*: *Сможешь правильно ответить на все вопросы?* (ustaliy.ru).

• Дифференциация адресата по социальной группе (горизонтальная) (но иногда с интенсификатором «для настоящих...» и подоб.):

Легенды советской эстрады. Тест *для рожденных в СССР* (ustaliy.ru);

Тест *для веганов* (edieta.org);

Тест *для киноманов*: Сможете ли вы узнать героя фильма лишь по его глазам? (onedio.ru);

Тест *для поттероманов*: Угадайте персонажей "Гарри Поттера" по эмодзи (onedio.ru);

Тест *для дачников и огородников*: Угадайте овощ или фрукт по его рассаде (s-zametki.ru);

Сложный тест на знание музыкальных новинок *Сколько современных песен и треков вы знаете? А с исполнителями знакомы? У нас есть 15 сложных вопросов исключительно для заядлых меломанов. Новые хиты появляются один за одним, а мы даже не успеваем отслеживать, как они становятся знаменитыми. Проверьте себя на знание некоторых треков, снижавших популярность и признание в кругах юных слушателей.* (kto-chno-gde.ru);

Тест *для абсолютных кошачников*: Что вы знаете о кошачьей географии? (onedio.ru).

• Гендер адресата (как и следовало ожидать, маркируется обычно женский пол) (при этом маркированность по полу может быть грамматической («Смогла ли бы ты...»), «Насколько ты закомплексована?»), лексической («Ты девочка, женщина или баба?», «Какой царицей вы могли бы быть») или семантической – по контексту («Какой муж тебе подходит», «Мотааете ли вы нервы мужу?»)):

Тест: Опиши свой день, и мы расскажем, *какая ты девушка* (onedio.ru);

Тест: кто крадет *вашу женскую* энергию (woman.rambler.ru);

Тест: насколько ты *феминистка*? (Автор – Ева Полуянова) (dropi.ru);

Тест: насколько вы *истеричка*? (vibirai.ru);

Тест: какая вы *феечка* «Винкс»? (vibirai.ru);

Тест: какой знаменитой *царицей* вы могли бы быть? (passion.ru);

Тест: Умеете ли вы быть *счастливой*? (mamochka-club.com);

Тест PEOPLETALK: насколько ты *закомплексована*? (peopletalk.ru);

Тест: смогла бы ты стать *бьюти-блогером*? (peopletalk.ru);

Тест: Какой тип мужчин вы *привлекаете*? (edieta.org);

Тест: Мотааете ли вы нервы мужу? (mamochka-club.com);

Тест: Какой *парень* тебе нужен? Скромняга или бунтарь? (Юлия Шакирова) (ellegirl.ru).

• Управление адресатом:

• через этикетные формулы, фразеологизмы (включая разговорные), риторические вопросы и подоб.:

Тест: Вы технарь? А вы больше к гуманитарным или техническим наукам? Этот тест не только проверит ваши способности, но и расскажет вам, кто вы есть на самом деле. *Удачи!* (gorodberezniki.ru);

Тест № 32: *Мы Вам* начало цитаты из советского фильма "Бриллиантовая рука" а *Вы нам* – окончание! *Справитесь?* (zen.yandex.ru);

Тест: Так ли богат ваш словарный запас, *как вам кажется?* (onedio.ru);

Тест, который проверит вас на сообразительность и логическое мышление *Перед вами 7 непростых вопросов, правильно ответить на которые смогут только те, чей IQ выше 150. Ну что, готовы принять вызов?* (onedio.ru).

• При этом этикет (например обращение) может оборачиваться своей противоположностью – антиэтикетом, когда осмысливается иронически:

Тест: Какой из вас дворянин? Сейчас посмотрим, насколько вы образованы и рассудительны, *ваши благородие*. (knife.media);

Сможете продолжить фразу? *Цитаты известных русских людей С помощью этого познавательного теста можно обогатить свой арсенал известных высказываний, когда-то прозвучавших из уст знаменитых соотечественников. Проверьте, какие из фраз вам знакомы, а о каких вы сможете догадаться по смыслу. Богатство русского языка сохраняется, когда мы применяем в жизни культурное наследие языка! Готовы блеснуть эрудицией?* (shkolazhizni.ru).

• Compliments (прямые):

Тест для *гения*: Сможешь правильно ответить на все вопросы? (ustaliy.ru);

Если сможете пройти тест на знание дореволюционной России, *то вы знаете о нашей стране ВСЕ!* (onedio.ru);

Тест: То, какое животное вы увидите первым, расскажет *о вашей самой похвальной черте* (onedio.ru);

Тест: Вы легко сможете пройти этот тест на знание оперы, *если у вас утонченный вкус* Сможете отгадать композитора по произведению? (onedio.ru).

• «Антикомплименты»: провокационные высказывания разных типов и интенсивности (как уже было сказано, они далеко не обязательно противоречат общей привлекательности теста/Т_{пн} для адресата):

Тест: *Какой ты псих?* Небольшой тест определит какой ты псих:) Тест скорее шуточный чем медицинский. Всем известно, что нет людей здоровых, есть плохо обследованные. Ответив на несколько несложных вопросов вы сможете узнать, к какому психическому расстройству вы склонны. Конечно, результат этого теста нельзя серьезно рассматривать, как медицинский диагноз, также он не является оправданием на суде. (mamochka-club.com);

Тест: Мы знаем, когда ты обычно начинаешь тупить. А заодно подскажем, как выйти из ступора; (ellegirl.ru);

Тест: насколько вы *позорны* как собеседник? (vibirai.ru);

Тест: *ты идиот или гений?* Не важно, как ты учился в школе и институте! Главное, как хорошо работает твой мозг! (Автор – Владислав Королев) (dropi.ru);

Тест: насколько вы *истеричка*? (vibirai.ru);

Тест: а вы сошли с ума или нет? (vibirai.ru).

• Иногда (редко) встречается политическая провокационность:

Тест: на кого вы похожи – на Сталина или на Гитлера? *Крупнейшие фигуры в истории 20-го века. Вокруг них не утихают споры и вряд ли когда-нибудь утихнут. А на кого больше похоже вы? На главу Советского Союза или фашистской Германии?* (vibirai.ru);

Тест: понравится ли вы Путину? *Есть ли у вас общие интересы с президентом Российской Федерации? Будет ли вам о чём поговорить, если вы вдруг встретитесь в неформальной обстановке? Ответы вас ждут в этом тесте!* (vibirai.ru);

Тест: умнее ли вы Дмитрия Медведева? *Дмитрий Анатольевич – не просто политик. До начала своей политической карьеры он успел защитить диссертацию, поработать преподавателем в Санкт-Петербургском государственном университете и даже поучаствовать в написании учебника. Учитывая уровень IQ Дмитрия Анатольевича мы выбрали вопросы, над которыми бы пришлось задуматься даже премьер-министру. Предлагаем проверить силы своего интеллекта и сравнить свои ответы с ответами известного политика. (Автор: Владимир Пьянов)* (dropi.ru).

2.4. Количественные данные (начальные)

Следующий этап – попытка установить количественную (статистическую) связь прагматического типа $T_{лн}$, с одной стороны, с тематической сферой теста ($T_{СобОнл}$), с другой – формальной структурой заголовка (экспрессивная лексика, жаргонизмы (книжную лексику и профессионализмы не рассматриваем по причине их очень малой представленности в нашем материале), фразеологизмы (в том числе в анонсе теста, а не только в заголовке), частицы, междометия, вводные слова, наличие левого контекста (слово «тест» не в начале заголовка) и согласованных и несогласованных определений к слову «тест», причастия и деепричастия и т. д., а также юмористические заголовки). Конечно, такие попытки должны предприниматься с большой осторожностью, тем более что и содержательный, и формальный типы $T_{лн}$ относительно, как было показано выше (некоторые прагматические типы $T_{лн}$ можно рассматривать как формальные варианты друг друга).

Ниже будут представлены в виде таблиц (табл. 1 и 2) некоторые статистические соответствия. Комментарий к ним мы пока сознательно не даем, дадим только несколько пояснений по методике статистической обработки материала.

Прежде всего, эта задача требовала очень большой механической работы, а в результатах мы вовсе не были уверены. Поэтому мы проводили расчеты не для всех 1500 примеров нашего списка, а только для

300 первых, взятых оттуда произвольно. Если результаты покажутся в чем-то интересны, исследование будет продолжено.

В содержательном отношении наиболее противопоставлены два условных типа – познавательные и развлекательные тесты. К познавательным могут быть отнесены, например, тесты на темы психологии, литературы, кино и музыки, (сравнительной) культурологии и страноведения, медицины, техники, а также педагогические тесты (ЕГЭ, IQ). Что касается развлекательных тестов – а их, как уже было сказано, абсолютное большинство, – конкретные темы или сферы выделить гораздо труднее (например, такие как юмор, ЯИ, «желтые» темы): большинство таких тестов нацелены исключительно на приятное времяпрепровождение (анalogии – ребусы, кроссворды). Отметим лишь, что психологическое удовольствие от теста может заключаться и в отнесении себя к какой-либо классификации (возможные классификации чрезвычайно многообразны и иногда очень неожиданны: это могут быть далеко не только классификации людей, но и животных, растений, персонажей литературы и кино, фантастических и мистических существ, стран, минералов, артефактов, мелодий, химических элементов и т. д.); естественно, источником удовольствия является похвала – см. ниже о тестах-комплиментах; но может доставить удовольствие и юмористический антикомплимент; многие тесты предлагают вспомнить прошлое – эпоху СССР и раньше, – перенестись в воображаемый мир художественных произведений, фильмов и т. д., тем самым получить удовольствие от всего этого. В нашем материале познавательные тесты составляют всего ок. 10% (притом, что конкретных тематических групп здесь, наоборот, выделяется гораздо больше); если расширить материал до всех, содержащих хотя бы элементы «настоящей информативности» (например, включить сюда псевдопсихологические, шуточно-психологические и шуточно-культурологические тесты), их количество увеличится примерно втрое – до 30%, но не более

В табл. 2 приведены абсолютные количественные показатели, в табл. 1 данные переведены в проценты. Из-за того что, как уже было сказано, и содержательный, и формальный типы $T_{лн}$ относительно (один и тот же пример может быть отнесен одновременно к двум прагматическим типам, например **1.3** и **3.4**, **2.1** и **3.2**, **2.2** и **3.2**, как и одновременно к двум темам, таким как психология и сравнительное страноведение, литература и педагогика (ЕГЭ)), количество процентов в обеих группах может превышать сто. Тип **3.5**

Таблица 1 / Table 1

Распределение прагматических типов $T_{лн}$ по тематическим сферам (процентное)Distribution of pragmatic types of $T_{лн}$ by thematic areas (percentage)

Типы $T_{лн}$	Темы/сферы								
	Познавательная						Развлекательная		
	Психология	Литература, кино, музыка	Культурология, страноведение	Педагогика (ЕГЭ, IQ)	Медицина	Техника	Тест – приятное времяпрепровождение	Юмор, ЯИ	«Желтые» темы
1.1 (1.1.1–1.1.6)	25	1	0,5	1	1	1	60	20	10
1.2 (1.2.1–1.2.2)	40	40	20	30	5	5	5	15	5
1.3	25	25	25	10	10	1	30	15	3
2.1	40	40	30	30	15	5	25	15	4
2.2	40	40	30	30	15	5	25	15	2
3.1 (3.1.1–3.1.2)	40	10	15	30	5	5	30	20	5
3.2	40	40	30	30	15	5	25	15	5
3.4	25	25	25	10	10	1	30	15	4

Таблица 2 / Table 2

Распределение лингвистических характеристик заголовков по типам $T_{лн}$ Distribution of linguistic characteristics of headings by $T_{лн}$ types

Типы $T_{лн}$	Лингвистические особенности								
	Экспрессивная лексика	Жаргонизмы	Частицы, междометия, вводные слова	Фразеологизмы (в том числе в анонсе)	Наличие левого контекста	Согласованные определения к слову «тест»	Несогласованные определения к слову «тест»	Причастия, деепричастия	Юмористические заголовки
1.1 (1.1.1–1.1.6)	6	1	15	1	9	20	17	5	6
1.2 (1.2.1–1.2.2)	–	–	34	–	–	12	8	–	4
1.3	1	–	–	–	–	8	9	–	–
2.1	–	–	–	1	7	18	13	–	1
2.2	–	–	–	–	–	9	3	–	–
3.1 (3.1.1–3.1.2)	1	–	13	2	–	13	7	–	8
3.2	–	–	14	–	–	6	5	–	–
3.3	–	–	10	1	3	4	5	2	1
3.4	–	–	5	–	–	5	4	–	–
Всего	8	1	91	5	19	94	71	7	20

не включаем в таблицу из-за его малочисленности.

Абсолютные количественные показатели в табл. 2 рассчитывались так: всего, повторяем, было взято 300 $T_{лн}$. Например, экспрессивных лексем среди этих 300 встретилось 8, из них 6 – в типе **1.1**, и по одному – в типах **1.3** и **3.1**; жаргонизм встретился один – в типе **1.1**. Частицы, междометия, вводные слова (вместе) – 114, и т. д. Тип **3.3** табл. 1 не даем из-за его малой доли в материале, а в табл. 2 даем, т. к. он содержит некоторые интересные лингвистические характеристики (большое количество частиц именно в данном типе).

По табл. 1: интересно, что наиболее распространенный структурный тип **1.1**, на который в общем объеме нашего материала приходится (со всеми разновидностями, т. е. подтипами **1.1.1 – 1.1.6**) до 60–70%, явно менее востребован в содержательной группе, которую мы охарактеризовали как «познавательную» или «информативную» – всего ок. 30%. Видимо, усиление фактора адресата (**X** и **P(X)**), который находится в центре структуры типа **1.1**, ассоциируется скорее с усилением развлекательности, чем наоборот. Зато доля структурных типов, центром которых является объект (**O**) – типов **1.2.1** и (особенно) **1.2.2** и **1.2.3**, а также **1.3** наоборот, здесь больше, особенно на фоне относительно малой их представленности в целом материале.

Еще более скромными оказались результаты попытки установить количественную (статистическую) связь прагматического типа $T_{лн}$ с формальной структурой заголовка. Наш материал – повторяем, 300 первых примеров нашего списка, взятых оттуда произвольно, – фактически не позволил выявить каких-либо закономерностей, и есть сильные сомнения в научной ценности такого анализа. Единственным выявленным результатом можно считать, пожалуй, только самое большое лингвистическое многообразие типа **1.1** (со всеми разновидностями, т. е. подтипами **1.1.1 – 1.1.6**), но это вообще самый многочисленный тип, поэтому результат малоинформативен.

Обращает на себя внимание слабая степень привязанности юмористических тестов к структурным характеристикам заголовков: как видим, процентные показатели достаточно постоянные (в пределах 15–20% от общего количества тестов), независимо от прагматического типа $T_{лн}$.

Характеризуются относительным постоянством в этом отношении и такие темы, как техника, а также «желтые» темы, но в этих случаях утверждать что-либо с уверенностью труднее из-за общей малочисленности тестов на данные темы.

3. Заключение

Как уже было сказано, ответа на вопрос о том, является ли $T_{лн}$ речевым жанром, мы принципиально не даем. Однако наше исследование выявило ряд, как представляется, значимых закономерностей в информационно-прагматической и лингвистической структуре данного явления; в некоторых случаях существование данных закономерностей было подтверждено количественными данными; в некоторых случаях были предложены посильные соображения о причинах закономерностей.

Показано, что выявленные структурные, лингвистические особенности являются производными от функций $T_{лн}$, важнейшими из которых являются донесение информации о тесте и привлечение внимания к нему, для чего текст $T_{лн}$ должен апеллировать к полезности теста для адресата и самоидентификации и личностной значимости адресата, а также исключительности предлагаемой информации. Способствует выполнению функций $T_{лн}$ также динамика образа адресата, в создании которого особенно значимым является соотношение лояльности, этикета/антиэтикета, комплиментов/антикомплиментов и т. п.

Еще раз подчеркиваем комплексный характер нашего исследования, обусловленный тоже комплексной (сложной, внутренне неоднородной) природой обоих объектов – и $T_{СобОнл}$ (кроме языковой, текстовой и коммуникативно-речевой сторон есть очень важные технические (процедурная), рекламная, психологическая стороны; кроме вербальной составляющей – важная невербальная), и $T_{лн}$ (несмотря на ограниченный, локальный его характер, по сравнению с $T_{СобОнл}$, $T_{лн}$ является частью структуры не только $T_{СобОнл}$, но и контент-агрегатора, интернет-СМИ, интернет-коммуникации и интернет-жанров, а также рекламной коммуникации, перенимая ряд особенностей их природы, структуры функций).

Всё это потребовало от нас привлечения принципиально гетерогенных методик анализа – в результате, с одной стороны, исследование с неизбежностью имело несколько недостаточного системного даже хаотичный характер, с другой – некоторые аспекты, вероятно, были рассмотрены недостаточно глубоко и полно.

Объектом, для прояснения которого, как представляется, наше исследование имеет самую большую ценность, является новостной браузер, способы его представления и структура (а именно со странички новостного браузера начинается любую интернет-коммуникацию, и с ней фактически больше всего имеет дело любой интернет-пользователь).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 119–127.
2. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
3. Дементьев В. В. Рубрика «Послания» в газете бесплатных объявлений 1990-х гг.: к вопросу о предшественниках и истоках интернет-коммуникации // *Русская речь*. 2019. № 2. С. 69–93.
4. Дементьев В. В. Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы // *Жанры речи*. 2017. № 1 (15). С. 118–135. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-118-135>
5. Елина Е. Г., Фризен М. А. «Новая грамотность», «новая неграмотность» и речевые жанры // *Жанры речи*. 2018. № 3 (19). С. 168–171. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-168-171>
6. Интернет-коммуникация как новая речевая форма / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта: Наука, 2012. 328 с.
7. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 238 с.
8. Шурина Ю. В. Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. Чита: Забайкальск. гос. ун-т, 2015. 223 с.
9. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
10. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // *Language@Internet*. 2007. № 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. URL: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (дата обращения: 06.07.2015).
11. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication // *The Rutledge handbook of language and digital communication* / eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti L.: Rutledge. 2015. URL: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (дата обращения: 06.07.2015).
12. Ihlstrom C. *The Evolution of a New(s) Genre: Doctoral Dissertation*. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Goteborg University. Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.

REFERENCES

1. Goroshko Ye. I., Polyakova T. L. To the construction of a typology of social media genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2(12), pp. 119–127 (in Russian).
2. Dementyev V. V. Genres in Changing World: Creational Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1(21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
3. Dementyev V.V. “Messages” Column in the Free Ads Newspaper of the 1990s: On the Question of the Precursors and Origins of Internet Communication. *Russian Speech*, 2019, no. 2, pp. 69–93 (in Russian).
4. Dementyev V. V. Internet Anecdotes: Some Structural Types. *Speech Genres*, 2017, no. 1(15), pp. 118–135 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-118-135>
5. Elina E. G., Frisen M. A. “New Literacy”, “New Illiteracy” and the Genres of Speech. *Speech genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 168–171 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-168-171>
6. T. N. Kolokol'tseva, O. V. Lutovinova, eds. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation.]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 328 p. (in Russian).
7. Shchipicina L. Yu. *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoj kommunikacii* [Genres of computer-mediated communication]. Arhangel'sk, Pomor. un-t, 2009. 238 p. (in Russian).
8. Shchurina Yu. V. *Rechevyye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Comic speech genres in modern mass communication]. Chita, Transbaikalsk. gos. un-t, 2015. 223 p. (in Russian).
9. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 272 p.
10. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007, no 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. Available at: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (accessed July 6 2015).
11. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication. In: A. Georgopoulou, T. Spilloti, eds. *The Rutledge handbook of language and digital communication*. London, Rutledge, 2015. Available at: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/hldc.pdf> (accessed July 6 2015).
12. Ihlstrom C. *The Evolution of a New(s) Genre: Doctoral Dissertation*. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Goteborg University. Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дементьев В. В. Онлайн-тесты в новостном браузере: лингвистические и речевые характеристики // *Жанры речи*. 2020. № 1 (25). С. 62–78. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-62-78>

For citation

Dementyev V. V. Online Tests in the News Browser: Linguistic and Speech Genre Characteristics. *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 62–78 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-62-78>

Поступила в редакцию: 17.08.2019 / Принята: 01.09.2019 / Опубликовано: 02.03.2020

Received: 17 August 2019 / Accepted: 01 September 2019 / Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

УДК 811.161.1'37

ББК 81.2Рус

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-79-83>**Н. В. Орлова**
Омск, Россия**Natalia V. Orlova**
Omsk, Russia

**Совокупность жанров как система:
Рецензия на монографию
М. А. Кантуровой, Т. И. Стексовой
«Производительность и вариативность речевых
жанров» (Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т,
2019. 128 с.)**

**The Set of Genres as a System:
Review of the Monograph by M. A. Kanturova,
T. I. Steksova “Productivity and Variability
of Speech Genres” (Novosibirsk: Novosibirsk State
Pedagogical University, 2019. 128 p.)**

Рецензия является откликом на выход в свет монографии М. А. Кантуровой и Т. И. Стексовой «Производительность и вариативность речевых жанров». Авторы представляют русскоязычное речезанровое пространство как сложно устроенную нежесткую систему, единицы которой связаны между собой отношениями производности и вариативности. Актуальность исследования обосновывается необходимостью в разработке моделей, обобщающих многочисленные эмпирические наблюдения над структурой и функционированием отдельных жанров и групп жанров. Распространение теории деривации на внутрижанровые и межжанровые отношения приводит авторов к продуктивной идее деривационной цепочки речевых жанров (по аналогии со словообразовательной деривационной цепочкой), разграничению мутации и модификации жанров и ряду более частных положений, адаптирующих системно-языковые отношения к объекту речевой природы. Выделяются и описываются четыре разновидности вариативности: вариативность как результат производности, реализация инварианта, разные воплощения жанровых признаков и вариативность в плане интерпретации. Исследование выполнено на материале жанров, принадлежащих к бытовой, профессиональной, политической, художественной сферам речи.

Ключевые слова: речевой жанр, системность, производительность (деривация), мутация, модификация, вариативность.

The review is a response to the publication of the monograph by M. A. Kanturova and T. I. Steksova “Productivity and variability of speech genres”. The authors represent the Russian speech-and -genre space as a complicated non-rigid system, the units of which are interconnected by the relations of derivation and variability. The relevance of the study is justified by the need to develop models that summarize numerous empirical observations on the structure and functioning of individual genres and groups of genres. Spreading the theory of derivation into the relationships inside the genres and between the genres leads the authors to the productive idea of the derivational chain of speech genres (similar to the word-formation derivational chain), differentiation of mutations and modifications of genres and a number of more specific provisions that adapt system-language relations to the object of speech nature. The authors distinguish and describe four types of variability: variability as a result of derivation, invariant realization, different incarnations of genre traits, and variability in terms of interpretation. The study is based on genres belonging to everyday, professional, political spheres and fiction.

Keywords: speech genre, systematic character, production (derivation), mutation, modification, variability.

Сведения об авторе: Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: nvorl@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

About the author: Orlova Natalia Vasilyevna, Doctor of Philology, Professor of Russian, Slavic and Classical Linguistics Department.

Place of employment: F. M. Dostoevsky Omsk State University.

E-mail: nvorl@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Актуальность исследования, представленного в монографии М. А. Кантуровой и Т. И. Стексовой [1], определяется современным состоянием теории речевых жанров, которое в научном сообществе оценивается неоднозначно [2, 3: 248, 4: 6]. Несомненно, русистика приближается к созданию энциклопедии речевых жанров [5]. Эта масштабная задача, поставленная Т. В. Шмелевой в конце прошлого века, успешно решается через обращение к отдельным жанрам и группам близких жанров. На рубеже XX–XXI вв. были созданы, а в последующие годы многократно апробированы, в том числе на материале новейших форматов, несколько моделей описания жанра: [6, 7, 8] и др. В ситуации «перевеса» эмпирических исследований ощущается необходимость в теоретических прорывах, один из которых видится в дальнейшей разработке вопроса о «месте жанра в речевой системности» [3: 77–103] и природе жанровой системности как одного из воплощений системности речи.

В результате аналитических обзоров научной литературы по проблемам деривации и варьирования М. А. Кантурова и Т. И. Стексова определяют исходные теоретические позиции. Во-первых, системность межжанровых и внутрижанровых отношений авторы справедливо видят в иерархичности (жанр – компонент вертикальной иерархии), структурированности (жанры могут быть охарактеризованы и типизированы по ряду признаков) и в наличии разных типов связи между элементами, в частности вариативности и производности [1: 11–12]. Во-вторых, оппозиция первичных/вторичных речевых жанров М. М. Бахтина рассматривается как основа для развития идеи о непрерывном процессе жанрообразования. М. А. Кантурова и Т. И. Стексова пишут: «...переход жанра из бытовой сферы общения в другую сферу может быть лишь первым этапом цепочки его превращений» [1: 10]. В-третьих, для излагаемой концепции существенно, что в истории изучения деривационных отношений в сферу производности включалось не только словообразование, но и словоизменение [9]. Соответственно, с точки зрения авторов, деривация затрагивает как межжанровые, так и внутрижанровые процессы. Широкий подход к деривационным отношениям проявляется также в принятии положения, согласно которому производная единица не обязательно характеризуется большей сложностью, чем исходная.

Закономерно, что теория деривации (производности), первоначально описывающая словообразовательные [9] и синтаксические [10] отношения, затем отношения между текстами [11, 12, 13], в монографии М. А. Кантуровой

и Т. И. Стексовой распространяется на область речевых жанров. По аналогии с понятием словообразовательной цепочки авторы вводят понятие деривационной цепочки речевых жанров.

Ключевым моментом деривационного сегмента концепции, во многом обуславливающим её новизну, является параметризация оснований для выделения типов деривации. Взяв за основу известную «анкету речевых жанров» Т. В. Шмелёвой [6], М. А. Кантурова и Т. И. Стексова адаптируют её для целей исследования, в частности вводят дополнительный параметр принадлежности жанра к той или иной сфере функционирования. Принятое в жанроведении положение об особой роли коммуникативной цели/функции жанра позволяет авторам разграничивать модификацию и мутацию. Сохранение функции является условием сохранения жанра (жанр модифицируется), в то время как изменения по данному параметру, как правило, приводят к образованию нового жанра (жанр мутирует).

С последовательным учётом ряда других параметров обоснованно выделяются разновидности и механизмы каждого из типов деривации. Мутация, согласно М. А. Кантуровой и Т. И. Стексовой, протекает как преобразование двух и более жанров в один либо как трансформация исходного жанра. Так, в монографии убедительно показано, что совет и бытовой рассказ преобразуются посредством деривационного механизма контаминации в жанр кулинарного рецепта и жанр инструкции [1: 38], в то время как медицинский рецепт – результат трансформации совета, в том числе медицинского. На примере медицинского рецепта авторы демонстрируют, что для трансформации жанра как разновидности мутации «недостаточно изменения одного параметра (сферы общения) – требуется изменение как минимум нескольких жанрообразующих признаков» [1: 40].

Самостоятельную ценность имеет разработка вопроса о вторичной мутации жанров и в целом идея потенциальной бесконечности деривации в этой области. Наблюдения, касающиеся вторичной мутации жанра в художественном тексте, могут оказаться полезными для таких смежных с лингвистикой областей, как теория дискурса (в монографии представлены разные формы интердискурсивности) и литературоведение (прослеживается, как интердискурсивность проявляется в постмодернистских текстах). Описание вторичной мутации жанра в политическом дискурсе лингвистически точно вскрывает механизмы ухода от ответственности и является интереснейшим материалом для анализа речевого воздействия и речевого манипулирования.

Оригинально решается вопрос о ядерно-периферийном устройстве речевого жанра. Авторы разграничивают «кристаллизующую» и «размывающую» модификацию, при этом производные жанры первой разновидности они относят к ядру жанра, второй – к периферии. Основанием разграничения является, соответственно, уменьшение либо увеличение вариативности воплощения жанрообразующих признаков.

Столь же нетривиальным является и вариантологический сегмент концепции. Вариование жанров как теоретическая и прикладная проблема неоднократно привлекала внимание лингвистов [14, 15], в том числе в самое последнее время (см. защищенную в 2018 году докторскую диссертацию Т. Г. Рабенко, выполненную на материале жанров естественной письменной речи – личного письма, личного дневника и личной записки [16]). В концепции М. А. Кантуровой и Т. И. Стексовой понятие варьирования распространяется на разные стороны содержания, формы, функционирования жанров. Оно включает модификации жанра при смене дискурса, соотношение инвариант – равноправные варианты внутри дискурса, варьирование поверхностно-речевого уровня реализации жанра, а также разные варианты его рецепции адресатом. Включение последнего аспекта в описание проблем жанровой системности вполне закономерно. Возможность разной жанровой интерпретации полиинтенционального текста (в монографии в качестве примера приводятся реакции на устный монолог политика В. В. Жириновского) отвечает коммуникативной реальности и природе речевого жанра, который в естественных условиях функционирования может выглядеть «размытым» и, как следствие, по-разному идентифицироваться. Авторы монографии не используют эксперимент или опрос – они фиксируют комментарии к выступлению политика с глаголами «угрожает», «обещает», «обвиняет», «оскорбляет» и т. д. [1: 108–114]. Тем не менее можно сказать, что в данном сегменте монографии прагматический подход к объекту дополняется психолингвистическим, ибо, по сути, происходит обращение к «субъективному» (в смысле Л. В. Щербы) методу идентификации жанра.

В вопросах реконструкции отношений между объектами коммуникативной природы важен уровень формализации описания. Здесь он, на наш взгляд, оптимален. М. А. Кантурова и Т. И. Стексова хорошо осознают, что системность речевых образований, к которым относится речевой жанр, заведомо не может быть жесткой (вариативность квалификации

жанра, о которой говорилось выше, является тому свидетельством). С другой стороны, исследование показало, что жанровая системность поддается моделированию на основе категорий, введенных в лингвистику для описания отношений языковых единиц. И в данном случае понятия модификации, мутации, преобразования, трансформации, контаминации, компрессии и некоторые другие имеют объяснительную силу, отвечают интуитивным представлениям исследователя о жанрах в их ядерных, периферийных, пограничных реализациях.

Рецензия предполагает критические замечания. Попробуем трансформировать (не модифицировать!) этот жанр в пожелания и соображения дискуссионного характера. Знакомство с любой дедуктивной теоретической моделью побуждает к поиску различных путей её верификации. В монографии для подтверждения собственных интерпретаций авторы регулярно обращаются к научному контексту, в котором с разных позиций рассматривается тот или иной жанр. Это обычная и, разумеется, оправдывающая себя практика, позволяющая рассмотреть по принципу дополнительности аргументацию коллег. Дальнейшим шагом может стать более последовательное обращение к жанровому сознанию носителей языка с помощью разработанных для этих целей процедур, возможно экспериментального плана. Было бы интересно проследить за жанровыми решениями русскоговорящих в случае изменения коммуникативной функции речевого произведения, изменения сферы его употребления при сохранении других признаков, наследования цели при значительном изменении других признаков и т. д. (в перечисление вошла часть обсуждаемых в монографии факторов деривации).

В единичных случаях вызывают сомнения конкретные решения. Так, если исходить из принятой авторами иерархии признаков, влияющих на характер деривационных процессов, то лозунг и слоган скорее разные жанры: их функции не совпадают, кроме того, они различаются по признаку «образ автора» и некоторым другим [1: 100].

В заключение выразим уверенность, что изложенная в монографии М. А. Кантуровой и Т. И. Стексовой концепция производности и вариативности речевых жанров будет востребована в исследовании традиционных, новых, новейших дискурсивных практик и поможет осмыслить процессы, происходящие в изменяющемся мире речевой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кантурова М. А., Стеклова Т. И. Производительность и вариативность речевых жанров. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2019. 128 с.
2. Гиндин С. И. Бoleвые точки теории речевых жанров // Русский язык сегодня. Вып. 6 : Речевые жанры современного общения : сб. докл. М. : Флинта ; Наука 2015. С. 55–61.
3. Деметьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
4. Портреты речевых жанров : разные дискурсивные практики / под ред. Т. А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 278 с.
5. Шмелева Т. В. Энциклопедия речевых жанров как проект : на пути к воплощению // Речевые жанры современного общения : тез. докл. междунар. конф. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 168–170.
6. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
7. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99–111.
8. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 116–123.
9. Курлович Е. Очерки по лингвистике. Биробиджан : ИП «Тривиум», 2000. 50 с.
10. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация : анализ производных предложений русского языка. Пермь : Изд-во ПГУ, 1974. 170 с.
11. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь : Изд-во ПГУ, 1984. 56 с.
12. Чувакин А. А., Бровкина Ю. Ю., Волкова Н. А., Никонова Т. Н. К проблематике деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4 / под ред. А. А. Чувакина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 5–29.
13. Кукеева Г. В. Рассказ-анекдот XXI века как результат межтекстовой деривации // Культура и текст. 2012. № 1. С. 31–34.
14. Клинк Е. И. Базовая коммуникативная модель жанра имиджевой статьи в аспекте соотношения «Инвариант / вариант» // Филология и человек. 2015. № 4. С. 168–175.
15. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159.
16. Рабенко Т. Г. Жанры естественной письменной речи в вариантологическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 356 с.

REFERENCES

1. Kanturova M. A., Steklova T. I. *Proizvodnost' i variativnost' rechevykh zhanrov* [Productivity and variability of speech genres]. Novosibirsk, Novosib. gos. ped. un-t, 2019. 128 p. (in Russian).
2. Gindin S. I. *Boleye točki teorii rechevykh zhanrov* [The pain points of the theory of speech genres]. *Russkij yazyk segodnya. Vyp. 6 : Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniya : sb. dokl.* [Russian today. Iss. 6 : Speech genres

of modern communication : coll. report]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015, pp. 55–61 (in Russian).

3. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres.] Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

4. Demeshkina T. A., ed. *Portrety rechevykh zhanrov : raznye diskursivnye praktiki* [Portraits of speech genres : different discursive practices]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2016. 278 p. (in Russian).

5. Shmeleva T. V. *Enciklopediya rechevykh zhanrov kak proekt : na puti k voploshcheniyu* [Encyclopedia of speech genres as a project : on the way to realization]. In: *Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniya : tez. dokl. mezhdunar. konferencii* [Speech genres of modern communication : Abstracts of the international conference]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2015, pp. 168–170 (in Russian).

6. Shmeleva T. V. *Model' rechevogo zhanra* [Speech genre model]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. art.]. Saratov, GosUNC “Kolledzh”, 1997, pp. 88–98 (in Russian).

7. Vezhbitska A. *Rechevye zhanry* [Speech genres] *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. sci. art.]. Saratov, GosUNC “Kolledzh”, 1997, pp. 99–111 (in Russian).

8. Lebedeva N. B. *Zhanry estestvennoj pis'mennoj rechi* [Genres of natural writing]. In: *Antologiya rechevykh zhanrov : povsednevnyaya kommunikaciya* [Anthology of speech genres : everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 116–123 (in Russian).

9. Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* [Essays on the linguist]. Birobidzhan, IP “Trivium” Publ., 2000. 50 p. (in Russian).

10. Murzin L. N. *Sintaksicheskaya derivaciya : analiz proizvodnykh pred-lozhenij russkogo yazyka* [Syntax Derivation : Analysis of Derivatives of the Russian Language Proposal]. Perm, Izd-vo PGU, 1974. 170 p. (in Russian).

11. Murzin L. N. *Osnovy derivatologii* [Basics of Derivatology]. Perm, Izd-vo PGU, 1984. 56 p. (in Russian)

12. Chuvakin A. A., Brovkina Yu. Yu., Volkova N. A., Nikonova T. N. *K problematike derivacionnoj tekstologii* [To the Problem of Derivative Textology]. *Chelovek – kommunikaciya – tekst. Vyp. 4* [A. A. Chuvakin, ed., Man – Communication – Text. Iss. 4]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2000, pp. 5–29 (in Russian).

13. Kukueva G. V. *Rasskaz-anekdot XXI veka kak rezul'tat mezhtekstovoj derivacii* [The anecdote story of the XXI century as a result of intertextual derivation]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2012, no. 1, pp. 31–34 (in Russian).

14. Klink E. I. *Bazovaya kommunikativnaya model' zhanra imidzhevoj stat'i v aspekte sootnosheniya “Invariant / variant”* [Basic communicative model of the image-making genre in the aspect of the relation “Invariant / variant”]. *Filologiya i chelovek* [Philology and man], 2015, no. 4, pp. 168–175 (in Russian).

15. Salimovskij V. A., Yarullin D. V. *On the identity of the speech genre.* *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian).

16. Rabenko T. G. *Zhanry estestvennoj pis'mennoj rechi v variantologi-cheskom aspekte* [Genres of natural writing in a variant aspect]. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Кемерово, 2018. 356 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Орлова Н. В. Совокупность жанров как система: Рецензия на монографию М. А. Кантуровой, Т. И. Стексовой «Производность и вариативность речевых жанров» (Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2019. 128 с.) // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 79–83. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-79-83>

For citation

Orlova N. V. The Set of Genres as a System: Review of the Monograph by M. A. Kanturova, T. I. Steksova “Productivity and Variability of Speech Genres” (Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2019. 128 p.). *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 79–83 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-79-83>

Поступила в редакцию: 22.05.2019 / Принята: 02.08.2019 /
Опубликована: 02.03.2020

Received: 22 May 2019 / Accepted: 02 August 2019 /
Published: 02 March 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 24.02.2020. Подписано в свет 02.03.2020.
Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 9.8 (10.5). Тираж 500. Заказ 6-Т. Цена свободная.

Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.